

Ю. С. МАСЛОВ

ИМПЕРФЕКТ
ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

I. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В изучении глагольной системы славянских языков центральное место занимают вопросы глагольного вида. Категория совершенного и несовершенного видов, представляя собою яркую специфическую особенность славянского глагола, неоднократно привлекала к себе внимание языковедов, и научная литература, так или иначе освещая вопросы происхождения и исторического развития видовых категорий, насчитывает уже немало названий. Хотя эти вопросы далеко еще не получили своего полного разрешения, тем не менее некоторые из выдвигавшихся положений можно, повидимому, считать достоверными.

Так, очевидно, не подлежит сомнению, что совершенный и несовершенный виды не унаследованы славянским „языком-основой“ из индоевропейского „языка-основы“, но представляют собою специфически славянское новообразование. Даже балтийские языки, наиболее близкие славянским, не развили подлинной совершенности и несовершенности. В семантическом отношении ближайшей параллелью к славянскому противопоставлению совершенного и несовершенного видов является, пожалуй, противопоставление аориста и презента в древнегреческом, но это противопоставление с формальной стороны, а следовательно, и генетически имеет мало общего со славянскими видами. Лишь небольшая группа славянских корневых (простых) глаголов совершенного вида (*perfectiva simplicia*) может быть по вокализму корня сопоставлена с корневым аористом в древнегреческом. Это сопоставление не дает ключа к славянской видовой системе в целом. К тому же наблюдаемая в древнегреческом противоположность аориста и презента, повидимому, не может со смысловой стороны рассматриваться как непосредственное отражение исходного состояния: значения, выражавшиеся видовыми основами в индоевропейский период, были, очевидно, существенно иными, чем те, которые находим в древнегреческом.

Процесс постепенного складывания современной видовой системы, начавшийся, скорее всего, к концу общеславянского периода, завершается уже в период раздельной жизни отдельных славянских языков, хотя тождество исходных материалов и сходство во внутренних законах развития всех этих языков ведут к значительному единообразию современной видовой системы в пределах всего славянского мира (при наличии все же некоторых немаловажных расхождений в частностях). Даже первая письменная фиксация славянских языков застает их в тот момент, когда их современная видовая система является еще не до конца выработанной, когда в вопросах вида в них сохраняются еще

известные пережитки, позволяющие с большей или меньшей достоверностью реконструировать предшествующее состояние.

Что же предшествовало возникновению совершенного и несовершенного видов? Какие видовые или подобные им категории существовали в языке раньше, до современных видов, и составили базу для последующего развития современной видовой системы?

Если положение о позднем возникновении совершенного и несовершенного видов может быть высказано с полной уверенностью, то ответ на поставленный сейчас вопрос будет неизбежно содержать больше спорного и даже гадательного. Можно думать, что первоначальной базой для возникновения каких бы то ни было видовых категорий служили более конкретные, по сути лексические оттенки глагольных значений, объединяемые под общим названием „способов действия“¹. В процессе развития грамматической абстракции из „способов действия“ постепенно, путем их обобщения, возникло противопоставление глаголов предельного, ограниченного пределом действия — глаголам беспредельного протекания. Первые можно назвать, используя уже выдигавшиеся в науке термины, „пределными“, или „терминативными“, или „определенными“ (последний термин, впрочем, хуже, ввиду его многозначности), вторые соответственно — „непределными“, „курсивными“, или „неопределенными“. Это — та ступень в развитии видовых категорий, которая достигнута, например, германскими языками. Противопоставление „пределности“ и „непределности“ тесно связано здесь с лексическим значением глагола, но проявляется и грамматически, в известных грамматических особенностях, общих всем глаголам каждой из этих двух групп. Можно сказать, что „пределность“ и „непределность“ стоит как бы на полпути между „способом действия“ и видом в собственном смысле — видом как категорией грамматической. Существенную роль в процессе превращения старых „способов действия“ в „полувидовые“ категории „пределности“ и „непределности“ играло, как можно думать, соединение глаголов с приставками. Именно приставки и вносили часто момент предела, ограничивая в пространстве и во времени беспредельное протекание соответствующего действия. Имелось, наряду с этим, и бесприставочные глаголы предельного значения. Наиболее правильным будет предположить, что такое приблизительно положение сложилось в какой-то период его развития и в славянском „языке-основе“.

А. А. Потебня писал: „Вида вовсе не было в языке славянском, как, например, нет его в настоящем времени в немецком“². В связи

¹ Термин „способы действия“, или „способ протекания“, „способ прохождения действия“ широко (хотя и не всегда достаточно четко) применяется в литературе для обозначения лексических оттенков в характере протекания глагольного действия в противоположность грамматической категории вида. В немецкой литературе последних 20—30 лет „способ действия“ именуется *Aktionsart* (впервые у Агреля в 1908 г.), а вид — *Aspekt* (наряду с этим до сих пор встречается использование термина *Aktionsart* и в более старом значении „вида“), в чешской литературе соответственно имеем *zpříslub děje* и *vid*, в польской — *rodzaj czynności* и *aspekt*, во французской — *L'ordre de procès et aspect*, в английской — *manner of action* и *aspect* и т. д. В русской лингвистической литературе термин „способ прохождения действия“ встречается у акад. В. В. Виноградова, ср., в частности, следующее высказывание: «Даже наиболее полная грамматическая классификация видовых значений далеко не исчерпывает всех тех семантических оттенков, которые вносятся приставками в обозначение „способа прохождения“ того или иного действия» („Русский язык“, 1947, стр. 523).

² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941, стр. 47. Приведенное высказывание Потебни находится в большом отрывке текста, целиком перечеркнутом в рукописи (стр. 46—47), но, на основании всего хода рассуждений в этом и соседних параграфах, можно быть уверенным, что оно полностью соответствует его концепции.

со сказанным сейчас хотелось бы уточнить это положение следующим образом: совершенного и несовершенного видов не было в языке славянском, как нет (и не было) их в немецком. Но в славянском „языке-основе“ уже различались глаголы „предельные“ и „непредельные“ (как они различаются, например, в немецком). Это различие „пределности“ и „непределности“ и послужило той непосредственной базой, на которой затем развились в славянских языках совершенный и несовершенный виды.

Можно предположить, что предельное значение было свойственно большинству глаголов с приставками, многим глаголам с носовым суффиксом и носовым инфиксом, а также простым глаголам вроде **pasti*, **skociti* (превратившимся позже в глаголы совершенного вида), вероятно и „моторно-некратным“ глаголам вроде **vesti*, **nesti*, может быть, глаголам **videti* и **cuti* и некоторым другим. Непредельное значение можно предположить для других морфологических типов глаголов, особенно для глаголов состояния с суффиксом *-ě-* во „второй“ основе, для „моторно-кратных“, для глаголов с суффиксом *-j-* (III класс в классификации Лескина) и некоторых других. Вероятно, немалое число глаголов обнаруживало колебания между предельным и непредельным значениями, способность выступать в обоих значениях.

Переход к современной видовой системе был связан с дальнейшим развитием грамматической абстракции. В ходе этого развития зависимость грамматических особенностей глаголов от оттенков их лексического значения становилась все более слабой и опосредованной. Существо перехода к современной видовой системе заключалось в образовании глагольных видовых пар и, в первую очередь, в появлении рядом с предельными основами таких производных от них основ, которые служат специально для выражения „процессного“ значения, т. е. обозначают то же самое предельное действие, но рассматриваемое в его развитии, в процессе его протекания. В этих производных основах „процессного“ значения представление о пределе действия не исчезает вовсе из поля зрения, но оказывается отодвинутым на задний план. Предел как бы маячит в перспективе, он сохраняется как та внутренняя цель, к которой направлен протекающий процесс (ср. *он выходит из дома, солнце садится* и т. д.). Именно появление подобных образований, — так называемых глаголов несовершенного вида вторичной формации, — и знаменовало собою превращение старой системы „предельных“ и „непредельных“ глаголов в новую видовую систему с ее совершенным и несовершенным видами.

По противоположности со вновь возникающими глаголами „процессного“ значения („вторичными несовершеными“) их „производящие“ глаголы из „предельных“ превращались в глаголы совершенного вида.

Одновременно в разряд глаголов несовершенного вида вливались и старые „непредельные“ глаголы („первичные несовершенные“, — „первичные“ в том смысле, что они существовали до возникновения самих видов).

Видовая дифференциация охватывает постепенно всю глагольную лексику. Это происходит уже в период раздельной исторической жизни отдельных славянских языков, причем степень развитости видовой системы каждого из них в момент, зафиксированный древнейшими дошедшими до нас памятниками письменности, может быть, так сказать, „измерена“ количеством (и широтой употребления) в этих памятниках „вторичных глаголов несовершенного вида“¹.

¹ Сказанным, разумеется, нисколько не отменяется необходимость при историческом исследовании вида учитывать целый ряд других показателей, в частности — те, речь о которых будет идти ниже.

В дальнейшем развитие глагольного вида идет к тому, чтобы почти любое глагольное значение (независимо от лексического „способа действия“) могло бы быть представлено в обоих видах, т. е. к превращению членов каждой видовой пары в формы одного глагольного слова, отличающиеся друг от друга только грамматическим значением при полном совпадении их лексического значения. Полностью, т. е. применительно ко всем абсолютно глаголам, эта тенденция не осуществлялась ни в одном из славянских языков, но в каждом славянском языке она стала действительностью для основной массы глаголов.

Формирование категории совершенного и несовершенного видов про текало, если можно так выразиться, не в „бездвоздушном пространстве“, а в сложном взаимодействии с уже существовавшей в языке системой времен.

Превращение бывших „предельных“ глаголов в глаголы совершенного вида сделало невозможным употребление форм настоящего времени этих глаголов в значении конкретного настоящего (т. е. действия, выполняемого конкретно в момент речи о нем). В сфере прошедшего времени формировавшиеся видовые значения совершенности и несовершенности вступили в сложное взаимодействие с видовыми в известном смысле значениями, присущими славянскому аористу и имперфекту. Сходным образом обстояло дело и в причастиях, так как и причастным образованиям были издавна свойственны известные видовые оттенки (это сказывается даже в языках, в которых развитие видовых категорий не пошло дальше выработки „пределности“ и „непределности“).

Изучение вопросов происхождения глагольного вида в славянских языках невозможно без учета отмеченных сейчас фактов тесного взаимодействия между видовым значением глагольной основы и значением аориста, имперфекта, тех или иных причастий. И наоборот — учет этого взаимодействия обещает пролить свет на многие темные вопросы как в истории глагольного вида, так и в истории самих перечисленных форм. Именно вопросу о взаимодействии новых видовых категорий с более старыми видовыми оттенками одного из глагольных времен — имперфекта — и посвящена данная работа.

* * *

Как известно, те древние и новые славянские языки, которые сохранили формы общеславянского имперфекта, образуют его главным образом (а некоторые из них — исключительно или почти исключительно) от глаголов несовершенного вида. Именно имперфект, образованный от глагольной основы несовершенного видового значения, является, таким образом, „нормальным“ типом имперфекта. Значение этого „нормального“ имперфекта описано и изучено довольно хорошо: эта форма обозначает глагольное действие как длившееся и незаконченное в прошлом, незаконченное в какой-то момент прошедшего времени, иногда длившуюся и „незамкнутую“ в какой-то момент прошедшего времени цепь, вереницу повторявшихся действий. В силу такого своего значения эта форма часто употребляется для описания сопровождающих обстоятельств, одновременных главному действию (выраженному в повествовании аористом), а также для описания обычаем, привычек действующих лиц и вообще постоянных ситуаций, относящихся к плану прошедшего и составляющих „фон“ для поступательного

движения рассказа¹. В некоторых случаях на базе основного значения незаконченности действия в прошлом развивается модально-видовое значение „конативности“, т. е. нереализованной попытки, стремления осуществить действие (так называемый „imperfectum de conatu“), например: *давъхъ ємоу лити оцътъно вино. онъ же не прибътъ* (Мар. ев., Марк. 15, 23) — „давали пить“, т. е. пытались дать.

Наряду с этим встречаются примеры совсем другого, чисто модального² значения форм имперфекта, — значения своего рода условного наклонения. Это значение по существу не связано с прошедшим временем. Ср. у Иоанна Экзарха: *аще бо* (имеется в виду „небо вышнек“) *би и слнца не имѣло, ни лоуны ни звѣздъ, то и само то ро(до)мъ свѣтѣаше се* (Шестоднев, л. 8, цит. по изд. 1879 г.) — „то и само по себе светилось бы“ — возможность мыслится как вневременная, наличная в любое время. Сходное употребление (но только не в рамках главного, как в приведенном сейчас примере, а в рамках придаточного условия предложения) широко распространено в современном болгарском языке, например: *Да имах чично владика, не щях да вѣрятъ мотика* (пословица) — „если бы у меня дядя был епископом, я не возился бы с мотыгой“; *ако добитѣщите знахаха да говорятъ, те щяха да бѣдат като нас* (И. Йовков, Ако можеха да говорят, 108)³ — „если бы животные умели говорить, они были бы как мы“ и т. д. Сходное употребление встречается, хотя и реже, в некоторых говорах сербохорватского языка, в частности, в главном предложении, например: *Не остављај ја мојे баштинѣ, па да ми даднѹ три куће у Подгорицу* (Црминички говор, Черногория) — „я не оставил бы“.

Интересно, что в том же модальном значении условного наклонения может выступать и плюсквамперфект (от глаголов обоих видов), образованный сочетанием имперфекта глагола *быть* с причастием на *-л*, но в этом случае речь будет нормально идти о событиях, относящихся к плану прошлого. Так, в современном болгарском языке: *Вечерта, когато се вѣрнах в къщи, получих от баща си такава плесница, че ако бе последвала и втора, сигурно щях да падна в несвѣст* (Г. Белев, Иглата се счупи, 49) — „...если бы последовала и вторая, я наверняка бы потерял сознание“; *да не беше ни подвел, обещаніе нямаше да дадем* (А. Гуляшки, Обещание, 57) — „если бы он нас не подвел, мы бы не дали обещание“. В говорах сербохорватского языка: *Да бѣсмо продѣли рибу док је фрѣшка, ѡасмо ўзѣт коју пâру више* (Црминички говор, Черногория) — „если бы мы продали рыбу, пока она свежая, мы выручили бы больше денег“.

¹ Некоторые языковеды усматривают основное значение имперфекта именно в значении одновременности соответствующего действия другому прошедшему факту (ср., напр., В. Navránek. Aspect et temps du verbe en vieux slave. Mélanges de linguistique offert à Ch. Bally, Женева, 1939), что, по нашему мнению, неправильно. Одновременность есть лишь частный случай (хотя и очень распространенный) более общего значения незаконченности действия в прошедшем.

² Строго говоря, это и некоторые другие рассматриваемые ниже значения имперфекта следовало бы называть не просто „модальными“, а „неизъявительно-модальными“, поскольку изъявительная модальность есть также одна из модальностей (и притом — важнейшая: модальность полного соответствия высказываемого действительности). Но мы для краткости и ввиду непривычности термина „неизъявительно-модальные значения“ будем здесь и ниже всюду говорить просто о модальных значениях имперфекта, понимая под этим все те значения, которые выходят за пределы простой „индикативной“ констатации факта.

³ Сведения об использованных при написании данной статьи изданиях новеболгарских текстов см. ниже.

Вневременное или, во всяком случае, не относящееся к прошедшему времени модальное употребление имперфекта в своего рода гипотетическом значении находим и на древнерусской почве, в зачине „Слова о полку Игореве“: *Не лѣпо ли ны бяшетъ, братie, начати старыми словесы трудныхъ повѣстей о пѣлку Игоревѣ* — „не приличествовало бы нам...“

Какова генетическая связь между видо-временным значением имперфекта и его модальными значениями — значением условного наклонения и гипотетическим значением? Какое из этих значений старше? В свое время И. В. Ягич в послесловии к своему изданию Мариинского евангелия выдвинул гипотезу о происхождении славянского имперфекта из **с**-оптатива и, в связи с этим, о первичности модального значения в формах имперфекта¹. Впоследствии гипотеза эта была оставлена самим автором².

Судя по всему, более старым значением имперфекта приходится считать его видо-временное значение длительного незавершенного действия в прошлом, что находит себе опору и в сопоставлении суффиксов имперфекта **-ё-** и **-а-** с суффиксами глаголов состояния — в типе ст.-слав. *сѣдѣти* (ср. *сѣсти*), *бѣдѣти* (ср. *боудити*), *трѣпѣти* и т. д. и в *имамъ* (ср. *јѫто*) и с суффиксом **-а-** „моторно-кратных“ глаголов вроде ст.-слав. *плавати* (ср. *плоути*), русск. *таскать* (ср. *тащить*) и т. д. и вторичных образований несовершенного вида (*падати* рядом с *пасти*). Переход от значения прошедшего времени к модальному значению мог бы быть сопоставлен с аналогичным переходом значения, отмечаемым в аористе *быхъ*, *бы*; такое сопоставление было сделано А. А. Потебней, указывавшим на определенную связь „между прошедшими временами изъявительного наклонения и условностью, и даже вообще идеальными наклонениями“³. Конечно, в вопросе этом пока много темного, и все же положение о первичности видо-временного значения имперфекта вряд ли подлежит сомнению.

Тем более интересными, однако, являются те, более редкие случаи, в которых формы имперфекта оказываются образованными от глагольных основ совершенного вида или, по крайней мере, от глагольных основ, выступающих в дальнейшем в качестве основ совершенного вида, скажем, такие формы, как др.-русск. *прильняше(ть)* от *прильну* или ст.-слав. *начынѣхомъ* от *начынѣ*. О чем говорят подобные случаи? Как их понимать? Могут ли они служить свидетельством того, что соответствующие основы еще не получили в период, когда употреблялись эти формы, значения совершенного вида? Или, может быть, наоборот, в них надо видеть позднейшее явление — отражение утраты имперфектом его специфического значения, упадок старых норм — и потому при решении вопросов происхождения глагольного вида примеры эти должны остаться в стороне как непоказательные? Или, наконец, в каких-то пределах подобное употребление имперфекта глаголов совершенного вида может считаться нормальным, и если так, то каковы эти пределы?

В данной статье делается попытка ответить на поставленные сейчас вопросы. Пусть эти вопросы являются частными в рамках общих задач, стоящих перед историком славянского глагольного вида. Автор убежден, что именно исследование подобных частных вопросов может дать необходимый материал для последующих обобщений. Именно по такому пути, по

¹ См. Мариинское четвероевангелие, СПб., 1883, стр. 458 и сл.

² См. Archiv für slavische Philologie, т. 28, стр. 27 и сл.

³ А. А. Потебня. Ук. соч., т. I—II, 2-е изд. (Харьков, 1888), стр. 270.

пути конкретного исследования отдельных вопросов истории глагольного вида и идут сейчас советские лингвисты, занимающиеся историей глагольного вида в славянских языках¹.

Где же конкретно, в каких славянских языках и диалектах, в какие периоды их историй, в каких памятниках встречается интересующая нас форма — имперфект глаголов совершенного вида?

Из древних славянских языков наиболее богатый материал дают древнерусские памятники повествовательного жанра, особенно летопись и Житие Феодосия, и такие древнечешеские памятники, как Хроника Далимила, Александрида, Градецкая рукопись, Životy sv. Otcův, Оломоуцкая библия и т. д. Несколько меньший материал находим у поэтов Дубровника и в некоторых прозаических старохорватских текстах (Тондаль, Житие Иеролима и др.). Значительно слабее представлена интересующая нас форма в памятниках старославянского языка. Почти ничего не дают Фрейзингенские отрывки и ничего надежного — древнейшие польские памятники. Что касается живых современных славянских языков, сохранивших в той или иной мере формы аориста и имперфекта, то сербо-хорватский сейчас вовсе не знает имперфекта совершенных глаголов, в верхне- и нижнелужицком дело обстоит по существу так же, хотя некоторые факты этих языков имеют известное отношение к интересующему нас образованию. Зато в современном болгарском языке формы имперфекта глаголов совершенного вида образуются без затруднений, представляя собой вполне живую и продуктивную категорию.

* * *

Обратимся теперь к краткому обзору основных имеющихся в литературе высказываний об имперфекте глаголов совершенного вида.

Высказываний этих не очень много. Некоторые ученые, писавшие о славянском имперфекте вообще, обходили упорным молчанием случаи имперфекта совершенных глаголов. Откровенно высказался Дельбрюк: „По природе вещей имперфект не может быть образован от совершенных глаголов.... Как понимать примеры, приводимые Миклошичем..., я не знаю“². Показательно, что и сам Миклошич никак не объясняет отмеченного им употребления³. Уклонился от объяснения случаев подобного имперфекта также Лескин⁴, а Мейе прямо игнорирует

¹ Ср., в частности, интересные исследования советских лингвистов Е. В. Чешко и В. В. Бородич (Е. В. Чешко. К истории славянских глагольных видов. Основы глаголов движения в Эзографском кодексе. — Ученые записки Института славяноведения, III, 1951, стр. 328—344. В. В. Бородич. К истории форм настоящего времени глаголов совершенного вида в древнеболгарском языке. — Там же, стр. 345—393). Сюда же примыкает конкретная разработка вопросов глагольного вида в отдельные периоды позднейшей истории отдельных славянских языков (см., напр., С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., Изд. АН СССР, 1952).

² В. Delbrück. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, т. II. Страсбург, 1897, стр. 340.

³ См. F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, т. IV. Вена, 1868—1874, стр. 786, пункт 3. — Попутно отметим явную ошибку Миклошича, проявившуюся в приведении, в числе других примеров, болгарского примера *отън ѧснєше*. Глагол *ѧсна* (как и русское *ѧснуть*) несовершенного вида.

⁴ В своей „Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache“ (Гейдельберг, 1909) Лескин лишь констатирует, что в старославянском „перфективный глагол почти никогда не является в форме имперфекта (стр. 225). Аналогично в „Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache“. 5 изд., Веймар, 1910, стр. 172.

имперфект совершенных глаголов, вступая в противоречие с фактами¹.

Между тем в свое время уже Г. К. Ульянов пытался определенным образом осмыслить имперфект совершенных глаголов, хотя он по-разному толковал его в I и во II томе своего капитального труда „Значения глагольных основ в литовско-славянском языке“. Судя по I тому, Ульянов видел в существовании этих форм доказательство несовершенного в прошлом видового значения соответствующих основ (конкретно он имел в виду основы на *-не-*)², но впоследствии изменил свою точку зрения и во II томе рассматривал подобное употребление как „нормальное“ в определенных синтаксических условиях. „Общеславянской формой, обозначавшей отношение к прошедшему времени утверждения, выражаемого относительным предложением, — писал здесь Ульянов, — был имперфект, образуемый от основ недлительных; такой имперфект мы находим во многих отдельных языках, по крайней мере, в древнейшие их эпохи“³. И ниже: „Но имперфект от недлительных основ в славянских языках может употребляться не только в относительных, но также и в простых предложениях; в последнем случае имперфект обозначает возможность или готовность сочетания признака с субъектом“⁴.

Оба типа употребления иллюстрируются рядом примеров, в частности, первый тип (употребление в относительном предложении) — примером из Повести временных лет: *аще кто умряше, творяху триену надъ нимъ* (и другими аналогичными примерами)⁵, второй тип (в значении возможности или готовности сочетания признака с субъектом) — примером из Супрасльской рукописи: *бъшътъ бо ни юдноже бѣ отъ него сътворено дѣло... кже не къ небесъноуому приатию подвигнѣзше оумъ*, — в трактовке Ульянова „которое не могло бы побудить“⁶, — и некоторыми другими примерами. Для обоих случаев Ульянов обращает внимание на параллелизм между употреблением имперфекта и аналогичным употреблением настоящего времени тоже от основ совершенного вида.

В черновых рукописях А. А. Потебни, написанных еще в 80-х годах XIX в., т. е. до выхода в свет работы Ульянова, но опубликованных лишь в 1941 г. в качестве IV тома „Из записок по русской грамматике“, находим двойственную трактовку интересующих нас случаев. Приведя большой материал из древнерусской летописи и некоторых других памятников, Потебня пишет:

«Таким образом от глаголов *начати, изъти, усънути, прильнуть, въкынутися* и других подобных проходящее имеет значение современного прошедшего от глаголов *начинать, выходить, засыпать, прилипать* и пр. С точки зрения современного языка, кажется непонятным, как в древнем языке прошедшее от *прильнутi*, именно *прильнѧштъ*, может значить „прилипал“.

¹ „Имперфект, — пишет Мейе, — образуется в принципе только от глаголов несовершенного вида“ (Общеславянский язык. М., 1951, § 294, стр. 219; см. также § 295 там же и комментарий П. С. Кузнецова к этому параграфу, стр. 451).

² Ср., например, следующее место: „В старом сербском языке форм от основ на *-не-* без перфективного значения было более. Об этом можно заключить на основании того факта, что в памятниках является целый ряд imperfect'ов от основ на *-не-*; imperfectum же может быть образован только в том случае от этих основ, когда они не являются с перфективным значением“ (Г. Ульянов. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, I часть. Варшава, 1891, стр. 167).

³ Там же, II часть. Варшава, 1895, стр. 226.

⁴ Там же, стр. 227.

⁵ См. ниже, стр. 84.

⁶ См. ниже, стр. 114

Но современная точка зрения здесь неуместна. Длительность такого прошедшего зависит от его характера. Если глагол в других формах имеет значение совершенного, в силу влияния предлога, то в прошедшем длительном предлог или сохраняет только свое пространственное значение или обозначает оконченность отдельных действий, составляющих ряд, обозначаемый этим прошедшим (*начняхутъ, прильняшеть*)¹.

Как показывают это и другие высказывания Потебни, он в основном склоняется к тому, чтобы рассматривать все подобные примеры как случаи „длительного значения“, эквивалентного значению прошедшего несовершенного современного русского языка. Став на эту точку зрения, мы должны исключить имперфект из числа форм, показательных для оценки видового значения конкретных основ, образующих эту форму: в имперфекте все основы оказываются, так сказать, „уравненными в своих правах“, все они оказываются несовершенными (или безвидовыми), — „длительность такого прошедшего зависит от его характера“, а строение каждой данной глагольной основы не играет здесь никакой роли². Близкие идеи составили базу для концепции, предложенной несколько лет назад проф. Т. П. Ломтевым, согласно которой видовая дифференциация лишь постепенно охватывает формы разных времен и, в частности, аорист и имперфект составляют участок, наиболее поздно охватываемый этой дифференциацией, что связано с наличием в самих этих формах определенных присущих им видовых значений³.

Вместе с тем, как видим, Потебня допускает и другую возможность: рассматриваемые формы могут выражать „оконченность отдельных действий, составляющих ряд“, т. е. выражать многократное действие, отдельные части которого (отдельные акты, составляющие ряд) характеризуются завершенностью, хотя весь ряд в целом подобной завершенности не имеет. Об этом же говорит формулировка, которую дает П. С. Кузнецов: „неограниченная в прошлом повторяемость действий, каждый раз законченных“⁴.

Именно по линии указания на многократность (итеративность) действия, выражаемую интересующими нас формами (но обычно без достаточного подчеркивания завершенности, оконченности отдельных действий, составляющих ряд), пошли и некоторые другие ученые, писавшие об имперфекте глаголов совершенного вида в древних слав-

¹ А. А. Потебня. Ук. соч., т. IV, стр. 148.

² Говоря, что „предлог“, т. е. глаголная приставка, сохраняет в формах имперфекта „только свое пространственное значение“, Потебня оказывается вынужденным давать отдельные объяснения случаям вроде *будяшеть*, где, однако, тоже, по его словам, „оттенок совершенности легко стирается характером прошедшего длительного“ (стр. 149).

³ См. Т. П. Ломтев. К характеристике видовой дифференциации претеритальных форм глагола в древнем русском языке. — Ученые записки Московского гос. университета. Труды кафедры русского языка, кн. 2. М., 1948, стр. 72; его же. Изменения в употреблении глагола относительно категорий вида и времени. — Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 3. М., 1947, стр. 25. Для старочешского языка несовершенное видовое значение предполагал в формах имперфекта совершенных глаголов И. Зубаты. См. его статью „K frequentativním odvozeninám s příponou -vatī od sloves 4. třídy“, Listy filologické, 42 (1915), стр. 237.

⁴ См. А. Мейе. Общеславянский язык. Примечания [П. С. Кузнецова]. стр. 451. — В статье П. С. Кузнецова „К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка“ (Труды Института языкоznания, т. II, 1953) дается такая формулировка: „мы имеем дело с действием в прошлом, неограниченно повторявшимся, но каждый раз законченным или мгновенным“ (стр. 250).

вя́нских языках, в частности — чешские языковеды Я. Гебауэр¹ и и В. Вондрак².

Гебауэр, как до него Ульянов, становится на путь дифференцированного подхода к разным типам случаев. Так, он (а вслед за ним и Вондрак), наряду с преобладающим значением многократности, отмечает также возможность модального значения рассматриваемых форм имперфекта (хотя и в несколько ином смысле, чем у Ульянова). В некоторых других случаях Гебауэр отмечает употребление форм имперфекта совершенных глаголов вместо аориста в результате начавшегося разрушения старой системы прошедших времен. Для древнерусского на подобные случаи (напр.: *и литургии З съверши в церковах и оттоле поидяше к Новгороду* в I Новгородской летописи, вместо правильного *поиде*) указывает А. И. Ефимов³.

На многократность как на основное значение интересующих нас форм указывали также Сарая и ван-Вейк. Сарая называют имперфект совершенных глаголов „*praeteritum consuetudinale perfectivum*“, т. е. „прошедшее совершенное обычного действия“⁴. Ван-Вейк продолжает традицию дифференцированного подхода к разным типам случаев, начатую Ульяновым и развитую дальше Гебауэром (и, отчасти, Сарая). В частности, ван-Вейк различает два типа случаев: а) случаи, в которых интересующая нас форма обозначает „повторяющиеся события, состоящие из отдельных актов, воспринимаемых как перфективные“ (см. формулировку Потебни „оконченность отдельных действий, составляющих ряд“), и б) случаи неправильного употребления, как выражается ван-Вейк, „просто вследствие притупления языкового чувства“⁵.

Против положения о том, что главным и преобладающим значением интересующих нас форм является значение многократности, „повторяемости“ действия, выступил Ф. Травничек⁶. В подтверждение своей точки зрения он ссылается главным образом на переводы соответствующих древнечешских примеров на современный чешский язык формами прошедшего времени глаголов совершенного вида (что, однако, вовсе еще не говорит против наличия в них многократного значения). К Травничеку присоединился Б. Гавранек⁷.

Авторы, писавшие о соответствующей форме современного болгарского языка, находили в ней значение многократности. Так трактует

¹ См. специальную статью Гебауэра „Bedeutung des altböhmisches Imperfekts“, *Archiv für slavische Philologie*, 25 (1903), стр. 341—354. Значение многократности Гебауэр отмечает (наряду со значением длительности действия) и для имперфекта несовершенных глаголов.

² См. W. Vondrák. *Vergleichende slavische Grammatik*, т. II. Геттинген, 1908, стр. 276.

³ См. А. И. Ефимов. К истории форм прошедшего времени русского глагола. — Ученые записки Пермского гос. пед. института, вып. 2. Пермь, 1937, стр. 104. Орфографию примера сохраняю такой, какой она дана у автора.

⁴ Chr. Sarauw. *Syntaktisches. Das perfektive Imperfekt im Altslavischen*. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 38 (1905), стр. 155 и сл. Назвав имперфект совершенных глаголов „прошедшем совершенном обычного действия“, Сарая сразу же оговаривается, что, собственно, эта форма служит не столько для выражения обычного действия (которое выражается „нормальным“ имперфектом несовершенных глаголов), сколько для выражения „действия от случая к случаю“ (*des gelegentlichen Vorgangs*). Обе формы, — т. е. имперфект несовершенных и имперфект совершенных глаголов, — противостоят друг другу, по мысли Сарая, „приблизительно так же, как в английском *he used to do it* и *he would do it*“.

⁵ N. van Wijk. Die sogenannten Verba iterativa und die Bezeichnung der wiederholten Handlung im Altkirchenslavischen. *Indogermanische Forschungen*, 45 (1927), стр. 100—104.

⁶ См. Fr. Trávníček. *Studie o českém vidu slovesném*. Прага, 1923, стр. 303 и 304.

⁷ См. B. Havránek. Ук. соч., стр. 227.

ее и Л. Андрейчин¹, который также добавляет, что различие между имперфектом несовершенных глаголов в значении многократного действия и имперфектом глаголов совершенного вида заключается в „большой выразительности“ последнего. Здесь же Андрейчин подчеркивает, что в современном болгарском языке имперфект глаголов совершенного вида употребляется преимущественно в придаточных предложениях, тогда как имперфект глаголов несовершенных свободно используется и в главных, с чем интересно сравнить приведенное выше замечание Ульянова.

Вот, собственно, все наиболее существенное, что было высказано по интересующему нас вопросу. Подводя итог, следует отметить два положительных момента во всей изложенной дискуссии. Во-первых, то, что в упомянутых статьях и работах оказался собранным довольно большой материал из древних славянских языков, в совокупности дающий довольно полную картину употребления интересующей нас формы. Во-вторых, положительным достижением следует считать то, что в работах Ульянова, Гебауэра, ван-Вейка и др. был намечен принцип дифференцированного подхода к разным типам случаев. Очевидно, по этому пути и должно пойти дальнейшее изучение имперфекта совершенных глаголов. Повидимому, в ходе такого изучения окажется неизбежным разграничение трех возможностей: 1) случаев, связанных с недостаточной дифференциированностью совершенного и несовершенного видов, когда глагольная основа, воспринимаемая нами, с точки зрения современного языка, как основа совершенного вида, образует форму имперфекта потому, что эта основа в действительности не стала еще в древнем языке основой совершенного вида; 2) случаев, связанных с упадком старых норм употребления, с разрушением общеславянской системы прошедших времен, когда основа совершенного вида образует форму имперфекта потому, что утрачено смысловое разграничение имперфекта и аориста, и 3) случаев, в которых вид глагольной основы ощущается четко и, тем не менее, форма имперфекта образуется для передачи какого-то специального, именно ей присущего оттенка значения. Разумеется, в этих случаях важно будет определить, какой именно оттенок передается интересующей нас формой в том или ином типе ее синтаксического употребления.

Теперь, не останавливаясь на отдельных частностях, укажем на один общий недостаток всех высказываний, делавшихся в связи с имперфектом совершенных глаголов в древних славянских языках. Этот общий недостаток заключается, по нашему мнению, в том, что авторы всех этих высказываний замыкались в материале одних древних славянских языков (нередко даже в материале какого-нибудь одного древнего языка) и совсем, или почти совсем, не привлекали богатейший материал того живого славянского языка, который имеет интересующую нас форму, т. е. болгарского. Между тем привлечение этого материала было бы в данном случае чрезвычайно важно и поучительно.

Дело в том, что, как известно, современный болгарский язык, с одной стороны, полностью сохранил общеславянскую систему прошедших времен с ее аористом и имперфектом, а, с другой стороны, не в меньшей мере, чем другие современные славянские языки, развил новую, вполне современную систему совершенного и несовершенного видов. Несомненно, что учет материалов современного болгарского языка мог бы разъяснить очень многое в древнем употреблении времен и

¹ См. Л. А н д р е й ч и н . Основна българска граматика. София, 1942, стр. 234 и сл. или русский перевод: Грамматика болгарского языка. М., 1949, стр. 170 и сл.

видов и уберечь исследователя от некоторых преждевременных выводов. В частности, существование имперфекта глаголов совершенного вида в современном живом болгарском языке наиболее наглядно опровергает все умозрительные домыслы о „принципиальной невозможности“ или „противоестественности“ подобной формы. Поступательное, шаг за шагом проведенное сравнение древнего употребления с употреблением современного болгарского языка позволило бы отделить в древнем употреблении то, что „вяжется“ с развитой современной системой вида, не составляя с ней какого-либо *contradictio in adjecto*, от того, что, действительно, „не вяжется“ с этой системой и, тем самым, одним фактом своего существования указывает на отличия древней, еще не полностью развившейся системы вида от системы современной.

Но материал болгарского языка не привлекался к рассмотрению ни где, за исключением работ по болгарской грамматике; только отдельные болгарские примеры, в качестве более или менее случайных иллюстраций, попадали изредка на страницы работ, так или иначе затрагивавших нашу тему применительно к древним славянским языкам, причем в этих работах подобные примеры играли, естественно, роль случайных параллелей, из которых не делалось каких-либо существенных выводов.

* * *

То, что случаи имперфекта совершенных глаголов, встречающиеся в древних памятниках ряда славянских языков, в большинстве своем уже собраны в указанных выше исследованиях Потебни, Ягича¹, Гебауэра, Травничка и других, существенно облегчило нашу работу и позволило в ряде случаев, не предпринимая сплошного обследования памятников, ограничиться выборочным обследованием или даже простой проверкой примеров по изданиям соответствующих текстов.

Детальному обследованию мы подвергли лишь следующие древние тексты:

старославянские — евангелие (по неоднократно уже упомянутому изданию Мариинского евангелия Ягича с учетом приводимых там разночтений) и Супрасльскую рукопись²;

древнерусские — Повесть временных лет по Лаврентьевскому и по Ипатьевскому спискам с учетом всех списков, привлекаемых в издании Лаврентьевской летописи Е. Ф. Карским³ и в издании Ипатьевской летописи А. А. Шахматовым⁴; Житие Феодосия⁵; Слово о полку Игореве⁶.

¹ Помимо послесловия к своему изданию Мариинского евангелия Ягич приводит некоторое количество древнерусских примеров в рецензии на „Лекции“ А. И. Соболевского (см. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 132 и сл.), впрочем, не указывая, что приводимые им формы имперфекта обозначены от основ совершенного вида.

² Супрасльская рукопись. Труд С. Северьянова, т. I. СПб., 1904.

³ Полное собрание Русских Летописей, издаваемое... археографической комиссией..., т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. I. Повесть временных лет. Изд. второе, Ленинград, 1926. — Сокращение при цитатах: ПВЛЛ (Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку). Цифры указывают год и столбец этого издания.

⁴ Полное собрание Русских Летописей, изданное... археографическою комиссией, т. II. Ипатьевская летопись. Изд. второе, СПб., 1908. Сокращение при цитатах: ПВЛИ. Цифры указывают год и столбец этого издания.

⁵ Житие... Феодосия, изд. О. М. Бодянским (по списку XII в., принадлежавшему Московскому Успенскому собору). М., 1858. — Сокращение при цитатах: Ж. Ф.

⁶ Цифры при цитатах из Слова [СПИ] указывают страницу по изд. 1800 г.

Из памятников других славянских языков были подвергнуты сплошному обследованию Фрейзингенские отрывки¹ и некоторое количество современных болгарских текстов, в частности, произведения Ив. Вазова, Ал. Константинова, Й. Йовкова, Г. Караславова, Л. Стоянова, Ст. Даскалова, Кр. Григорова и др.²

Выборочному обследованию были подвергнуты Ипатьевская летопись за пределами Повести временных лет³, Киево-Печерский патерик⁴, I Новгородская летопись по Синодальному списку⁵, Псковская летопись⁶, Житие и сказание о Борисе и Глебе⁷, старочешские Životy sv. otcův в издании Сметанки⁸ и Градецкая рукопись⁹. Отдельные старочешские примеры привлекались из Александриды и из Хроники Далимилы¹⁰, а отдельные древнерусские примеры — из словаря Срезневского. Для хорватского, кроме примеров Ульянова и Ягича, мы воспользовались списком форм имперфекта, содержащимся в старой статье Валявца¹¹, привлекая по соответствующим изданиям необходимый контекст¹².

1 Dr V. Vondrák. Frisinské památky. Прага, 1896.

2 Использованы были следующие издания (в прямых скобках даются сокращенные обозначения при цитатах): Г. Белев. Иглата се счупи, 2-е изд. София, 1946 [ГБ]. — Иван Вазов. Под иого. М., 1950 [ПИ]; Митрофан и Дормидолски — в сб. рассказов Вазова. М., 1949 [МиД]. — Кр. Велков. Село Борово, 3-е изд. София, 1946 [КВ]. — М. Георгиев. Избрани разкази, т. II. София, 1943 (в частности, рассказы „С тебешир и с въглен“ [С тебешир], „Разкумил кума си“ [Разкумил]). — Кр. Григоров. Сеитба — в сб. „Рассказы современных болгарских писателей“. М., 1950 [Сеитба], Бонбоните на Ламбо, Търговия, Костадин Бусара — в журнале „Септември“, год. II, 7, 1950 [Ламбо, Търговия, Бусара]. — А. Гуляшки. Обещание — в журн. „Септември“, 2, 1949 [АГ]. — Ст. Даскалов. Двор. София, 1946 [при цитатах указывается название рассказа: Машината, Гнездо, Двор]. — Елин Пелин. Аз ти той. София, 1945 [ЕП]. — Й. Йовков. Старопланински легеди, изд-во Български писател, София, 1948 [Ст. Л.]; Ако можеха да говорят, изд-во Български писател, София, 1948 [Ако мож.]. — К. Калчев. В края на лято, София, 1945 [КК]. — Г. Караславов. Снаха, 3-е изд. София, 1945 [Снаха] Татул, М., 1952 [Татул]. — А. Константинов. Бай Ганю, Хемус. София, 1948 [Бай Г.]. — Л. Стоянов. Зазоряване. София, 1945 [ЛС].

3 По изданию А. А. Шахматова, см. сноска 4 на стр. 79. — Сокращение при цитатах: ИЛ. Цифры указывают год и столбец.

4 По изданию Д. Абрамовича: Киево-Печерский Патерик. Київ, 1930. — Сокращение при цитатах: КПП.

5 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.

6 По изданию А. Насонова. Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941 и М. Погодина, Псковская летопись. М., 1837.

7 Жития... Бориса и Глеба. Приготовила к печати Д. И. Абрамович. П., 1916.

8 Staročeské životy svatých otcův. K vydání upravil Emil Smetánka. Прага, 1909. Sbírka pramenů ku poznání literárního života v Čechách, na Moravě a v Slezsku, Sk. I, Rada I, C. 8. — Сокращенное обозначение: Otc. B (рукопись B, первой половины XV в., положенная в основу издания). Цифра указывает лист рукописи и страницу издания.

9 В изд. А. Патеры, Hradecký Rukopis, Прага 1881. Památky staré literatury české vydávané Maticí Českou. С. VIII. Цифры при цитатах указывают лист рукописи (в нумерации этого издания) и страницу.

10 Были использованы следующие издания: Александренда в изд. М. Гатталы и А. Патеры. Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. Прага, 1881 [Alex. Цифры указывают страницу этого издания]. — Хроника Далимилы в издании В. Моурека, Kronika Dalimilova podle rukopisu Cambridgeského. Прага, 1892 [Dal. С. Цифры указывают лист рукописи] и в издании Иречека, Rýmovaná kronika česká tak řečeného Dalimila. Прага, 1878. Prameny dějin českých. Díl III, Sv. 1—3 [Dal J. Цифры указывают номер главы и страницу издания].

11 M. Valjavec. Imperfekat kako se tvori u staroj slovenštini i premanjoj u hrvatskini ili srboštini pak u kajkavštini. Rad jugoslavenske akademije. Kn. 51 (1880), стр. 55—139.

12 См. Starine: Knjiga I (Život sv. Jerolima), Knjiga III (Život Aleksandra Velikoga), Knjiga IV (Tondal) — и Stari pisci hrvatski: т. I (соч. Марко Марулича), т. II (соч. Ш. Менчетича), т. III (соч. М. Ветранича), т. VII (комедии Марина Држича).

Примеры, взятые из древних текстов, по возможности приводятся в том написании, в каком они даны в использованных изданиях и с сохранением тех же знаков препинания; однако в ряде случаев было признано целесообразным произвести некоторые упрощения. Так, в примерах из Супрасльской рукописи опущены приыхания, в древнерусских примерах буквы *ѧ* и *ѩ* повсюду заменены *я*, буква *ȝ* и сочетание *ѹ* — буквой *у*, *ѡ* — буквой *о* и т. д., надписные буквы внесены в строку и поставлены в скобки.

Примеры из современного болгарского языка приводятся в современной орфографии.

Не весь собранный материал (особенно — далеко не весь новоболгарский материал, которого очень много) приводится ниже в тексте статьи, хотя весь он учитывался в ходе исследования.

Что касается расположения материала, то казалось правильным разбить его по основным значениям имперфекта совершенных глаголов, а внутри этих больших групп — по языкам, причем старославянским языком, ввиду его относительной бедности интересующими нас примерами, в ряде случаев было неудобно открывать соответствующие разделы, а приходилось приводить его после тех древних славянских языков, в которых наша форма представлена обильнее, — т. е. после древнерусского и древнечешского. Некоторые более частные особенности в последовательности материала внутри отдельных глав будут оговорены попутно в ходе изложения.

II. КРАТНО-ПЕРФЕКТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМПЕРФЕКТА ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Отвлекаясь пока от некоторых более редких типов употребления, которые будут рассмотрены ниже, можно сказать, что почти во всех встретившихся древнерусских примерах форма имперфекта совершенного глагола обозначает многократно повторявшееся в прошлом действие, каждый отдельный акт которого достиг завершения, стал „готовым фактом“. Такое значение можно с полным правом назвать „кратно-перфективным“. Встречается оно как в придаточном, так и в главном предложении.

Существенно подчеркнуть, что форма имперфекта глагола совершенного вида всегда употребляется при этом не одна, а в паре с другой формой имперфекта совершенного или несовершенного глагола или в целой цепи таких форм. Именно специфическое соотношение во времени, которое устанавливается между членами такой пары или цепи, и определяет выбор в подобных случаях глаголов совершенного вида. Конкретно в рамках рассматриваемого значения могут быть выделены три типа синтаксического употребления имперфекта совершенных глаголов: 1) кратно-парный, в котором соотносительность двух (иногда — одного и нескольких) многократных действий выступает особенно ярко, будучи подчеркнутой и синтаксическими средствами; 2) кратно-цепной, в котором соотносительность между несколькими многократно повторяющимися действиями, составляющими цепь, ощущается слабее, не будучи специально подчеркнутой, но как бы подразумеваясь самой последовательностью этих действий и 3) кратно-пределный, в котором соотносительность заключается в том, что форма имперфекта совершенного глагола обозначает кратное действие, каждый отдельный акт которого составил предел для протекания другого действия.

Все три типа обнаруживают некоторые общие черты. Имея в виду эти общие черты, мы иногда будем объединять их под общим наименованием „кратно-соотносительные типы“. Но сначала рассмотрим каждый из этих типов в отдельности.

1. Кратно-парный тип

Обычно встречается в сложноподчиненном предложении, причем формы имперфекта совершенного глагола могут стоять и в главном, и в придаточном предложении, и в обоих предложениях сразу. Начнем с примеров, в которых глагол совершенного вида употреблен в обеих половинах формулы.

Парадигматическими примерами этого типа могут служить следующие два примера из Повести временных лет:

Такъ же бѣ и другыи бра(m). именемъ Еремия... Сему бѣ дарь дарованъ о(m) ба. проповѣдаше преди будущая... аще... что речаше. ли добро ли зло. сбуждяшется старче слово (ПВЛЛ, 6582, 190) — „если... что говорил, хорошее или плохое, — сбывалось слово старца“.

Се же паки творяше люде(m) своимъ по вся недѣля. устави на дворѣ въ гридиницѣ пиръ творити... бываше мно(ж)ство о(m) мясъ. о(m) скота и о(m) звѣрины. бяше по изобилию о(m) всего. Егда же подъпъяхутся, начиняхуть роптати на князь, глюще... (ПВЛЛ, 6504, 126) — „а когда подвыпьют, начинали роптать на князя, говоря...“

Каково же значение интересующих нас форм — *речаше, сбуждяшется, подъпъяхутся, начиняхуть?*

Прежде всего отметим, что мы, действительно, имеем здесь дело с кратностью (итеративностью): предсказания Еремии постоянно сбывались; неоднократно случалось так, что гости перепивались и начинали бранить князя. Однако, если мы ограничимся общим указанием на кратность (итеративность), мы еще не раскроем всей сложности значения приведенных форм. Существенным моментом в каждом рассматриваемом примере является именно наличие в нем двух соотносительных друг с другом, взаимно связанных действий, причем оба действия связаны строгой последовательностью во времени: каждый акт первого действия (например, опьянения) предшествует каждому акту второго (началу брани) и становится „готовым фактом“ к моменту наступления каждого акта второго действия. Речь при этом идет не о частном случае, не о единичном соотношении двух событий (скажем, кто-то подвыпил один раз и стал браниться), а о соотношении, которое мыслится как повторявшееся систематически. Иными словами, кратность здесь как бы „вынесена за скобку“, оба действия являются кратными, но не каждое действие само по себе, а оба действия — в строгой взаимной последовательности и связи друг с другом, в „паре“, в „цикле“. Это может быть приблизительно выражено формулой $(a + b) \times n$, где **a** — первое действие, **b** — второе действие, а **n** — некоторое точно не указываемое количество „крат“. Формула выражает здесь кратность пары действий как таковой, повторяемость всего „цикла“, состоящего из двух взаимно связанных действий.

Аналогичны приведенным и следующие древнерусские примеры:

С союзом *аще* и относительным местоимением:

И обиходя подлѣ бра(m)ю взимая из лона лѣпокъ вержаше на кого любо. аще прилинише кому цвѣтокъ в поющихъ о(m) братья мало постоявъ... изидяше ис цркви, шедъ в кѣлью и уснинше, и не възвратяшется в цркви до о(m)пѣтия (ПВЛЛ, 6582, 190). Здесь во

втором члене „цикла“ не одно, а три последовательных действия: если цветок прилипал, то соответствующий монах выходил из церкви, засыпал у себя в келье и не возвращался до конца богослужения.

В лѣ(т) 6600. Предивно бы(с) Полотьскѣ въ мечтѣ ны бываше въ ноши тутънъ станяше по улицы яко члвчи рищающе бѣси. аще кто вылѣзяше ис хоромини. хотя видѣти. абые узвенѣ будиша¹ невидимо о(т) бѣсовъ язвою и с того умираху (ПВЛЛ, 6600, 214) — „если кто выходил из дома, желая увидеть, он тотчас бывал невидимо ранен бесами“.

Аще къто о(т) стааго стада раслабѣль бѣ срдцъмъ, о(т)идяше о(т) манастыря, тоже блаженыи ею ради въ величѣ печали и скрѣби будиша (Ж.Ф., 19).

Ср. еще: ...аще рѣдяшеть дѣтищъ. которыи ѿи любъ бываше [в ХП: бяше], дашеть, се твое дѣтя (ИЛ, 6622, 278).

Аналогично, но с причастием вместо личной формы глагола в придаточном предложении: аще коли хотяющо ему опочинути, то сѣдъ на столѣ, и тако мало посыпавъ, вѣстаяше пакы на нощное пѣние, и поклонение колѣномъ творя (Ж. Ф., 11).

С егда же:

*И на заутреню входя прежде всѣхъ стояше крѣпко и неподвижимо. егда же приспѣяше зима. и мрази лютии. станяше въ правошняхъ въ черевьяхъ въ протоптаныхъ. яко примерзняшета нозѣ его къ камени (ПВЛЛ, 6582, 195). В данном примере соотношение во времени между действиями носит более сложный характер: повторяемость действий, выраженных формами *стояше* и *примерзняшета*, обладает большей частотой, чем повторяемость первого действия, выраженного формой *приспѣяше*.*

Отметим, что в древнерусских памятниках нередко встречается точно такая же конструкция, но с глаголами несовершенного вида в одной половине или в обеих половинах формулы. Ср. в продолжении приведенного выше примера из ПВЛЛ, 6582, 190 — параллельное употребление имперфектов одного и другого типов:

...аще ли вержаше на другаго. и не прилنجаше к нему цвѣтокъ, стояше крѣпо(к) вънни. дондеже о(т)пояху утренюю. и тогда изидяше въ кѣлю свою (Там же), где несовершенные по характеру основы вержаше и стояше параллельны совершенным по характеру основы прилنجаше и изидяше (о форме отпояху речь будет ниже).

Ср. еще: начать... пещи проскуры и продаяти, и еже аще прибудяше ему къ цѣнѣ, то дадяше нищимъ, цѣною же пакы купяще жито, и своима рукама измѣль, пакы проскуры творяше (Ж. Ф., 3⁶); егда хотяше побѣхати къ бѣженцу, тѣгда распустяше вся боляры въ домы своя, нѣ тѣкмо съ шестио, или съ пятио, отрокъ приходяше къ нему (Там же, 12⁶); Имѣяше же обычай... обиходити... келих... егда бо услышааше кого млтву творяща, ти тѣгда ставъ, прославяше о немъ ба, егда же ли пакы кого слышааше бесѣдующа, дѣва ли, или трие съшедъшеся въкупѣ, ...ударивъ... въ дѣри... о(т)хожааше (Там же, 11⁶).

Возможны, как сказано, формы имперфекта несовершенного глагола и в обеих половинах конструкции: аще которыи братъ въ етеро пре-грѣшенье впадаше. утѣшаху (ПВЛЛ, 6582, 188); Боянъ бо вѣщий, аще кому хотяще [в Екатерининской копии хотяше, т. е. хотяще]

¹ *Будяше* — имперфект от *будетъ* — должен рассматриваться здесь, судя по всему контексту, как имперфект глагола совершенного вида. Весьма вероятно, но не обязательно такое же понимание формы *будяше* и в следующем примере (Ж. Ф., 19).

пѣснъ творити, то растѣкашется мыслю по древу (СПИ, 3); и егда о(m)хожаше о(m) него, тѣгда блженыи, въшедъ въ пещеру, молящеся бу... (Ж. Ф., 6°).

Возникает естественный вопрос: можно ли установить какую-либо смысловую разницу между одним и другим типами глаголов в таком употреблении?

Во многих случаях такая разница, повидимому, имеется. Ср.: *аще* *которыи братъ умышляше или* [в Ипатьевской летописи: *мысяше изытии*] *из монастыря и [Еремия] узряше и пришедъ к нему обличаше мысль его и утѣшаše брата* (ПВЛЛ, 6582, 190). Несовершенные по характеру основы формы *умышляше* Лаврентьевской и *мысяше* Ипатьевской летописи обозначают, повидимому, действие, обладающее известной длительностью: „если какой-нибудь брат помышлял об уходе из монастыря“ (вынашивал эти мысли в течение некоторого времени). В противоположность этому форма *узряше*, образованная от глагола совершенного вида, говорит о действии моментальном, „перфективном“, о моменте, в который Еремия замечал подобные настроения, уже давно существовавшие у данного монаха.

Чтобы передать это различие видового значения первого и второго глагола, мы должны были бы перевести на современный язык конструкцией *бывало с формой настоящего времени: „бывало, умышляет какой-нибудь монах бежать из монастыря, а он заметит это и обличит его“*. (Последние две формы — *обличаше* и *утѣшаše* могут равным образом относиться и к *обличити*, *утѣшити* и к *обличати*, *утѣшати*).

Аналогично: *бѣ бо и тѣлъмъ крѣпъка и сильна, яко же и мужъ, аще бо кто и не видѣвъ ея, ти слыщааше ю бесѣдующу, то начиняше мѣнѣти мужа ю суща* (Ж. Ф., 2°); *якоже слыщааше тутънъ, умѣлкъняше, творяся, еже мнѣти оному, яко сѣпить* (Там же, 16°). И здесь имперфект несовершенного глагола обозначает действие, которое мыслится как длительное (*слыщааше*), а имперфект глагола совершенного вида — действие, представляющее собою „скакок“, переход к чему-то новому (*начиняше мѣнѣти, умѣлкъняше*).

В других случаях имперфект совершенного глагола обозначает действие, завершение которого предшествует внутри „цикла“ другому действию, выраженному имперфектом несовершенного глагола, и составляет предпосылку и условие этого второго действия; имперфект несовершенного глагола обозначает в этих примерах длительное состояние, установленвшееся на основе завершения первого действия.

Например: *тогда пущашет ·ї· соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣснъ [вм. пѣснъ] пояше* (СПИ, 3). Форма *дотечаше* обозначает момент настигания лебеди — соколом, касанья струны — пальцами, форма *пояше* — длительную песнь лебеди, звучание струны.

Аналогично: *аще братъ етеръ выидяше из монастыря, вся бра(m)я имяху о томъ печаль велику* (ПВЛЛ, 6582, 188) — „если, бывало, уйдет какой-нибудь монах из монастыря (момент, „скакок“), то все монахи имели печаль, печалились“ (длительное состояние); *аще кто умряше, творяху трызно надъ нимъ* (ПВЛЛ, вводная часть, 14) — „если кто, бывало, умрет (момент, „скакок“), то пировали на поминках“ (процесс, требующий известного времени); *аще ли будяше нужное орудье то оконцемъ малы(m) бесѣдоваше*. в суботу ли в недѣлю (ПВЛЛ, 6582, 185); *Воишель же ... нача проливати крови много*. *убиавашеть бо на всякъ днъ по три по четыри*. *которого же дни не убъяшеть кого печаловашеть тогда*. коли же убъяшеть кого, тогда

весель бящеть (Ил., 6770, 858); *егда же въздрѣмаашеся, тъгда же съсѣдъ и текъ, идяше въскраи коня* (Ж. Ф., 15).

Ср. еще: *Не всегда вода та иудѣляше, нъ егда ю ангелъ възмутяше* (Кир. Тур., Сл. о расслабл., цитир. по словарю Срезневского, I, 363)— „не всегда вода та исцеляла, но (лишь) когда ее возмутит ангел“.

Как выражающие длительное действие следует понимать в приведенных выше примерах формы *стояху* (ПВЛЛ, 190), *хотяше* (Ж. Ф., 12⁶ и СПИ, 3), *моляшеся* (Ж. Ф., 6⁶) и, вероятно, *утѣшаху*¹ (ПВЛЛ, 188). Однако в тех же предложениях такие, образованные от несовершенных глаголов формы, как *вержаше* (ПВЛЛ, 190), *впадаше* (Там же, 188), *растѣкашется* (СПИ, 3), *отхожаше* (Ж. Ф., 11⁶), *прихожаше* (Там же, 12⁶), очевидно, не могут быть объяснены так и требуют какого-то другого толкования.

Повидимому, наряду с рассмотренными сейчас примерами, в которых совершенные и несовершенные основы выступают в формах имперфекта в двух различных видовых значениях, имеются и такие, где по существу различия видовых значений нет, как нет его в современных русских переводах этих примеров формами прошедшего несовершенного: „если кто-нибудь умирал, пировали на поминках“ (в отличие от переводов фразальным настоящим: „бывало, если умрет, то пируют“). Как и в современном переводе посредством прошедшего времени, в этих случаях несовершенная форма ставится вместо совершенной, а не наоборот: *умираше* вместо *умряше*, как *умирал* вместо *умрет*. Так, в приведенном выше примере из вводной части Повести временных лет (14) Радзивиловский (конец XV в.) и Академический список (XV в.) действительно имеют *аще кто умираше* вместо *умряше* Лаврентьевского списка (1377 г.) и *умрѧщеть* сгоревшего Троицкого списка (XIV—XV вв.). Учет вариантов наглядно показывает, что в более поздних списках происходит широкая замена форм имперфекта от основ совершенного вида „обычными“ формами имперфекта от основ несовершенных. Почти для всех приведенных по Лаврентьевскому списку Повести временных лет примеров типа *аще что речаше, сбудяшется* можно указать на такие замены в Радзивиловском, Академическом, Троицком, Хлебниковском (XVI в.) и Погодинском (начало XVII в.), в меньшей мере также в Ипатьевском списке (начало XV в.). Иногда возникают контаминированные формы.

Так, в первом нашем примере (6582, 190) форма *речаше* сохранена всеми списками, но вместо *сбудяшется* списки РАИХП имеют *зывашеться, сбывашеться, събывашеся*. Во втором нашем примере (6504, 126) списки ХП имеют *исчиняху* (повидимому, контаминация старого *начиняху* и призванного его заменить *начинаху*). В следующем примере (6582, 190) форма *прилняше* Лаврентьевского (и *прилпяше*—описка вместо *прилняше?*—Ипатьевского) списка заменена в ХП контаминированной формой *прилипляше* (*прилняше + прилипаше*)²; форма *изидяше* (Л)—формами *исходяше* (И) или *исходжаше* (РАХП); *усняше* (Л)—даже с изменением смысла—формами *спаше* (ИХП), *спааше* (А), *спяше* (Р). В данном случае первоначальному списку точнее соответствовала бы замена посредством какого-нибудь **усыпаše*=современному *засыпал*, которого, однако, не находим в списках. Последний имперфект того же примера—*не възвратяшется*—заменен в РА посредством *не възращашеся*, т. е. тоже обычной формой имперфекта

¹ Впрочем, *утѣшаху* может быть имперфектом и от *утѣшити*, совершенного вида.

² О замене в РА см. ниже.

несовершенного глагола. В продолжении этого примера снова встречаем в параллельных списках уже знакомое нам (*не*) *прилипляше* (в ХП) и *идяше* (в И) вместо *изидяше* Лаврентьевского списка. В примере ПВЛЛ, 6600, 214 списки РА имеют *вылазываще* вместо *вылѣзяще* ЛИ; И имеет *бяше*, а ХП *бываше* вместо *будяше* Л (о замене второго глагола в РА — ниже). В примере 6582, 195 вместо *станяше* в других списках имеем *стояше* (РАИХП) — также с изменением смысла (вместо „*становился*“ — „*стоял*“). В следующем несколько ниже нашем примере 6582, 188 вместо *видяше* Лаврентьевского списка мы имеем в Ипатьевском *вънъ идяше*, то есть снова форму несовершенного вида (в ХП *въ ини идяше манастырь*).

Ср. еще следующие примеры подобных замен из Повести временных лет:

... и насилье творяху женамъ Дулѣльскимъ. *аш(е) поѣхати будяше* [так в Л, ИРА: *бяше*] *Обѣрину*, не *дадяше* [так в ЛИ; РА *не даваше*; Троицкий список, начала XV или конца XIV в.: *не даяше*] *въпрячи коня, ни вола, но веляше* [списки РА имеют *повеляше*, но это не есть плод какой-либо сознательной замены одной формы другой, а простая описка вместо *но веляше*] *въпрячи ·г· ли ·Д· ли ·e· ли жень в телѣгу*. и *повести Обѣрѣна*. тако *му(ч)аху Дулѣбы* (вводная часть, слаб. 12).

... и бы(c) съча силна. яко посвѣтѧше молонъя [список Р имеет *яко блисташа* (вместо *блесташе*) *молынья*], блещ(а)шеться оружье (6532, 148).

Аще кто коли принесяше *дѣтищъ боленъ, кацѣмъ любо недуго(m)* одержи(m), принесяху [ИХП: *приношаху*] в манастырь... (6582, 189); ... *аще* кого видяше в помышлены, обличаше и втаинѣ и наказаше [в РА: *наказываше*] блюстися о(m) дьявола (ПВЛЛ, 6582, 190); *аще* кого видяше ли шюмна, ли в кое(m) эазорѣ не осудяше [РАИХП: *не осужаше*] но вся на любовь прекладаше (ПВЛЛ, 6605, 264).

Таким образом, отчетливо обнаруживается тенденция: формы имперфекта от совершенных основ Лаврентьевского списка заменяются в других более поздних списках формами имперфекта от несовершенных основ. Эта тенденция не является твердым правилом: даже и в более поздних списках отдельные формы имперфекта от совершенных основ остаются незамененными, как уже и в Лаврентьевском списке есть, как мы видели, примеры, вроде *аще ли вержаше* (6582, 190) или *аще... впадаше* (Там же, 188), где стоит глагол несовершенного вида, тогда как мог бы стоять более характерный в этих конструкциях для языка Лаврентьевского списка совершенный глагол. Очевидно, процесс замены, прослеженный нами сейчас путем сравнения списков, начинается еще до того момента, когда был закончен Лаврентьевский список, т. е. еще до 1377 г.

Надо вместе с тем отметить, что рассмотренная сейчас замена — не единственная. Уже приводившиеся выше переводы ряда наших древнерусских примеров на современный язык посредством формы настоящего времени, и именно настоящего времени глаголов совершенного вида („*бывало, умрет кто-нибудь*“), подсказывают вопрос, не было ли возможно уже в древний период подобное употребление форм настоящего времени и, соответственно, подобная замена интересующих нас конструкций с имперфектом конструкциями с формами настоящего времени.

Материал подсказывает, что такое употребление существовало и такая замена была возможна. При этом обычно речь могла идти именно о настоящем времени глаголов совершенного вида, но иногда и о на-

стоящем глаголов несовершенных. В дальнейшем замена имперфекта в „кратно-парном типе“ формами настоящего времени становится все более распространенной. Можно думать, что именно эта замена и соответствовала в наибольшей мере живому древнерусскому языку.

Приведем примеры „кратно-парного типа“ с настоящим временем (обоих видов) из древнерусских памятников.

Так, в Ипатьевском списке Повести временных лет: ...*аще братъ. етеръ. вънъ идяше из манастыря. и вся братья имаху о томъ печаль велику. и посылаютъ по нь приводяху брата къ манастырю. и шедше вси покланяхуся ишумену. и умолять ишумена, и приимаху в манастырь брата с радостью.* (ПВЛИ, 6582, 179). [Лаврентьевский список имеет вместо первой формы настоящего времени форму *посылаючи*, вместо второй — имперфект *моляху*]. С точки зрения нашего современного языкового чувства, приведенный отрывок производит впечатление полной неразберихи в употреблении времен, полного хаоса, и возникает искушение прибегнуть к обычному в подобных случаях объяснению этого хаоса „порчей текста“. Но вряд ли это стоит делать. Здесь перед нами переходная ступень, наглядно отразившая постепенное рождение нового и постепенное отмирание старого качества, здесь отложилась начавшаяся, но еще не прошедшая последовательно замена старого способа выражения более новым.

Ср. также в Слове о полку Игореве: *Камо Туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Полоцукыя* (СПИ, 13).

Приведенный выше пример из ПВЛЛ, 6600, 124 тоже дает в двух списках — Радзивиловском и Академическом — наряду с рассмотренной выше заменой имперфектом несовершенного глагола в первом члене формулы замену настоящим совершенного вида во втором, вместо *кто вылезъяше, уязвенъ будяще* в этих списках читается: *аще кто вылезающе ис хоромины, хотя видѣти, абые уязвенъ будеть... и с того умираху.* Ср. также близкое место в I Новгородской летописи: *Наиде рана на Полочаны, яко нѣкако бяше ходити уличамъ, яко мнѣти в[о]и мнѣостьво, а конемъ [копытыа] видѣти; да аще кто из ыстыбы вылезетъ* [в Академическом списке: *вылезающе*] *напрасно убъенъ бышае невидимо* (6600, 18).

Также в приведенном выше примере из Повести временных лет, 6582, 185 вместо *аще ли будяше* Лаврентьевского списка А дает *аще будеть нужное орудье*, а в примере ПВЛЛ, 6582, 190 вместо *аще прилиняше* Лаврентьевского списка Р и А имеют *аще прилине к кому лепокъ.*

Вот еще один характерный пример, в котором представлены обе замены старого способа выражения — и посредством настоящего времени глагола совершенного вида и посредством имперфекта несовершенного глагола (начало этого примера уже было процитировано выше):

Аще кто умряше [РА: умираше] творяху трывно надъ нимъ. и по семь т(в)оряху кладу велику и възложахуть [А: возложать, И: възложить] и на кладу мртвца. сожжаху [И: съжигаху, РА: сожигаху, Т: съжигахаху]. и посемь собравше кости. вложаху [РА: влагаху] в судину малу и поставяху на столпъ на путе(x) еже творять Вятычи и нынѣ (ПВЛЛ, вводная часть, 14).

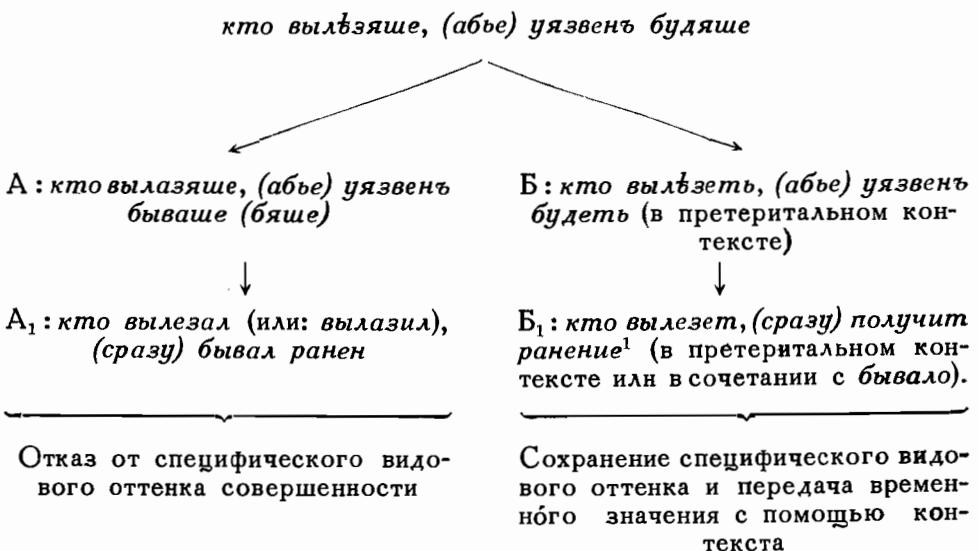
В текстах более позднего происхождения уже систематически проводится современный способ выражения — настоящее время глаголов совершенного и, в меньшей мере, несовершенного видов. Ср., например, в Псковской летописи:

Бяше бо тогда знамение смертное сице: аще кто отхранет кровью, то на другии день или на 3-и умирает (Архивский 1-й список конца XVI в., под 1352 г., стр. 21, в изд. Насонова); ... *а приставы их начаша от поруки имати по 10 рублев и по 7 рублев и по 5 рублев; и псковитин хто молвит великого князя грамотою, а написано, что имъ от поруки имати, и они того ублюют* (список Оболенского первой половины XVII в., под 1510 г., стр. 96, в изд. Насонова; в продолжении Погодинского 1-го списка второй половины XVI в. вместо *ублюют* читается *убили*, см. там же; в Архивском 2-м списке середины XVII в., как в списке Оболенского, см. в изд. Погодина под 1509 г. на стр. 180).

Князь же Великій посылаше къ нимъ Князей своихъ по ихъ прошению: коего восхотятъ, того и пошлетъ; а иногда посылаше Намѣстники своя во Псковъ по своей воли, коего восхощетъ, не по ихъ воли, а оижъ насилоаху и грабяху (Архивский 2-й список середины XVII в., в изд. Погодина под 1508 г., стр. 174).

В приведенных сейчас примерах, как и в современном языке, общий претеритальный контекст, в котором стоят подчеркнутые формы настоящего времени, недвусмысленно указывает, что речь идет именно о прошлом.

Подытоживая сказанное, мы могли бы изобразить постепенное развитие средств выражения рассматриваемого значения в виде следующей схемы:

Кроме двух „чистых“ типов (А—А₁ и Б—Б₁), показанных в схеме, используются, как мы видели, и смешанные конструкции.

¹ ...*будет ранен* в данном случае тоже возможно, но не так обычно; это, очевидно, связано с тем, что форма *буду* вообще занимает несколько обособленное положение в системе соотносительных форм совершенного и несовершенного видов и, кроме того, в несколько большей степени ассоциируется со значением будущего времени, чем формы так называемого „настоящего-будущего“ других глаголов.

2. Кратно-цепной тип

Этот тип по существу чрезвычайно близок к рассмотренному сейчас кратно-парному типу, хотя и представлен значительно меньшим числом примеров. Разница между обоими типами заключается лишь в том, что в кратно-цепном типе соотносительность между действиями не подчеркнута, она как бы лишь подразумевается самой последовательностью этих действий, причем и самих действий оказывается не два, не пара, а — принципиально — неограниченное количество, ряд, „цепь“. Как мы видели, и в предыдущем типе встречались примеры с более чем двумя действиями, но, несмотря на это, вся конструкция в целом сохраняла там четкую двухчленную структуру, здесь же мы имеем внутренне-однородную, принципиально неограниченную цепь. Кратно-цепной тип обычно реализуется в паратактическом соединении независимых предложений или в слитном предложении. Возможно здесь и сложноподчиненное предложение, но иного типа, чем те, с которыми мы встречались выше.

Классическим примером кратно-цепного типа может служить следующий:

...и посе(m) научи [ся — дополн. по РА] на тряпезницю ходити, и посажашеть и кромѣ бра(t)и. положаху пред ни(m) хлѣбъ. и не възмѧше его. но ли вложити в р(у)цѣ ему (ПВЛЛ, 6582, 194) — „...потом он научился ходить в столовую и сажали его (и, бывало, посадят его) отдельно от братии, клали (бывало, положат) перед ним хлеб, и не брал (и, бывало, не возьмет) его, если не положить ему в руки“. Внутри цепи каждое предшествующее действие завершается прежде, чем наступает следующее. Вся цепь в целом повторяется неопределенное число раз, что может быть представлено в виде формулы $(a + b + c \dots) \times n$.

Аналогично и в следующих примерах:

оводу сущу многу и комаромъ въ ноши, излѣзъ надъ пещеру и обнаживъ тѣло свое до пояса, сядяше, прядыи вѣлну... отъ множества же овада и комара все тѣло его покръвено будяше, и ядяху плѣть его о немъ, пиюще кръвь его, оць же нашъ пребываще неподвижимъ (Ж. Ф., 96). В данном случае мы имеем правильное чередование форм имперфекта совершенного и несовершенного видов: с одной стороны, „наступление нового“ — сядяше (от сяду), покръвено будяше, с другой — длительные действия — ядяху, пребываще.

В других случаях, как и в некоторых рассмотренных выше примерах, мы встречаемся с частичным использованием имперфекта несовершенных глаголов вместо совершенных:

и по зутрени идяше въ поварницию, и приготоваше [испр. по РАИ и в согласии с ХП вместо приготововаша Лаврентьевского списка] огнь. воду. дрова. и придяху прочии повари о(t) братъ (ПВЛЛ, 6582, 195); многажды бо бѣси пакости дѣяху ему. и глху нашъ еси... он же глаше вашъ старѣшана антихрестъ есть. а вы бѣси есте. знаменаше лице свое кр(c)тнымъ образо(m). и тако ищезняху (Там же, 196—197); и не брежаше въ цркви ходити. нужею привлечахуть и к цркви (Там же, 194); и тѣль жито купяху, и се раздѣляхуть, да къждо въ ноши свою часть измеляшеть на състроение хлѣбомъ (Ж. Ф., 96).

Разумеется, более поздние списки дают в рассматриваемом сейчас кратно-цепном типе примеры замен имперфекта глаголов совершенного вида „обычным“ имперфектом, т. е. образованным от несовершенных основ. Так, в первом нашем примере (ПВЛЛ, 194) списки РИХП имеют

не взимаше, список А — не возвымаще; в примере ПВЛЛ, 195 списки РАИХП имеют приходяху; в примере ПВЛЛ, 196—197 списки ХП имеют исчезаху. Наряду с этим в принципе возможна и другая замена, которую мы наблюдали выше, — замена формами настоящего времени, преимущественно совершенного вида. О возможности такого употребления говорит в Повести временных лет известное описание мытья в русской бане, вкладываемое в уста Андрею Первозванному: *видѣхъ бани древены. и пережьгутъ е рамяно. совлокутъся и будут нази. и облѣютъся квасомъ уснинамъ(мы) и возмутъ на ся прутъе младое. бывать ся сами [И: и начнутъ хвостатись]. и т(о)го ся добываютъ. едва слѣзутъ [испр. по Т] ли живи. и облѣютъся водою студеною. тако оживутъ [испр. по ТРА]. и то творять по вся дни* (ПВЛЛ, вводная часть, 8). Впрочем, описанная процедура не отнесена только к прошедшему времени.

3. Кратно-пределный тип

Представленный небольшим количеством примеров, кратно-пределный тип, тем не менее, повидимому, является очень характерным типом употребления имперфекта совершенных глаголов. В этом типе ярко выступает специфическое кратно-перфективное значение интересующей нас формы. Кратно-пределный тип — это употребление имперфекта в придаточных предложениях временного предела, вводимых посредством *донъдѣже* — „пока не“.

Придаточные предложения с *донъдѣже* обычно имеют глагол в форме аориста, а именно — в тех случаях, когда речь идет об однократном, разовом действии, например: *Въ едину бо нощъ вжегъ пещь въ стобуѣ у пещеры, яко разгорѣся пещь, бѣ бо утла. и нача палати пламень утилизнами, оному же нѣчимъ заложити, вступль ногама босыма. ста на пламени. донъдѣже изгорѣ пещь [и] излѣзе* (ПВЛЛ, 6582, 196). Глагольная форма в придаточном предложении с *донъдѣже* обозначает то событие, наступление которого и составляет предел, последнюю точку для процесса, выраженного глаголом главного предложения, или, как в нашем примере, — для процесса, состояния, вытекающего из смысла глагола главного предложения (*ста*). Вполне естественно, что обычно этот предел, эта точка во времени выражается формами аориста (притом — „обычного“ аориста, образованного от основ совершенного вида). Однако, если бы в нашем примере действие произошло бы не один раз („въ едину нощ“), а повторялось бы несколько раз, если бы герой этого эпизода каждый раз становился „босыма ногама“ на горящую печь и стоял бы на племени, пока печь не догорала, то помимо „внутреннего“ отношения между *донъдѣже изгорѣ пещь* и предшествующим состоянием появилась бы необходимость явственно обозначить кратную повторяемость всего „цикла“. В этих-то случаях и выступает имперфект совершенных глаголов.

Приведем примеры:

И на заутреню входя прежде всѣхъ, стояше крѣпло и неподвижимо... въ черевьяхъ въ протоптаны(х), яко примерзняшета нозѣ его г камени, и не движаше ногама [РА: не двигнящеся, И: не движняше] дондѣже о(т)пояжу заутреню (ПВЛЛ, 6582, 195); *аще ли вержаше на другаго. и не приляняше к нему цвѣтокъ. стояше крѣпо(к) въ пѣни. дондѣже о(т)пояжу утренюю* (Там же, 190).

Несколько примеров из Жития Феодосия:

...вся съ радостию приходящая приимаше, нъ не ту аbie постригаше его, нѣ повелѣваше ему въ своеи одежи ходити, дондѣже

изыкнише въ устрои монастырьский (л. 10⁶); *идяше въ скри* коня, дондеже *утрудяшеся*, ти тако пакы на конь *въсядяше* (л. 15); и тако же по въся дъни прѣбываше плача и моля ба его ради, дондеже братъ тъ *възвратяшеся въспять* (л. 19); пребываше неподвижъ, ни въстая о(т) лѣста того, дондеже годъ будяше утрнини, и тако прежде всѣхъ обрѣтавшеся въ цркви (л. 9⁶); Ось же нашъ Феодосии бѣаше сице запретилъ вратарю, да по отъѣдении обѣда не о(т)врѣзаетъ вратъ никому же... дондеже будяше годъ вечернини (л. 12⁶); и... пакы дѣлааху ручное свое дѣло, другоици же въ оградѣ копаҳуть, землинааго ради растенія, дондеже будяше годъ бжестви-нууму словословию, и тако въси въкупѣ съшедъшеся въ цркви, пѣния часомъ творяаху (л. 9⁶).

Все рассмотренные примеры кратно-предельного типа и другие подобные могут быть обобщены в формуле (...а) × n, где многоточие обозначает действие главного предложения, дѣящееся до предела а, до наступления события, выраженного интересующей нас формой, причем вся ситуация повторяется неопределенное число крат ($\times n$).

* * *

Таковы, вкратце, три основных типа синтаксического употребления имперфекта совершенных глаголов, встречающиеся в древнерусских памятниках. Как видим, несмотря на различия в частностях, все три типа имеют много общего, что и позволяет нам объединить их вместе под общим именем „кратно-соотносительные типы“. Общие черты их могут быть сведены к следующим: а) во всех трех типах имперфект, образованный от основы совершенного вида, имеет значение повторяющагося кратного действия; б) во всех трех типах действие, выраженное формой имперфекта, оказывается более тесно (в 1-м и 3-м типах) или менее тесно (во 2-м типе) связано с другим действием, причем это другое действие или эти другие действия также оказываются кратными; повторяется весь цикл, вся цепь, вся ситуация; в) внутренние отношения между связанными действиями внутри цикла, внутри цепи, внутри этой ситуации остаются без изменения в процессе повторения всего цикла, всей цепи, всей ситуации; внутренние отношения эти при употреблении глаголов совершенного вида таковы, что для одного из действий, или даже ряда их, или для всех требуется совершенный вид.

Именно сочетание 1) кратности, обусловленной типичностью для какого-то отрезка времени всей ситуации, и 2) совершенности, обусловленной внутренним отношением действий внутри каждого отдельного цикла, и диктует выбор интересующей нас формы, формы имперфекта, образованной от основы совершенного видового значения. Этим и определяется как общее специфическое значение формы, так и ее конкретные оттенки, всплывающие в трех основных типах ее возможных контекстов — в кратно-соотносительном, кратно-цепном и кратно-предельном.

То, что в древнерусском литературном языке имперфект совершенных глаголов оказывается нестойким образованием, образованием, оттесняемым и замещаемым другими формами, еще не говорит об отсутствии у него своего специфического значения, поскольку анализ примеров показывает, что такое специфическое значение у него было. Более того — сама замена, наличие двух разных замен свидетельствует о специфическом двойственном значении замещаемой формы. Каждая

из двух замен соответствует одной стороне имперфекта совершенных глаголов.

При замене „совершенного имперфекта“ несовершенным, например, при замене конструкции типа *кто вылѣзаше, уязвенъ будяше* конструкцией типа *кто вылазяще, уязвенъ бываше* и затем современной *кто вылезал (вылезил), бывал ранен* грамматически отступают на задний план внутренние отношения между действиями, составляющими данный цикл. Повидимому, эти внутренние отношения либо достаточно ясны, так как выражаются лексическим значением самих глаголов и сопровождающих их слов, входящих в такую конструкцию, и потому не нуждаются в особом подчеркивании грамматической формой (*когда кто-либо умирал, пировали на поминках*; ясно, что поминки происходят после наступления смерти), либо эти связи несущественны (*когда вылезал, бывал ранен* — в процессе вылезания или сразу после того как вылез и когда уже был снаружи — не играет роли). Однако в иных случаях, особенно если наличествует потребность более наглядного и чувственно-яркого изображения такого же соотношения событий, изображения их как бы на конкретном единичном примере — используется второй способ замены, посредством формы настоящего времени. При этом способе внутренние отношения действия в каждом из повторяющихся „циклах“ выступают вполне отчетливо, что и передается использованием то совершенных, то несовершенных глаголов. Зато в этом случае повторность всей цепи и отнесенность ее в прошлое нуждаются в особом выражении. Они и выражаются — отнесенность в прошлое словом *бывало* или окружающим претеритальным контекстом, итеративность — тем же словом *бывало* или самим фактом употребления форм настоящего времени в значении прошедшего времени, в сочетании с обязательной парностью конструкции (в современном языке, как и в древнем, наличие минимум двух соотнесенных действий в рамках конструкции совершенно необходимо)¹.

Иными словами, при замене старой конструкции современными приходилось жертвовать либо совершенным видом, либо прошедшим временем. Жертва временем была бы, однако, невозможной, если бы не помогал претеритальный контекст. Когда же такого контекста не было, приходилось добавлять *бывало*, которого в древний период в такой функции мы еще не встречаем.

III. КРАТНО-ПЕРФЕКТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМПЕРФЕКТА ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В ДРУГИХ ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Употребление имперфекта совершенных глаголов в памятниках древнечешской письменности во многом аналогично тому, которое мы наблюдали в памятниках древнерусских. И здесь основная масса примеров приходится на долю кратно-перфективного значения. И здесь

¹ Это отмечал еще около ста лет назад И. В. Киреевский в письме к К. С. Аксакову, написанном по поводу брошюры последнего „О русских глаголах“. Киреевский писал: „Вы не можете сказать: *бывало, я подойду к его двери*, и этим кончить. Вам непременно надобно прибавить другой глагол, с которым глагол *подойду* будет взаимно относиться: *я подойду, он отворит* и тому подобное. Следовательно, такого рода будущие... выражают только порядок, в котором одно действие относится к другому“. И выше: „Если бы это было не ряд действий, или, по крайней мере, не два действия, взаимно относящиеся одно к другому, а только одно действие, то хотя бы оно и повторялось несколько раз, но вы не могли бы выразить его формою будущего, когда оно совершалось в прошедшем“ (Полное собрание сочинений И. В. Киреевского, т. I. М., 1861, стр. 106 первой пагинации). Ср. также В. В. Виноградов. Ук. соч., стр. 577—578.

в рамках этого значения могут быть выделены три типа синтаксического употребления интересующей нас формы.

1. Наиболее широко, как и в древнерусском, представлен кратнопарный тип. Привожу сначала материал прозаических текстов, начиная с примеров, в которых имперфект совершенных глаголов представлен и в главном и в придаточном предложении: A chleb gedno w nedielu przigimasse, z nebes gemu poſlany, Neb kdyz z ſwych modliteb wſtaňieſſe, Naleznieſſe chleb polozeny, gehoz czlowiek zadny neprzinojujeſſe. (Otc. B., 25^a, 61)—„А хлеб он вкушал только по воскресеньям, посланный ему с небес, потому что, когда вставал (когда, бывало, встанет) от своих молитв, находил положенный хлеб, которого никакой человек не приносил“. Аналогично: kteříž se kolivěk dotkniechu, spaseni budiechu (отрывок ев. от Матфея 2-й половины XIV в., 14, 36)=quicumque tetigerunt (fimbriam vestimenti eius), salvi facti sunt. В латинском оригинале значение однократное: „те, которые прикоснулись—исцелились“ (так же в греческом и старославянском текстах, имеющих здесь аористы), в чешском тексте — значение многократности в специфическом сплении двух соотносительных действий, т. е. кратнопарный тип: „которые прикоснутся — исцелялись“; ... bieše dána pořád za sedm mužov, a kterého s ní položiechu, toho črt Asmodeus udávieše (Олом. библ. 1417 г., Tob. 3, 8); ktožkoli přijdieše oběti obětovat, přiběhnieshe pacholik (Там же, 1 Reg., 2, 13)=quicumque immolasset, veniebat puer; když koli zlý duch nadlapieše Saula, David vzhudieše (Там же, 1 Reg., 16, 23)=quandocunque spiritus malus arripiebat Saul, David tollebat citheram et percutiebat eam; kdež koli vejdieše Ptolomeus do kterého města, vždy postavieše stráže v každém městě (отрывок библии XV в., I March., 11, 3)=cum introiret..., ponebat...; když kokota pějic uslyšieše, tak inked zaplakáše (Лег. о Христе, XIV в., 97").

Рядом, как и в древнерусском, стоят примеры, в которых имеем в главном или в придаточном предложении (иногда — в обоих) имперфект глагола несовершенного вида, что объясняется либо характером самих соответствующих действий (или их соотношением во времени), либо — как результат замены имперфекта совершенного глагола — имперфектом глагола несовершенного, подобно тому, как мы наблюдаем это в древнерусских памятниках.

Первая возможность (имперфективный характер самих действий и, главное, временного соотношения между ними) может быть проиллюстрирована такими примерами, как A take to do nieho prawiechu, ze, kdyzto w nosu na puſſt gdieſſe, Zwierz diwoka gei prowodieſſe (Otc. B., 31^a, 74) — оба действия каждый раз протекали одновременно, параллельно: каждый раз он шел, а зверь его сопровождал¹; A ſam, kdyzto na puſſti prziebywaffe, Bylínku a korzeniczko giedaffe (Там же, 32^a, 76) — первое действие является длительным, причем каждое отдельное его проявление (каждое отдельное пребывание „в пустыне“) оказывалось одновременным рядом проявлений второго действия, т. е. не по формуле $(a+b) \times n$, а по формуле $(a=b+b+b+b+\dots) \times n$, где знак = выражает одновременность действия a и ряда действий $b+b+\dots$. Ср. еще: Opat pawel... miegieſſe tu milost od boha, Ze wſſiecky starcye, gesſto do kostela chodiechu, opatrowaffe A po gich oblicziegi wſſiech myſſlenie, lecz dobre lecz zle, poznaffe (Otc. B., 88^b, 202). Здесь opatrowaffe обозначает длительное действие: игумен Павел рассматривал

¹ Разумеется имперфект несовершенных глаголов найдем и в случаях одновременности двух однократных действий (т. е. в конструкции, не относящейся к кратно-парному типу, хотя внешне совпадающей с ним, напр.: když Josef snímáše tělo, Maria stáše čakajúci, Anselmus, 9, пример цитирую по статье Гебауэра, стр. 351).

монахов, — имперфект глагола несовершенного вида; в противоположность этому *roznaſſe* — имперфект глагола совершенного вида — обозначает момент „наступления нового“, момент, когда игумен по лицу каждого отдельного монаха узнавал его скрытые мысли.

Вторая возможность — употребление „обычного“ имперфекта, так сказать, в порядке замены имперфекта совершенного глагола, например: *A kdyz budieſſe k tomu czaſu, kazda wes ſwemv bliſniemv klafſteru ku przigietij ſwatych radoſtnie gim ztrawicy dawachu* (Otc. B., 162^a, 355); *Acz vzrzieſſe zlodiegie, biezieſſe ſnym* (Žalt. Wittenb., 49, 18, стр. 64)¹. В обоих приведенных сейчас примерах имперфект несовершенного глагола употреблен в главном предложении. В иных, кажется, менее частых случаях мы находим его, наоборот, в придаточном: *Kolikrát koli to začináchu* (петь „Ave Maria“), *tolikrát sě jiej veſken sbor nebeský poklonyeſſe* (Pass. Nitr., 2^a).

Ср. также следующие примеры, содержащие имперфекты глаголов совершенного и несовершенного видов: *Když Mojžieš zdvihnieſe rucē, tehdy ostávaſe a přemáháſe lid israelický* (Ráj duſe Альберта Великого, XIV в., 59^b) — здесь несовершенный вид в главном предложении может быть связан с потребностью выразить „конативное“, „неокончательное“ значение: не „победили“, а „побеждали“, т. е. имели тенденцию победить, начинали брать верх в ходе боя. *Když sě ona uliznieſe, on sě zasmějieſe, a když sě ona pošmúrieſe na ň, líſáſe o niej* (Олом. библ., 3 Esdr., 4, 31); *A tak weliku milostij biechu naplňeni, Ze, kdyz ſye ſendiechu do kostela ſluzit bohu, Gich rucho y gich vmiſl tak ſye przekraſnie ſtkwieſſe, Ze yako andielſcij kuorowe w chwale bozie bydlechu* (Otc. B., 33^a, 79).

Далее, рядом с примерами, содержащими имперфект, стоят аналогичные примеры, содержащие в главном или придаточном предложении (а иногда — и в том и в другом) формы перфекта, и в частности, — в отличие от древнерусского языка, — и перфект совершенного глагола. Привожу примеры:

С перфектом несовершенных глаголов: *Atak kolikrat ſie tam gyty pokusieſſe, tolikrat ſie gemu wzdi tez przyhodylo* (Pass., 341); *A take czaſto, kamz koli gitи chtyel, tu mzenie oka budieſſe* (Otc. B., 26^b, 65, в рукописи А вариант: *przygdieſſe*); *A wodu, kdyzto naleznieſſe, tehdy pil* (Там же, 32^a, 76).

С перфектом совершенных глаголов: (герой рассказа у церковных дверей) *žebře seděl*. А соž jemu mimo potřebu almužny oſtanyeſſe, to vše jiným chudým rozdal (Pass. Klem. 130^a, 2); kterýž nemocný najprvé sě u vodu utekl, ten uzdraven budieſe (Лег. о Христе, XIV в., 64^a); *A kdyz budieſſe ta chwile, kdyzto czas pogieſti, Ynhed to wſſecko, coz geſt koli zadal, hotovo nalezl* (Otc. B., 29^a, 70).

Ср. еще: *A nikdy ge drziewe pokrma nebral, Ani w hody ani w nemocy, geliz ſlunce wecer zaſſlo* (Там же, 156^b, 344) — в главном перфект несовершенного глагола с отрицанием, в придаточном — перфект совершенного глагола.

Наконец, пример с перфектом страдательного залога: *w ten czas ſe wſſiech ſtran lidye pobiehu, a kterzyž ho nemocný dotknuechu ſlepi, chromi, malomoczny ty ynhed uzdraweny byli* (Pass., 327).

Древнечешские памятники, представленные несколькими списками, дают возможность проследить самый ход замены более старой кон-

¹ Допускаю, что форма *biezieſſe* может иметь здесь и совершенное видовое значение (ср. русское *бежать*, изредка выступающее в совершенном видовом значении, напр.: *неприятель дронул и бежал*). Однако Сметанка в своем словаре к Životy sv. otcův отмечает для *běžeti* только несовершенный вид (стр. 486).

струкции — имперфекта совершенных глаголов — более новыми конструкциями — имперфектом несовершенных глаголов, а затем — perfectum глаголов того и другого (но чаще — совершенного) вида. Так, в нашем первом примере (Otc. B., 25^a, 61) вместо *wſtanieſſe* списка В (первая половина XV в.) более поздний список С (1480 г.) имеет *wſtawafſſe*, а список Е, обнаруживающий наибольшее количество новшеств¹, — форму перфекта совершенного глагола *wſtal*; вместо *naleznieſſe* в списке D (1485) читаем *nalezaſſe*, в списке С *nalezl ḡt* (т. е. *nalezl jest*), в списке Е — *nalezl*, т. е. снова перфект совершенного глагола. Между тем формам *przigmaffe* и *perprzinoſyueſſe* списка В, т. е. формам имперфекта несовершенных глаголов, в списке Е отвечают формы перфекта тоже несовершенных глаголов — *przigmalf* и *perprzinaſſiel*. Подобным же образом и для примера Otc. B., 31^a, 74 с его имперфектами несовершенных глаголов *gdieſſe* и *prowodieſſe* список Е дает соответствие в виде *ſſel* и *prowazela*, для примера Otc. B., 32^a, 76 — *prziebywal* и *gedl*, для примера 88^b, 202 — *opatrowal* и *poznał*. Таким образом, вместо имперфекта несовершенного глагола систематически появляется перфект несовершенного же глагола, а вместо имперфекта совершенного глагола — перфект совершенного глагола.

В примере Otc. B., 162^a, 355 для имперфекта *budieſſe* снова имеем двоякую замену — *bywaſſe* (список С) и *bylo* (список Е), в примере Otc. B., 33^a, 79 для имперфекта *ſye ſendiechu* — „бывало, сойдется“ — соответственно *ſchaziechu ſie* (С) и *ſye ſeſſly* (Е), т. е. опять появляется перфект совершенного глагола. В примере Otc. B., 26^b, 65 вместо *budieſſe* списка В и *przygdieſſe* списка А более поздние списки имеют снова перфект совершенного глагола — *przifſel gest* (С) и *przifſiel* (Е). В следующем примере (Там же 32^a, 76) *naleznieſſe* списка В заменено в списке Е формой *nalezl*, зато вместо *rīl* списка В список А сохраняет более старое (как можно думать) *riſſe*.

Предпоследний приведенный выше пример из *Životy sv. otcův* (29^a, 70) имеет следующие варианты: вместо *budieſſe* — *bywaſſe* (С) и *byla* (Е), и, наряду с *nalezl*, в списке С имперфект несовершенного глагола *miegieſſe*, а в списке А перфект *gmiel*. Последний пример (156^b, 344) уже и в списке В имеет перфекты, сохраненные и другими списками (в А и С вместо *zafflo* — *zanyklo*).

Для большей наглядности приведем еще некоторые дополнительные примеры: А *kdyz toho* (имеется в виде хлеб) *pochwale boha przigmieſſe* (так в списке В, в списке С — *przigmaffe*, в списке Е — *przigal*), Tu *miegieſſe* (в списке Е, в порядке общей замены имперфекта перфектом, *gmiel*) *na tom doſti az do druhe nediele* (Otc. B., 25^a, 61). *Biſſe geden mnich zahradník*. А *ten wſſe*, *coz dobu dieſſe*, *to pro buoh rozdadiſſe* (Там же, 131^b, 291). В других рукописях имеем *dobywaſſe* (С), *dobyl* (Е), *jest dobul* (sic!) (D); *rozdal* (DE), *rozdelyl* (A) и — в списке С — омонимическое *rozdieleſſe* (= *rozděléſe* от совершенного *rozdělit* или *rozdieleſe* от несовершенного *rozdileti*).

Пример из другого памятника — из чешского перевода *Historia Scholastica* Петра Коместора: *dwa ſtromy bieſſta*, *geden Slunczie a druhi Miesiecie*. *Jakz brzo Slunczie wynyknuęſſe* (так в списке С, 1404 г.; в списке К, второй половины XV в., *wynikaffe*) а *ſwymy poſſkamy wrchow ſtromowich dotknyeſſe*, *wefſken ſtrom ſie zatrzieſieſſe*, *a kdz kto w tu dobu o czemzkolywiek otazaſſe*, *ynhed hlas ſliſſiechu* (в данном случае, в порядке исключения, более поздний список

¹ См. предисловие Сметанки к его изданию, стр. XIV.

К сохраняет форму совершенного вида *vflyſſiechu*), kteru odpowied dawasse (л. 11^a, 2, в изд. Novák'a, стр. 34).

В целом, отвлекаясь от отдельных исключений, можно сформулировать общее правило: формы имперфекта совершенного глагола имеют тенденцию заменяться в более поздних списках того же памятника либо имперфектом несовершенных глаголов, либо перфектом, и притом, как правило, перфектом совершенных глаголов.

Первая замена в точности соответствует тому, что мы наблюдали уже в древнерусском, сравнивая между собой списки Повести временных лет. Вторая замена требует специального рассмотрения. В самом факте замены имперфекта перфектом нет, разумеется, ничего удивительного. Такая замена вполне понятна и естественна, поскольку в чешском языке простые прошедшие времена (и, в первую очередь, именно имперфект) вообще начинают в XV в. постепенно выходить из употребления, вытесняясь перфектом. Таким образом, замена имперфекта перфектом касается не только рассматриваемого нами типа конструкций, но носит более общий характер: в списке Otc. Е большинство имперфектов, независимо от конструкции и вида, уже заменено перфектами. Та же общая закономерность действовала в русском языке, что, применительно к интересующей нас конструкции, отражено в формуле замены: *аще кто вылѣзаше, уязвень будяше > аще кто вылезаше, уязвень бываше* — если кто вылезал, получал ранение. Но своеобразным для чешского языка, в сравнении с русским, и даже прямо „странным“ для русского языкового чувства является факт замены имперфекта совершенных глаголов перфектом совершенного же глагола (т. е. как бы по формуле „если вышел, получил ранение“, что по-русски не имеет значения повторительного).

Употребление в чешском языке в качестве второй замены для интересующего нас типа именно перфекта совершенных глаголов связано, повидимому, с широкой возможностью употребления в чешском языке старого перфекта, ныне прошедшего на -I, образованного от основ совершенного вида, для выражения многократного действия, чего, в таких пределах, не находим в русском. Конечно, и в русском языке прошедшее на -A от глаголов совершенного вида в определенных случаях может выражать многократное действие (он несколько раз обернулся), но подобное употребление строго ограничено известными рамками: нельзя сказать „он часто обернулся“ или „всякий раз, когда он обернулся...“ и т. п. — везде здесь мы вынуждены будем прибегнуть к форме несовершенного вида. В чешском же языке подобное употребление старого перфекта от глаголов совершенного вида в значении многократного действия встречается¹. Повидимому, эта особенность и проявилась уже в древнечешском в заменах имперфекта совершенных глаголов формами перфекта от тех же основ. В свете таких современных примеров, как *když* (*kdykoli*) *jsem ho uviděl*, (*po každe*) *vspomněl jsem si...* (Гавранек. Ук. статья, стр. 229), этот тип замены разъясняется как специфическая особенность чешского языка в отличие от русского, который в тех случаях, когда бывает желательно сохранить вид глагола, прибегает, как мы видели, к иной замене — к настоящему времени глаголов совершенного вида. В принципе замена настоящим временем, вероятно, была возможна и в чешском, но на практике она нам не встретилась², и это, конечно, не случайно: именно широкое

¹ Оно имеет место и в польском. Ср., в частности, польские примеры, собранные Потебней в IV томе „Из записок по русской грамматике“, стр. 105—106.

² Сопоставляя, как это делал и Ульянов (см. выше стр. 75), имперфект совершенных глаголов с настоящим временем совершенных глаголов, Гавранек в указанной

распространение замены посредством перфекта совершенных глаголов делало ее ненужной.

Интересно, что мы даже находим в чешском языке, правда, единичный пример как бы „обратной замены“ — замены настоящего времени глагола совершенного вида (во „вневременном“ или, лучше, „всевременном“ значении абстрактного настоящего) имперфектом совершенного глагола: *k^diz zli duch winidiesse ot c^zlowieka chodi po mⁱestie s^uchem hle-dagie pocogie a nenalezne* (отрывок из евангелия второй четверти XIV в., изданный Флайшгансом, стр. 144) = *Cum autem immundus spiritus exie-rit [в Мар. ев. *изидетъ*] ab homine, ambulat per loca arida, quaerens requiem, et non invenit [Мар. ев. наст. вр. несов. гл. *не обрѣтаатъ*], Мф. 12, 43.*

Таким образом, мы имеем здесь дело с примером, в котором имперфект не обозначает прошедшего времени и в котором кратно-перфективное значение интересующей нас формы проявляется, в отличие от всех других примеров этого значения, не в плане прошедшего. Этот „вневременной“ или „всевременный“ характер данной формы сближает ее с некоторыми случаями модального употребления имперфекта, о котором уже говорилось выше и подробнее говорится ниже, в V главе.

Переходим к стихотворным текстам старочешского языка. Они дают в общем ту же картину употребления имперфекта совершенных глаголов в кратно-парном типе, что и тексты прозаические. Приведем несколько примеров:

Имперфект совершенных глаголов в главном и в придаточном предложении: ... *Uhři knězě Přemysla nikdě žnezbichu. / Kam sěj edno orbátiechu, / vesde Přemysla uzřiechu* (Dal. J., 88, 185); *když pivo uzříše, / na vodu oka neprodříše* (Mastičkář, сер. XIV в., 294); *ti* (волосы героини, подвергающей себя бичеванию) *sé chvějiechu po její plecí, / a kdež ti bičové meci, / mezi ně sé zapletiechu, / tu jě is pltí vytrhniechu, / pak... jdúce zasé / ostaniechu jí u mase* (Лег. о Катерине, ок. 1400 г., стих 2368 и сл.); *kohož sochorem dosiehnieše, / toho velmi urazieše* (Баворовская рукопись 1472 г., 276).

Примеры, отражающие начавшийся процесс замены имперфекта совершенных глаголов имперфектом глаголов несовершенного вида: *Ti liudie velmi věrní biechu, / vše sbožie obecno jmějiechu; / komu sě co nedostanieše, / u druhu jako své vezmieše*, — так в рукописях S, Z, J (см. Dal. J., 2, 8); в списке С вместо *vezmieše* стоит *gmyegiesse* (см. Dal. C., 6^а), т. е. имперфект несовершенного глагола; *Sed y ſta na gedny horzye / obezrzye tu wlaſt ot morzie / potom ſye wzemy obraty, / pocze myesta ſhledowaty / a kam ſye koly obratyſye / tu na wſye strany / wydyjeſye* (Alex., стр. 17, стих 685). Аналогично, с имперфектом совершенного глагола в придаточном и имперфектом несовершенного в главном предложениях, также в следующих примерах: *Po králiu syn jeho Soběšlav knězem bieše / ten, kteréhož Němcě uzřieše, / k sobě přivesti kázáše / a nos*

статье ссылается на следующее место из старочешской Александриды: *Gest ta [легендарная река] toho obyczegye ze kdyz ſlunce z hory ſ pyegye. / Tak ſye gegye woda wzwarzy / Jakz horky ukrop tak parzy. / Jakz ſlunce vpolodne wzmyceny / Tak ſye ta woda promeny / Tak lyute bude studena, / Jakz to ledu nakladena* (стих 2201 и сл., в изд. М. Гаттала и А. Паттери 1881 г. на стр. 53). Параллель между имперфектом и настоящим временем глаголов совершенного вида, как мы неоднократно уже видели, в общем вполне оправдана. Однако данный отрывок не может рассматриваться в плане замены имперфекта *презентом* по формуле *аще кто вылѣзяше, уязвенъ будѧше > аще кто вылѣзетъ, уязвенъ будетъ*, так как здесь действие целиком перенесено в план настоящего: описывают общие, „вневременные“ свойства легендарной реки, а не ее свойства, обычные в рамках какого-то прошедшего отрезка времени. На это ясно указывает, в частности, форма *geſt* в начале отрывка.

jem uřezáše (Dal. J., 67, 139). Tehdy giezu druhe i trzeti gich [воинов, пришедших схватить его] otaza [кто им нужен] / wtom ſwu mocs nadným pokaza: / jakz knym brrzo promlувіſſe, / tak kazdy gych nazemi letieſſe (Градецкая рукопись, 82^a, в изд. Патеры стр. 230—231); Neb tak uſtawil bieſſe, / ze, kdyz ktera porodieſſe / Syna prwienczye prweho, / Gmiesſe wyplatiti geho/Berankem acz gmiesſe ſbozye (Там же, 70^a, в изд. Патеры стр. 196—197). И здесь же рядом встречаем другой пример, с имперфектом несовершенного глагола как в главном, так и в придаточном предложениях, что, скорее всего, связано с более обобщенным и как бы „комментирующим“ характером данного высказывания, так сказать, не претендующего на наглядность: Tak [т. е. жертвуя вместо барабана двух голубей или двух горлиц] prwienczye wyplaczyechu (от vypláceti несовершенного вида)/Tu genz beranka neymiegiechu (Там же).

Наконец, и в стихотворных текстах встречаем второй старочешский тип замены имперфекта совершенных глаголов — замену посредством перфекта. В частности, уже в Хронике Далимила: Pakli ſe kdy ſtaſla která sváda, / u ſtařejšíeho budieſe rada (Dal. J., 2, 8), причем форме budieſe списков V, J, L, S в списке Z соответствует форма bieſe, а в списке C — перфект byla (Dal. C., 6^b).

2. Значительно реже, чем кратно-парный тип, представлен в древнеческих текстах кратно-цепной тип. Таким образом, и здесь наблюдается примерно такое же соотношение обоих типов, которое было отмечено выше для древнерусского. Иногда кратно-цепной тип возникает как контекстуальное продолжение кратно-парного типа, например, после приведенных выше (см. стр. 95) слов Bieſſe geden mnich zahradnik. A ten wſſe, coz dobudieſſe, to pro buoh rozdadięſſe непосредственно следует: gedine to oſtawieſſe, czim by mohl ſam ziw byti (Otc. B., 131^b, 291). В других случаях он встречается самостоятельно, вне контекстуальной связи с кратно-парным типом. Для экономии места и для наглядности, приводя примеры, я буду сразу же указывать и на замены в позднейших списках, когда таковые имеются.

Прозаические памятники:

Starzec geden... miegieſſe vczednika welmi ſſlechetneho. A miegieſſe ten starzec tonto obycziei, Ze na wſſaky wecer vczieſſe geho, coz bieſſe duſſi na vzitek. A potom modlitwy vczinieſſta a po modlitwach odpuſtieſſe geho ſpat. Y ſta ſye pak... etc. (Otc. B., 132^b, 293). В списках D интересующие нас формы заменены формами перфекта совершенных глаголов — vczinili gſu и odpuſtil, в списке E — формой перфекта совершенного глагола vczynili и формой перфекта несовершенного глагола odpuſſiel (инфinitив odruſtēti, соврем. odrouštēti). В списках A и C читаем odpuſſtieſſe, что, вероятно, надо понимать как форму несовершенного глагола (ſ ſs обычно = ſ, тогда как ſ ſs обычно = ſ). Все другие имперфекты, имеющиеся в приведенном отрывке, заменены в списках D и E формами перфекта, разумеется, несовершенных глаголов.

Neb kandydatus cyeſarzvow Constantynow... byl diablem popadě. A ten gei w nocy k tomv przipvdieſſe (в списке E: przipudil), ze zplakasse (AC: wzplakaffe, E: wzplakal) a znarziekaſſe (A: wznarziekaſſe, C: narziekaſſe, E: narziekal), ſjkrzipie zuby (Там же, 160^b, 352).

A tē cznieſſe welike diwy, Az gei za proroka miegiechu. Na wſſaky den przigdieſſe (C: prziſſlo ģt, E: przechazelo) k ſtemu nemocnych welmi mnoho, k nimzto nemocnym gedine ruku wyſkyta z vokencye, a kazdemu na lawu (т. е. hlawu, как в сп. ACDE) wlozieſſe (в сп. E: wlozie, т. е. причастие) a pozehnaffe (в сп. E: pozehnal) A vzdrawie gie, domvow gim (в сп. ACE правильнее: gytí) kazaffe (Там же, 30^b, 73).

Take (ACE: Take często) *swaty mucyus nylu, ragjku rzeku, prziecho-*
diesse (здесь уже в списке В несовершенный вид в отличие от *przidieße* в только что приведенном примере; в списке Е: *przechodil*),
A woda gemu ledwa budiesse (A: *bieße*, C: *bywasse*, E: *byla*) do kolenu
(Там же, 26^b, 65).

Примеры из других прозаических памятников: [писарь и епископ] zečtiesta peniezě, ješto nalezniešta (Олом. библ., 4 Reg., 12, 10)=numerabant, quae inveniebantur; otdad yu na kazdi den sedmkrat andyely pod nebeſſa wznaſſyechu... Otdad yu opiet andyeli w gegie prziebytek wſkalu przymiesiechu. W ti czasi yeden knyez... otdad nedaleko peleſſ ſobie vczynyl. A kdiz tu ten puſtennyk bydlesſe, zziewil to gemu hoſpodynez na kazdi den widasſe kdiz andyeli swatu marzy mandalenu pod nebeſa nosiechu; kdi-li ſie ſ ny wratyechu (Pass., 341).

Примеры из стихотворной Хроники Далимила: [чехи] dřieve na vojnu jdúce své země nehubiechu, / mezi nepřátele mečem dosti dobudiechu; / pak, dřeve než na nepřátele vyndiechu, / až svú zemi zhubechu. / V tom tehdy dobrě činiechu, / že zádušněho nepleniechu; / potom některé vlaďcīe ctiechu, / ale zádušně pusto položiechu, / a když (переход в кратнопарный тип) na vojně med vypiechu, beze cti sě vždy vrátiechu. / Dřeve ve třech dnech na vojnu vstaniechu, / tehdy ve čtvrti léta na vojnu zapovědiechu... (Dal. J., 79, 167—168); Sirotcie, vdovy k němu voláchu, / vdovy se dcerami před ním klekáchu, / on to vida, prýc pojdieše, / pánu některému súd rukú poručeše (вариант: pokynieše). / Ti páni tak sirotky súdiechu, / jich dědiny sobě přisúdiechu (Там же, 95, 202). К последним двум формам есть вариант с аористами súdichu — přisúdichu, что, повидимому, неудачно, так как нарушает смысл рассказа: речь ведь идет здесь о типичных повторявшихся действиях князя Вацлава и его приближенных.

3. Кратно-предельный тип встречается редко. Он имеет тот же характер, что и соответствующий тип в древнерусском: A toho swateho Antonie widieli ſmy wzdy na modlitbach prziebywat, Ze czastokrat rziekaſſe pro weliku milost na modlitbach, az ſlunce z hory puogdieſſe, a rzka: ... (Otc. B., 129^a, 286). Замены те же, что и в предыдущих типах: в списке С: gdieſſe, в списке D: poſſlo, в списке Е: ſſlo.

Повидимому, сюда не относится пример из Оломоуцкой библии: patřiechu na Mojžiešě, donyadz nevejdieše do stanu (Ex., 33, 8=donec ingredetur)¹, так как общий контекст показывает, что речь здесь идет о событии, имевшем место один раз. Употребление в этом случае формы имперфекта связано, как предполагает Гебауэр, с наличием отрицания (см. ниже, в главе V).

* * *

В памятниках старославянского языка, который, как уже отмечалось, вообще значительно реже пользуется имперфектом совершенных глаголов, чем языки древнерусский и древнечешский, кратноперфективное значение интересующей нас формы встречаем лишь в небольшом числе примеров, представленных главным образом в кратнопарном типе.

Примеры эти следующие: *море обличааше сѧ лихо съи къ страстемъ, і чкъ слѣпъ прѣходааше тварь, емъже сѧ оутѣкнааше, кланвааше сѧ емоу, ба не могъ обрѣсти* (Клоц., строка 582) — периттѣ ұлактса прօс тò

¹ Цитирую по словарю Гебауера.

πάθος ἡλέγχετο, καὶ ἀνθρώπος τυφλόττων πειθῆ γε τὸν κτίσιν, καὶ τὸ προσπίπτον φύλαφῶν προσεκύνει, θεὸν εὐρεῖν οὐ δυνάμενος; мы бы сейчас сказали „на что натыкался (на что, бывало, наткнется), тому и поклонялся“.

Братиша не възбоимъ сѧ, кѣда бо въ ратехъ обрѣтахомъ сѧ. и помолахомъ ба. то помагааше намъ и оделѣваахомъ. и въси побѣгаахъ. и мы юдини м. посрѣду ихъ обращахомъ сѧ (Супр., 72, 26) — здесь общий контекст соответствует тому, что понимается под кратно-парным типом: и главное предложение и временное придаточное с *егда* содержат формы имперфекта, наличествует здесь и значение повторяемости всей цепи („каждый раз, когда мы бывали в бою, мы побеждали врагов“); и все же бросается в глаза изолированность и как бы случайность формы *обращахомъ сѧ* на фоне преобладающих форм „обычного“ имперфекта.

В этом же месте несколько ниже: *молѣ васъ. помолимъ оубо акы въ инж нынѣ ба. и не имѣть къ намъ прикснѣти сѧ мъсти и мжкъи. ни жэбы. не высеїда ли кѣда начынѣхомъ сѧ брати. илагаахомъ фал'моса сего... и нынѣт того руцѣмъ фал'моса. и оуслѣшишь насть и поможетъ намъ* (Там же, 73, 9), — „не всегда ли, когда мы начинали сражаться (когда, бывало, пойдем в бой), мы произносили этот псалом“.

Сниде ангельскыи владыка въ юрданскыи воды. и свативъ водьнонѣ кѣстство въсѧ въселенїи исѹвлилъ. сего ради. тамо оубо. иже сидѣаше по прѣвѣмъ. оуже не иѹвляше (Там же, 496, 16).

Возможно, сюда же относится и следующее место: *аште прошааше кто отъ ништиихъ нѣчко дати себѣ. то аште сѧ сълоучааше [возможно, от сълоучити сѧ, совершенного вида, или же от сълоучати сѧ, несовершенного вида] не имѣти юмоу ничъсоже дати юмоу. то котыгъ съвлѣкъ съ себе дадѣаше ништоуому* (Там же, 207, 15); форма *дадѣаше*, впрочем, могла бы объясняться и иначе — в связи с колебаниями видового значения основы *дад-* (см. ниже, стр. 125).

К приведенным примерам из Супрасльской рукописи можно было бы добавить вполне аналогичные, взятые из Изборника 1073 г. Правда, эти последние могли бы быть отнесены и за счет русского переписчика древнеболгарского текста, но такое предположение необязательно. Естественнее предположить, что имперфекты совершенного вида имелись уже и в протографе. Примеры эти следующие: *Да кѣда оубо хоташе сватитель въпрашати ба о кои либо рѣчи, привазаше [возможно, от несовершенного привазатъ, привазати, но, может быть, и от совершенного приважъ, приважати] к[ефудъ] на рамыници посреду прысии, и подъложаше роузѣ подъ не и испростѣраше сѧ на дланіи акы дѣска* (л. 120). Форма *испростѣраше сѧ* — явно русская; стоит она вместо *испростѣрѣаше сѧ* или вместо *испростирааше сѧ* болгарского протографа, мы, конечно, не знаем, но первая возможность представляется все же более естественной. Далее, в том же месте: *аште боудаше... годѣ въпросъ... свѣтомъ блискаашесѧ; аште боудаше богоу годѣ въпросъ, тоу абие въсигаше адамасъ; аште ли хоташе богъ на мечь прѣдати люди, боудаше крѣвавъ* (л. 120 об.).

С примерами древнерусского и старочешского кратно-цепного типа может быть сопоставлен пример из Супрасльской рукописи: *бѣ инъгда и въ жиохъ кѣпѣль водьна... сънидѣаше тамо рече ангель и възмѣштааше [может быть, от совершенного възмѣтити, но скорее от несовершенного възмѣтати] водѣ и иже би вълѣзъ по възмѣтнiiи воды. наслаждааше сѧ иѹленыи* (496, 10). Параллельное место

в Мариинском евангелии имеет „обычный“ имперфект несовершенного глагола: *анѓл бо гнъ на въсѣ лѣта съхождааше въ кѫпѣль і възмѣшишааше водж* (Ио., 5, 4).

* * *

Значительно более обильный материал, чем памятники старославянского языка, дают старые хорватские памятники. Кратно-перфективное значение интересующей нас формы здесь хорошо засвидетельствовано, притом — в тех же трех синтаксических типах употребления, что и в древнерусском и древнечешском языках.

1. В кратно-парном типе: *Lav чини, ča mu sveti Jerolim zapovida; za č s poslenikom u pašu gredise: kad se napasiše, doma ga dorenise; a lav kako no vol sino jidiše* (Ziv. Jerol., Starine, I, 231) — „Лев сделал, что ему св. Еролим приказал; так он с ослом ходил на пастбище: когда осел [бывало] наестся, он пригонял его домой; и [сам] лев, как вол, ел сено“. Аналогично, с обоснованным чередованием имперфектов совершенных и несовершенных глаголов: *Када ки воиник жену хотише, ка Арху дошад, златицу дав, жену вазмише, и колико ноћи држаше ю, толико златицу даваше* (Александрия, Starine, III, 251); *moja koža biše crna kako no u Saracina od velike tepline od sunca, svaki dan uzdisan'je, svaki dan suze i plač; gdi me san moraše i dobudise*, ondi padih i ležih na golu zemlju (Ziv. Jerol., 229). Впрочем, *moraše* в этом примере может рассматриваться как форма, употребленная вместо формы совершенного глагола („где меня сон, бывало, одолеет и настигнет, там, бывало, и упаду и лежу на голой земле“). Ср. еще: *pokle množe suze proljah* [в рукописи *proglah*] *i pokle me oči zaboljahu, gledajući u nebesa, činjaše mi se da sam meu an'jeli ter vesel i radosta(n) počnih kantati govoreći...* (Там же, 230).

Несомненный случай семантически необоснованного чередования обоих имперфектов имеем в кратно-парном типе в следующем примере: *Ovo je bilo, kad gredihu od Egipta, Josue se s Amalekom bijaše, Mojses na goru [вм. na gori?] moleći staše¹; kada dvigniše ruke, dobivaše puk njegov, a kad jih spušćaše, dobivahu neprijatelji* (Прозаические комментарии Марка Марулича к его „Юдифи“, St. pisci, 1, стр. 67). В главном предложении в обоих случаях употреблены формы несовершенного глагола, что, повидимому, говорит о начавшейся в языке замене интересующих нас форм формами обычного имперфекта. Сходно, но с имперфектом несовершенного глагола в обеих половинах формулы: *ovo je bio Polidektes, kralj od Serifa otoka, ki se okameni, kad nu ukaza glavu od Meduse Persej, sin Jovetov i Danae; ku glavu tko godi vijaše, zakamenjaše se* (Там же, 70).

Есть случаи, когда замена имперфекта совершенных глаголов имперфектом глаголов несовершенного вида может быть прослежена по спискам одного и того же литературного памятника. Так, в „Александрии“ в списке R (первая половина XVI в.) читаем: *и таков закон бише дивих люди: када кога од них окрвавлаху, изидиху ги* (Starine, III, 278). В других, более поздних списках имеем *изедахоу* (списки A, M) и *изиедахъ* (Гаев список XVII в.).

¹ Форма *staše* может быть понята здесь только как имперфект от глагола „стоять“ (стяженная форма), а не от глагола „стать“ совершенного вида. В данном случае нет абсолютно никаких условий для употребления имперфекта совершенного глагола; глагол „стать“ мог бы быть здесь употреблен только в форме аориста (*sta*). Поэтому мы предлагаем: *na gori ... staše*, т. е. „стоял на горе“.

Кратно-парный тип может быть представлен не только сложноподчиненным предложением, но и сложносочиненным предложением, если в нем выражена четкая соотнесенность (противопоставленность) двух ситуаций, вместе составляющих повторяющийся „цикл“. Именно такой случай мы имеем в следующих старохорватских примерах: Tondal, ili htise ili ne htise, vaze kravu, ter ju poča voditi po mostu, i kada poča hoditi po mostu, krava se poča micati, tere ne htise hoditi, i po ta put se potezahu priko mosta, nigda krava **upadiše**¹ doli a Tondal **ostaniše** gori, a nikada Tondal **upadiše**¹ a krava **ostaniše**, i tako se vodeći pridoše nasrid mosta (Tondal. Starine, IV, 113). Соотнесенность и противопоставленность рассматриваемых ситуаций четко выражены здесь союзными словами *nigda* — *a nikada*, а внутри каждого из этих двух членов — союзом „*a*“. Сходный, но менее сложный случай: *Rika arsinoiska bische takova: всаку ноћ помрзише се а об дан размрзнувиши се течаше* (Александрия, ук. изд., 270); в данном случае имеем правильное, т. е. осмысленное чередование формы совершенного и несовершенного глаголов, — момент замерзания противопоставлен длительному действию — течению реки. Более поздний список G (XVII в.) имеет здесь в обеих половинах формулы имперфект несовершенного глагола — *примръзование се и одмръзование се*, т. е. обычную замену интересующей нас формы, хорошо знакомую нам из предыдущего.

В принципе ничем не отличаются от приведенных сейчас прозаических примеров кратно-парного типа те, которые могут быть приведены из поэзии. Так,ср.: Na ramenu križ nosaše ter Jesuse ma ljubavi, / po svem putu kud hodjaše svaki stupaj okravavi; / i gdi trudan **posrnieše**, padajući k zemlji nica, / zemlja vajmeh **protrnješe** i venjaše sva travica. (Мавро Ветранич, St. pisci, III, 320); koli krat **spomenih** toj vrieme pri-krasno, / u svako **povenih**, želeći pri kasno! (Шишко Менчетич, St. pisci, II, 239); A koli **dotechih** prid slavnji je obraz, / u svako ja **recihi**: gospo-dje tvoj sam vas; / **recihi** još sunačce, ti si cvit od gospoj... (Там же, 125); Kada li **potecih** razbirat nije ličce, / vječni se ja **recihi**, jaki no fenice (Там же, 264); Mnjah da sam u raju, prida nju kad **pridjeh** / a život da traju, kada ju ne vidjeh (Там же, 204).

2. Кратно-цепной тип также представлен в старых хорватских памятниках прозы некоторым количеством примеров, в частности следующими:

Od velike pokore i od velike starosti toliko biše slab, da se ne mogaše iz postelje podvignuti. Svrhu postelje biše sveza' konopca gredi tere se rukami uhićaše za nj i uzdvigniše se ter narejaše ono, ča biše potribno za mojstir (Živ. Jerol., ук. изд., 235); Svrhu one prsure prihojaše mnoštvo duš sločastih, ke se onde frigahu toliko dokle se postave kako vosak prid ognjem; i kada se proliahu, metahu ih vanka, a oni opet u put pridihi, kako su i bili, a vrazi vazimahu, tere ih opet metahu na onu prsuru (Tondal, 111).

Несколько вполне аналогичных дополнительных примеров из поэзии:

У Марка Марулича: Ne bihu [имеются в виду боевые кони] predljivi, da bistra pogleda, / ne bihu sklitivi, da glumna vieda, / motahu t' se ureda skakćući nogami, / plešući poreda, zavrg' se glavami. / Plaho ti bedrami pojdihi svrtaje / razmašać prsami, stegna podžimaje; / svim se pojimaje, rekal bi lećahu, / tla ne doticaje, tako se dvizahu. (St. pisci, I, 14).

У Шишко Менчетича: Za što prie u željah samo noć provedih, / a dan se veseljah, što želih za č gledih; / ma sada noć i dan i s jutrom vas večer/

¹ В рукописи перед словами *a nikada* Т. *upadiše* ошибочно, под влиянием предшествующего *a T. ostaniše gori*, стоит *a nikada T. ostaniše gori*.

meni je jadovan, jak nalip i čemer (St. pisci, II, 173); mnokrat recih u sebi rič, koja je ohola (Там же, 326) — обращает на себя внимание лексическое подчеркивание многократности словом mnokrat; ср. еще: Njegda joj ja ponih celov moj na čelo, / njegda se naslonih na grlo veselo;/ njegda ju celunjah u pozor gizdavi, / a njegda i kunjah za milos ljubavi./ Njegda joj ja panih na nje kril za mal čas, / a njegda postanih ter zrčah nje obraz; / a njegda potecih na ličce nje s mojim / iz glasa ter recih: što zaman ja stojim? (Там же, 258).

3. Засвидетельствован в хорватских памятниках и кратно-предельный тип. Ср. в прозе: Spominjan se, da po vas dan od jutra do noći ne pristanih bijuci se u prsi, dokle koli ne pridiše pomoć od moga gospodina Isusa (Ziv. Jerol., 230) — здесь обращает на себя внимание имперфект совершенного глагола и в главном предложении (ne pristanih): „бывало, не перестану бить себя в грудь, пока не придет помощь“. В поэзии: dobrosrični bihu vazda der do vika, / dokol ne padihu u prezpravd'janika (М. Марулич, St. pisci, I, 24); впрочем имперфект padihu может объясняться и иначе, как отражение несовершенного видового значения основы **pad-**, т. е. в связи с пережиточными следами видовой недифференцированности ряда простых основ (ср. ниже).

* * *

Что касается словенского языка, то, повидимому, и он знал в древности имперфект глаголов совершенного вида, и именно в значении многократного действия, как это можно заключить на основании следующего места из Фрейзингенских отрывков (цитирую в транскрипции Вондрака): Oni bo lačna natrovechu, žejna napojaču, bosa obujaču, naga odeachu, malomogonča vime božie posečacho, mrzna sigreachu, stranna pod krovi svoje vvedechu, v timnicah i v železnech vožich vklepenich posečachu, i vime božie te utešachu (II, 45—56) — illi enim esurientem pascebant, sitienti dabant potum, nudipedem calceabant, nudum cooperiebant, infirmum in nomina dei visitabant, frigentem calefaciebant, hospitem colligeabant (sub tecta sua introducebant), in carceribus et in ferreis vinculis inclusos visitabant, et in nomine dei eos consolabantur.

Здесь не может быть сомнения в том, что формы natrovechu (от natruti — „накормить“) и vvedechu (= ст.-сл. *въведѣахъ*) являются формами имперфекта, образованными от глагольных основ совершенного вида. Наиболее вероятно такое же понимание форм obujaču и sigreachu. Вполне возможно (хотя и не обязательно) понимать как имперфекты совершенных глаголов и другие глагольные формы этого отрывка. Вместе с тем все глаголы обозначают здесь повторявшиеся, многократные действия, хотя отдельные их акты и не связаны между собой определенной последовательностью во времени, как это мы видели, например, в кратно-цепном типе.

* * *

Как видим, привлеченный в этой главе материал в общем и целом подтверждает выводы, сделанные при рассмотрении данных древнерусских памятников. Имперфект совершенных глаголов оказывается в древних славянских языках не случайной „аномалией“, а закономерным явлением, грамматической формой, обладающей вполне определенным значением, а именно: кратно-перфективным значением, реализуемым в трех типах синтаксического употребления этой формы.

Позднейшая замена нашей формы в памятниках древнечешского подтверждает наличие в ней специфического оттенка значения, отражающего совершенный глагольный вид соответствующей основы. Вместе с тем обнаруживается, что если древнерусский, древнечешский и старохорватский языки выявляют разительное сходство, касающееся даже деталей употребления имперфекта совершенных глаголов, то старославянский стоит здесь несколько особняком.

IV. КРАТНО-ПЕРФЕКТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМПЕРФЕКТА ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Современный болгарский язык широко пользуется имперфектом совершенных глаголов. В повествовании, в авторской речи произведений повествовательного жанра подавляющее большинство примеров приходится, как и в древних славянских языках, на долю кратно-перфективного значения. Главное отличие от древних славянских языков состоит здесь в том, что в современном болгарском имперфект глаголов совершенного вида употребляется почти исключительно в придаточном предложении и лишь изредка встречается в главном. Соответственно этому из трех древних типов употребления широко представлены в современном болгарском только первый, т. е. 'кратно-парный, и третий, т. е. кратно-предельный типы. Второй, кратно-цепной, тип представлен бедно и, повидимому, может рассматриваться как оттесняемый. Кроме того, может быть выделен еще один дополнительный, четвертый тип, охватывающий случай „скрытой соотносительности“ (см. ниже, стр. 100—111).

Остановимся подробнее на каждом из четырех указанных типов.

1. Кратно-парный тип

Рассмотрение кратно-парного типа начинаем с тех, редких в современном языке, но, очевидно, отражающих древнее употребление примеров, в которых имперфект глагола совершенного вида используется и в главном и в придаточном предложениях:

Нарочно край тях минаваха дружките на Тинка, като си идеаха от пазар и ако го видеха [в болгарском — совершенного вида] сред двора, викинеха му, та махалата чуе... (Гнездо, 176) — „Подруги Тинки нарочно проходили мимо них, возвращаясь с рынка, и, бывало, если увидят его среди двора, крикнут ему так, что вся махалá [часть села, улица, „конец“, квартал] услышит“.

Вечер, щом чиновнициите тръгнеха да се разхождат по чаршията, Руzin Дуров винаги закачаше кафеза с птицата на прозореца към улицата. Папагалът скакаше [переход к „обычному“ имперфекту несовершенного глагола] от пръчка на пръчка и непрестанно кресливо повтаряше: — Глупци, глупци. (ГБ, 160) — „Вечером, бывало, как только чиновники выйдут на прогулку по главной улице, Р. Дуров всегда повесит клетку на окно, выходившее на улицу. Попугай скакал с жердочки на жердочку и беспрестанно крикливо повторял: — Глупцы, глупцы“.

Гораздо чаще встречаются примеры с имперфектом совершенного глагола только в придаточном предложении. В главном, независимо от характера выраженного в нем действия, стоит имперфект несовершенного глагола.

Среди придаточных предложений наиболее типичны в интересующей нас конструкции предложения, вводимые союзами *щом* и *колчим* (*колчем*) — „как только“, например:

...*И децата, които често влизаха в градината да берат сливи, щом го видеха, не слизаха, а просто нападваха и бягаха, колкото им крака държат* (Ст. л., 13) — „И дети, которые часто забирались в сад, чтобы нарвать слив, как только, бывало, его увидят, не слезали, а просто падали и бросались бежать, что есть мочи“.

Аналогично: *Той се хилеше до уши, щом го зърнеше от далеч* (ЛС, 68); *Широко му лице ставаше бронзово-червено* всеки път, *щом се закашляше* (Там же, 13); *Още щом пукнеше пролетта, баба Наца зашпукваше из двора* (Двор, 5); *И щом се стопеше снега и врабци зачуруликаха по дръвниците, измъкваша се и те... и се разшавваша на припек* (Там же, 10); *Симо гледаше вече уверено и съсретоточено със сините си очи, и щом го закачеха махленските деца, отговаряше им никак снизходително* (Сеитба, 120).

Какиният Гинкин мъж ядеше пред себе си смиreno, *защото, колчим си позволеше да каже нещо или да се изсмее яката, тя му хвърляше свиреп поглед* (ПИ, I, VIII, 52); ...*Той се раздразняваше изведнъж, колчим се осмеляха да противоречат заветните му убеждения* (Там же, I, XVIII, 114); *Анко Разопчето се спряпаше от срам, колчим срещиене човек в панталони от черно сукно* (Там же, I, I, 10).

Так же в придаточных предложениях, вводимых относительным местоименным наречием *когато* („когда“), например:

Графът захвана да говори, а кака Гинка му суфлираше от чиновете. А когато графът пропуснеше или променеше някоя дума, тя извикваше: „събръка“! (ПИ, I, XVII, 104) — „...а когда граф пропускал или изменял какое-нибудь слово...“, т. е. каждый раз, как он (бывало) пропустит или изменит какое-нибудь слово... — имеется в виду ряд повторявшихся моментов, как это мы видели и в придаточных с *щом* и *колчим*.

Аналогично: *Когато дойдеше в разгара на полката си, Клеопатра [медведь] ревеше ужасно, и цялата махала знаеше, че Клеопатра танцува* (Там же, I, V, 37) — „Когда Клеопатра, танцуя свою польку, входила в раж (войдет, бывало, в раж), она ревела ужасно, и весь квартал знал, что Клеопатра танцует“; *От опит той знаеше, че когато сянката се дръпнеше до сред улицата, до барата, тогава девойката ставаше да полива градината* (Там же, II, XIX, 310); *Но за чест на Дакито, трябва да кажем, че милосърдието му се равняваше с невежеството му и той побледняваше, когато секретарят му покажеше някой член от наказателния закон, чрез който се осъждаше някой, за дето е дал плесница на някого, на три месеца затвор* (МиД, 136); *Но времето омекна и когато из снега минеха каруци, оставяха дълбоки следи, които бързо се пълнеха с вода* (Ако мож., 14); ...*когато го погледнеше, очите ѝ го заливаша с мека и сладка светлина* (Ст. л., 4); *Марин малко общуваше с него. Всякоага, когато вуйчо му се изправеше над главата и грапавият глас се забиеше в ухото му, без да го гледа, той го чувствуваше като изправен дървен труп... и същият този труп с присъствието си сякаш лягаше на самите му плещи* (КВ, 20); *Дори и тогава, когато станеше нужда да помага при вдигането на чувалите в бакалницата..., неговият панталон си оставаше все тъй чист и безупречно изгладен, както някога в студентските му години в града* (Там же, 32); *Друга вечер, когато имаше време, Стойко не отиваше направо*

до плетената порта, а свиваше край реката... оглеждаше двора им, къщата, съседите и, чак когато се увереше, че никой от никъде не се мярка и не гледа, пресичаше бързо като лалугер разровената песяклива улица и се лепваше до високия плет (Снаха, 14); *И все пак Ламбо си отиваше чак когато излезех навън да му кажа, да мине друг път, че сега тате няма пари* (Ламбо, 53) и т. д.

Аналогично и в придаточных, вводимых посредством *като* („когда“, „как“), например: *Драгота не обръщаше внимание на незадоволството на тримата прости братя. Като се прибереше в килията си, където никой не можеше да го види, той първом си дождаваше добре със скритото ядене, което държеше под ключ. И като си помислеше, че често о. Амфилохий беше го посочвал за пример в умерено ядене и пие, той се усмихваше* (Ст. л., 23) — „Удалившись в свою келью, где никто не мог его увидеть, он сперва досыпал наедаясь припрятанной пищей, которую держал под замком. И подумав, что о. Амфилохий часто указывал на него как на пример умеренности в еде и питье, он усмехался“; *Често пъти като се върнеше късно с колата, Герасим я заварваше горе в стаичката просълзена* (Гнездо, 159); [Вол Петко] *винаги държеше вдигната главата си, като тръгнеше за паша* (Търговия, 56).

Так же и в других типах относительных придаточных предложений: *Тя с трепетно сърце се взираше във всекого когото срещнеше, дано познле някой близък човек* (ПИ, II, VI, 249); *Целия ни път от ческата граница до Прага беше едно триумфално шествие; ... дето поминеше нашия трен, шапки захвърчваха нагоре и ческончаемо „пазадар!“ цепеше въздуха* (Бай Г., 31); *Все пак, колкото пъти му прилегнеше, бялаше да пие вода на улуките* (Ако мож., 81); *И замечтахме ние за още една крава. Кого къде видеше мама от съседите, замолваше го да ни помогне да сменим Петко с някоя крава* (Търговия, 57).

Так же в придаточных, вводимых союзом *ако* („если“): *Нямаше кой дърва да им насече... Ратайче, ако вземеха, крадеше ги и те го изпъндаха* (Двор, 9); *И на вечерята, и после, тя беше всяка на първо място. Тя забелязваше как свахата подсещаше с очи дъщеря си най-напред на нея да поднася. И как, ако ѝ потрябваше нещо, скокваше и двете на крак* (Там же, 17). По-русски: „если нанимали работника“, или, лучше, с точки зрения передачи оттенка совершенности: „если, бывало, наймут работника, он их обкрадывал“; „если ей что-нибудь понадобится, обе вскакивали“.

Наконец, в бессоюзных придаточных предложениях (с частицей *ли* после глагола, занимающего начальное место в таком придаточном предложении):

Дойдеше ли неделя и празник, всички трябваше да идат не черква (ПИ, I, I, 11); *Прибереше ли се ключарят, Илия пак се появяваше* (КК, 105) — „Уйдет ключник, — Илья снова появлялся“; *Лято то кое-как минаваше леко, но почнеха ли дъждовете и каловете, скриеха ли се животинките в дупките, свираха се и те в слушената си къщурка и весден печеха старите си кокали край кюмбето* (Двор, 9); *А зелинеха ли се слоговете и баирите, той вземаше тояжката и я [корову] откарваше на паша* (Там же, 7); *И понеже от баща си никога не виждах пара... затуй зърнех ли, макар и кръгло парченце от тенекийка да е, все го мислех, че с него може да се купят бонбони* (Ламбо, 52).

Во всех приведенных примерах сказуемое главного предложения выражено имперфектом несовершенного глагола независимо от видового характера каждого отдельного акта соответствующего кратного действия, т. е. независимо от того, является ли каждый отдельный акт

этого кратного действия объективно длительным (*Клеопатра ревеше ужасно и цялата махала знаеше, че Клеопатра танцува* — в приведенном выше примере) или объективно мгновенным (*скокваха и двете на крак*, т. е. вскочили + вскочили + вскочили = вскакивали). „Перфективность“ каждого отдельного акта в этих случаях остается невыраженной, теряется, стирается.

Кроме примеров, подобных рассмотренным, встречаются в болгарском языке и такие, в которых не только в главном, но и в придаточном предложении стоит имперфект несовершенного глагола. Это бывает в двух случаях: 1) когда постановка имперфекта несовершенного глагола диктуется самим характером соответствующего действия (точнее — его отдельного акта) и 2) когда имеет место своего рода „замена“ имперфекта совершенного глагола имперфектом несовершенного, аналогично тому, как это мы наблюдали в древних славянских языках.

Рассмотрим сначала первый случай. Классическим примером может служить следующий:

Той въз да пази ноща с пушка, но вълкът не дохождаше. Нямаше, когато пазеше, доождаше, щом се прибереше (Ако мож., 22), — „Он стал караулить по ночам с ружьем, но волк не приходил. Не было его [волка], когда он [пастух] караулил, но он приходил, как только [пастух] уходил“, или: „как только пастух уйдет“. Оба придаточных предложения — и *когато пазеше*, и *щом се прибереше* — выражают повторявшиеся, для какого-то отрезка времени, так сказать, типичные ситуации: всякий раз, как имело место то-то, волк вел себя так-то, всякий раз, как имело место иное, волк вел себя иначе. Но при наличии в обоих придаточных предложениях значения кратной повторяемости они существенно отличаются друг от друга. Придаточное „когда караулил“ указывает на повторявшийся длительный процесс и, закономерно, содержит в себе форму имперфекта несовершенного глагола (*пазеше*); придаточное „как-только уходил, как только, бывало, уйдет“ (*щом се прибереше*) указывает на повторявшийся момент, на такое действие, которое каждый раз „завершалось“, становилось „готовым фактом“, прежде чем могло наступить действие, выраженное глаголом главного предложения (приход волка). Именно это специфическое значение и вызывает здесь употребление имперфекта, образованного от основы совершенного вида.

Вполне аналогично: *Когато хаджи Станю минаваше важно с бастун по чаршията, всеки му сваляше шапка и му ставаше на крака. Но щом отминеше, веднага се чуваха подмятания и псуви* (ГБ, 38). С одной стороны — „когда проходил“ (повторявшийся длительный процесс), с другой стороны — „как только, бывало, пройдет“ (повторявшийся момент).

Что касается второго случая — появления имперфекта несовершенного глагола в придаточном предложении в порядке замены имперфекта совершенного глагола, то его целесообразно рассмотреть в связи с другими случаями замены интересующей нас формы в современном болгарском языке. Интересно отметить, что самые типы замен в современном болгарском языке точно те же, что в древнерусском языке. Это, во-первых, имперфект несовершенного глагола, а, во-вторых, настоящее время совершенного (и, реже, несовершенного) глагола. Разница между двумя этими языками заключается, однако, в том, что применительно к современному болгарскому самый термин замена получает несколько иной смысл. Если, говоря о заменах в древнерусском и в других древних славянских языках, мы имели

в виду вытеснение более старого способа выражения более новым (что могло быть прослежено при сопоставлении более ранних и более поздних списков одного и того же произведения), то в современном болгарском лишь в некоторых случаях речь могла бы идти о том, что замена представляет собой относительно более новый способ выражения. Так, редкость имперфекта совершенных глаголов в главном предложении позволяет предполагать в нем архаизм, явление оттесняемое, и именно — оттесняемое его заменой — имперфектом несовершенного глагола. Зато, например, применительно к придаточному предложению, в котором имперфект совершенного глагола ни в какой мере не теряет своей актуальности, мы, говоря о заменах, имеем в виду сосуществование нескольких (обычно — трех) более или менее равноправных способов выражения аналогичного содержания.

Но перейдем к примерам.

Примером имперфекта несовершенного глагола в главном предложении как замены имперфекта совершенного глагола может служить почти любой из приведенных выше примеров (кроме таких, как *Клеопатра ревеше ужасно*, где каждый акт кратного действия, выраженного формой *ревеше*, носит сам по себе несовершенный характер и потому имперфект несовершенного глагола должен рассматриваться как „исконный“, а не как замена).

Примерами настоящего времени в главном предложении как „замены“ интересующей нас формы могут служить следующие: *Когато му се случеше понякога да държи чаша с вино из бъклица или ракия из бърдето, той тогаз се по-преди прекръсти три пъти и докато клочеше в гърлото му, то клепачките и на двете му очи играеха* (С тебешир, 32); *И гургулиците, като я видеха че е сама, току се спуснат из невиделица в двора и заклимат с глави към нея* (Двор, 8).

Примеры замен в придаточном предложении:

Замена имперфектом несовершенного глагола может быть проиллюстрирована следующими примерами: *колчим настаяха* [вм. *настанеха*] *трезвите минути, ... горките мисли като съскливи эмии се разбуждаха в душата и жилеха, жилеха немислостиво* (ГИ, II, II, 223); *И когато някой ден дохаждаше* [имперфект несовершенного глагола в порядке замены] *и изприкажеше* [имперфект совершенного глагола, не подвергшийся „замене“] *всичко на Ганаила, струваше ѝ се, че са я ограбили* (Ст. л., 47).

Замена настоящим временем имперфекта глаголов совершенного вида встречается, как указано, чаще. Например: *Ако кажат: туха, той влизаше; ако ли кажеха: няма го, той се връщаше, като изъбряше... някоя.. псувня* (МиД, 133); *Крекнеше ли само кокошка, тя рипваше от сън... А пропее ли червеният петел и кокошките закуткудичеха в хор из кошлетата — това беше за нея празник, с такава радост обираше топлите яйца, с каквато по жътва — първите ръкотки* (Двор, 7).

Есть примеры и с настоящим временем несовершенного глагола; но, повидимому, в этих примерах выбор несовершенного вида обусловлен характером самого действия (вернее — его отдельного акта), и, таким образом, здесь речь могла бы идти не о замене интересующей нас формы, а о замене имперфекта несовершенного глагола. Ср. употребление времен в следующем характерном примере: *Дядо Колю имаше един чуден навик. Кога тръгне някъде или остане сам, или стои в черква, устата му постоянно шаваха* (С тебешир, 15).

2. Кратно-цепной тип

Как мы видели, рассматривая материал древних славянских языков, этот тип реализуется в сложносочиненном (иногда — в „слитном“) предложении. Но в современном болгарском языке, как указано, имперфект совершенных глаголов вообще очень редко употребляется в главном предложении. Отсюда понятна и отмеченная уже выше редкость кратно-цепного типа.

Приведем имеющиеся примеры: *Често пъти тези свои разговори той придружаваше и с по някоя мимика: или подигнеше разперени пръстите от дясната си ръка... и шаваше [имперфект несовершенного глагола] с малкия и другия до него пръст; или свиеше джуните си и изблещеше очи, като да се чуди на нещо; или свиеше дясното си око и шавиеше с левия си мустак, или пък само подигне [переход к настоящему времени совершенных глаголов] длан на рамото си и пак си спусне ръката.* (С тебешир, 16) — „Часто эти свои разговоры он сопровождал и некоторой мимикой: или, бывало, поднимет, растопыривая их, пальцы правой руки... и шевелит [имперфект несовершенного глагола] мизинцем и соседним пальцем, или подожмет губы и вытаращит глаза, словно чему-то удивляется; или прищурит правый глаз и пошевелит левым усом, или же только поднимет ладонь себе на плечо и снова опустит руку“.

Аналогично у Й. Йовкова: *Съмваше се и отново се повтаряше същото. Субашът Али излизаше пред конака и гледаше. Додованикът дохождаше както и по-рано в дюкянчето [до сих пор — имперфекты несовершенных глаголов]. Току се появеше [имперфект совершенного глагола] от някъде с изшилен черен калпак от яре, със сипаничаво лице, одърпан, напрашен. Личеше си [имперфект несовершенного глагола], че слиза от Балкана. Спре се [переход в настоящее совершенного вида, более обычное в подобных случаях], огледа се наляво, огледа се надясно и хътне в дюкянчето, като халугер в дупката си. Сидеше там дълго [снова имперфект несовершенного глагола], а като минеше покрай дядя Руся [имперфект совершенного глагола рассмотренного выше кратно-парного типа в придаточном с като], преправяше лице и се преструваше на божа кравица* (Ст. л., 64).

Пример кратно-цепного типа в поэтическом тексте Христо Ботева: ...*Гам, дето аз съм пораснал / и първо мяко засукал; / там, дето либе хубаво / черни си очи вдигнеше / и с оназ тиха усмивка / в скръбно ги сърдце впиеше* („На прощаване“). То, что в данном примере обе интересующие нас формы оказались в придаточном предложении, не связано с характером их соотношения друг с другом, которое остается таким же, как вообще в кратно-цепном типе.

3. Кратно-пределный тип

Что касается кратно-пределного типа, то он, как и в древних славянских языках, используется в современном болгарском языке несколько реже, чем кратно-соотносительный тип (но значительно чаще, чем кратно-цепной). Во всяком случае он никак не может считаться какой-либо отмирающей категорией, так как встречается и у писателей XX в., в произведениях, вышедших в свет за последнее десятилетие. Приведем ряд типичных примеров:

Марко полагаше голяма грижа да вдъхне на синовете си религиозно чувство. Вечер, доде изчетеше павачерката си пред куно-

стаса, големите бяха длъжни да присъствуват на молитвс (ПИ, I, I, 11) — „Марко много заботился о том, чтобы привить своим сыновьям религиозное чувство. По вечерам, до тех пор пока он (бывало), не дочитает перед иконостасом свою вечернюю молитву, взрослые [сыновья] были обязаны присутствовать на молитве“; *Във всички села, дето беше учителствуval, винаги имаше нещо, за което се хващаха, както давящия се хваща за сламката. Някъде садяха фий, някъде люцерна, някъде цвекло—винаги имаше нещо модно, от което очакваха чудото: бързо заботяване, отърване от грижите и теглото...* докато **станеше** ясно; че и с фия, и с люцерната, и с цвеклото работите не се оправяха и всичко отиваше към все по-голяма и неизкоренима сиромашия (ЛС, 16) — „... сажали вику, люцерну и свеклу и ожидали чуда [длительный процесс], пока не становилось ясно [в какой-то момент], что дела не поправляются“. Весь цикл повторялся много раз (*Във всички села, дето беше учителствуval, винаги*) по формуле (... а) × n.

Аналогично: *Той се вслушваше в стъпките им, докато загълъхне в ноща* (Машината, 56); ... триех я [найденную старую монету или кусочек металла, принимаемый за монету]... измивах я с вода, лъсках я с песчинки, пак я проплаквах с вода, дорде **льснеше на слънцето** [пока не сверкнет солнце] и я пъях във вътрешния джеб (Ламбо, 52); *Ние бъркахме в дълбоката калена паница, където се бистрееше топла водица и само по някое бобено зърно плуваше ту към единия край, ту към другия, въртеше се в кръг, дорде някой го улучеше и попаднеше в лъжицата му* (Бусара, 64) — „...боб плавал в супе, пока его кто-либо из детей не поймет в свою ложку“.

Свообразен следующий пример из Иовкова: *Познавам дядо му на тоя момък, дядо Филчо. Той много не му придирише, пиеше вода направо от улука. Останало малко вода от добитъка, — наведе се и се напие. А доде иде на нивата, изядеше половин самун уж си поотчупва все по-малко* (Ако мож., 125). Здесь в придаточном предложении с *доде* имеем форму настоящего времени глагола совершенного вида (глагол *ида* в значении удаления в болгарском языке совершенного вида), т. е. „замену“ имперфекта совершенного глагола. Зато в главном предложении употреблен редкий в этих случаях имперфект совершенного глагола.

4. Случай „скрытой соотносительности“

Наряду с рассмотренными сейчас тремя основными типами синтаксического употребления имперфекта совершенных глаголов в кратно-перфективном значении встречаются в болгарском языке изредка и такие примеры, в которых кратно-перфективный имперфект оказывается употребленным вне какой-либо соотносительности с другой глагольной формой, которая бы прямо выражала действие, повторявшееся с той же периодичностью. Эти случаи могли бы быть названы случаями „скрытой соотносительности“, ибо, как увидим, кратное действие, обладающее той же периодичностью, что и действие, выраженное имперфектом совершенного глагола, все же и в этих случаях всегда подразумевается. Ср., например: *Като взе шише, той се зачука с всички под ред; то беше звън и кълкотения, рядко кръчмата на бай Тодор беше виждала такъв чудо. Само когато почнеха по-рано изборите* (Гнездо, 241) — „Взяв бутылку, он стал чокаться со всеми подряд; это был звон и пlesк, редко корчме бая Тодора случалось видеть такое чудо.

Разве, когда раньше, бывало, начинались (бывало, начнутся) выборы". Очевидно, шумные собрания в корчме имели место всякий раз, когда начиналась предвыборная борьба, но это, собственно, лишь подразумевается, лишь вытекает из предыдущей фразы (*рядко кърчмата на бай Годор бешо виждала* и т. д.), прямо это не выражено. Синтаксически мы имеем здесь придаточное предложение без главного, к которому оно должно бы относиться.

Другой пример „скрытой соотносительности“: [Игнат] оставил си шапката на страна и почна да сваля каквото му попаднеше на ръка от рафтовете на куп сред бакалницата (КВ, 81) — „...начал сбрасывать, что попадалось (все, что ни попадется) под руку“.

* * *

Материалы, привлеченные в этой главе, дают возможность с полным основанием считать, что кратно-перфективное значение имперфекта совершенных глаголов ни в какой мере не находится в противоречии с современной системой совершенного и несовершенного видов. Наоборот, само существование кратно-перфективного значения органически вытекает из сочетания видо-временного значения общеславянского имперфекта с видовым перфективным значением соответствующих глагольных основ. Если это ясно по отношению к современному живому болгарскому языку, то значит и для древних славянских языков у нас нет основания рассматривать случаи кратно-перфективного значения имперфекта совершенных глаголов, — случаи по существу вполне аналогичные современным болгарским, — ни как „архаизм“ или „пережиток давидового состояния“, ни как „показатель дряхлости старого имперфекта“ или его „отмирания“ и „смешения с аористом“. О возможных пережитках более старого состояния видовых категорий в древних славянских языках и о фактах, отражающих отмирание в ряде славянских языков старой системы прошедших времен, речь у нас будет ниже, в VI главе. Те же факты, которые рассмотрены здесь, в главах, посвященных кратно-перфективному значению имперфекта совершенных глаголов, не имеют ничего общего ни с тем, ни с другим кругом явлений. Кратно-перфективное значение есть наиболее „нормальное“, наиболее „правильное“ и типичное значение, возникающее в формах имперфекта, когда они образуются от глагольных основ совершенного вида. Наличие этого значения в том или ином славянском языке свидетельствует о том, что этот язык а) уже обладает современной системой совершенного и несовершенного видов и б) еще сохранил специфическое значение имперфекта и соответствующее смысловое различие между имперфектом и аористом.

V. МОДАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ИМПЕРФЕКТА ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА¹

Рассмотренное в предыдущих главах кратно-перфективное значение имперфекта совершенных глаголов не является в славянских языках ни единственным, ни единственным „правильным“ значением этой формы. Вполне „правильными“, т. е. нисколько не противоречащими ни специальному значению имперфекта, ни значению совершенного вида, выраженному глагольной основой, оказываются также некоторые модальные значения интересующей нас формы, рассмотрению которых и посвящена данная глава. Как в имперфекте несовершенных глаголов

¹ См. сноски 2 на стр. 72.

мы отмечали, наряду с видо-временным значением длившегося, незавершенного в прошлом процесса, ряд модальных значений (см. стр. 72—73), так и в имперфекте глаголов совершенного вида мы находим различные модальные значения. Различия между отдельными языками здесь гораздо больше, чем в сфере кратно-перфективного значения, но видовое значение глагольной основы во всех случаях дает себя знать, хотя и не с равной силой.

Представляется целесообразным рассмотреть отдельно материал трех древних славянских языков — древнерусского, древнечешского и старославянского — и отдельно материал современного болгарского языка, с которым, повидимому, согласуются некоторые примеры, взятые из хорватских текстов XV—XVI вв., и, с другой стороны, некоторые факты из грамматики современных серболужицких языков.

* * *

Среди отмеченных выше (на стр. 72—73) модальных значений имперфекта несовершенных глаголов на первом месте было указано модально-видовое значение „конативности“ (*imperfectum de conatu*). В формах имперфекта совершенных глаголов в некоторых случаях в древних славянских языках развивается близкое значение, которое Г. К. Ульянов называл „значением готовности“.

Примером этого значения в древнерусском языке может служить следующее место из Повести временных лет: *И излѣзоша Болгаре на сѣю противу Сѣславу, и бы(с) сѣча велика. и одоляху* [Так в АП; в Л ошибочно одалаху, в И: одолѣваху] *Болѣгаре. и ре(ч) Сѣславъ воемъ своимъ. уже намъ сде пасти. потягнемъ мужьски братья и дружино и къ вечеру одолѣ Сѣсл(а)въ* (ПВЛЛ, 6479, 69). В трактовке Ульянова *одоляху* — „готовы были одолеть“, в переводе Д. С. Лихачева (Повесть временных лет, Изд. АН СССР, 1950) — „стали одолевать“. Последующее *и къ вечеру одолѣ Святославъ* ясно показывает, что интересующая нас форма представляет собой нечто вроде *imperfectum de conatu*. В Ипатьевском списке мы и имеем подлинный *imperfectum de conatu одолѣваху*.

Вместе с тем, отмечаемое Ульяновым в форме *одоляху* „значение готовности“ находит себе некоторое соответствие и в довольно близких модальных значениях форм настоящего времени глаголов совершенного вида в современном русском языке (например, в модальном значении возможности): он *такой упорный — гору сдвинет*, т. е. „может сдвинуть, в состоянии сдвинуть“; *Нет, не старость этому имя. Тушу вперед стремя, я с удовольствием справлюсь с двоими, а разозлить — и с тремя* (Маяковский), т. е. „готов справиться“ и т. д.

Повидимому, аналогичное значение возможности имеется и в форме имперфекта *вмѣстяше*: ...*приносящет же ему великии Антонии. и подаваше ему оконцемъ. яко ся вмѣстяше рука. тако приимаше пищу* (ПВЛЛ, 6582, 192), т. е. „приносил ему великий Антоний и подавал через оконце [такое маленькое] что едва помещалась [или: едва поместится, едва войдет = едва может войти] рука, так он принимал пищу“.

Может быть, близкий оттенок значения имеем в некоторых других древнерусских примерах, в которых имперфект совершенных глаголов употреблен вместе с отрицанием и выражает нежелание субъекта произвести данное действие. Ср., например: *и реч(е) велиим гласом: „запрещаетъ ты ѹсподѧ, вселукавый діаволе!“* *Бѣсъ же не престаняше*

мелъ в жернова. Федоръ же пакы реч(e)... (КПП, л. 187), т. е. „не хотел перестать“; и не допустяху Угръ опять, и тако множецею убивая. сбisha в в мяч (ПВЛЛ, 6605, 271); а Двдъ Игоревичъ съдяше кромъ и не припustяху его к собѣ. но особы думаху о Двдѣ. (Там же, 6608, 274), т. е. „не хотелипустить“; Бяшть бо в ты дни шуменъ стаю Андрѣя. Григорий... тот бо не вдадиша Мъстиславу въстati ратью по Ярославѣ. река.... (ИЛ, 6636, 291; в Погодинском списке: не дадиша). В какой-то мере все эти примеры могли бы быть сопоставлены с употреблением настоящего времени глаголов совершенного вида в таких случаях, как словечка в простоте не скажут, все с ужимкой или — с другим оттенком в значении — тишина, не шевельнется ни один лист.

Бросается в глаза, что все приведенные сейчас примеры резко отличаются от рассмотренных в своем месте примеров кратно-перфективного значения. Здесь нет ни момента кратности, ни момента соотносительности двух взаимно связанных действий. Перфективность, специфическое видовое значение глагольной основы, выступает здесь в более слабой степени, в иных примерах почти стирается, хотя, кажется, нигде не утрачивается полностью. Сравнительная редкость этого типа в древнерусских памятниках мешает сформулировать более определенные выводы. Возможно, что некоторые из этих примеров следовало бы объяснять иначе (см. ниже, в главе VI).

Впрочем, такой же тип модального употребления имперфекта совершенных глаголов, т. е. употребление его в значении готовности или возможности совершить действие или желания совершить его, находим и в древнечешском языке. Здесь такое значение особенно часто встречается при наличии отрицания (как это мы сейчас видели и в древнерусском). Ср., в частности, следующие примеры: bieše v ta doba na křest'any taká pohroma spadla, jež příetel příetele, syn otce buoјě sě zaprzyeſſe (Pass. Klem., 149^a, цит. по Травничку, ук. соч., стр. 306) — „в ту пору такое бедствие обрушилось на христиан, что друг, боясь, отрекался (=готов был отречься) от друга, сын — от отца“; jala sě jeho často bítí, však on proto své zlosti neostanyeſſe (Там же, 65^a, цит. по Травничку, там же), т. е. „не оставлял, не хотел оставить“. Аналогично: A sam syeda s nami, nikda neprzestanieſſe o duchownich skutcyech nas vczie (Otc. B., 32^b, 77).

В данном случае выступают те же „замены“, с которыми мы встречались выше, при разборе кратных типов, — „замена“ имперфектом несовершенного глагола (в списке С: neprzestawasſe) и перфектом совершенного глагола (в списке Е: neprzestal).

В стихотворных текстах сюда же относятся, очевидно, такие случаи, как To pro iudassye mluwiesſe. / Genz tu take mezy pumy bieſſe. / Yehoz ſrrdce giezius dobrzie wiedieſſe. / wſak nan toho nezgiewieſſe (Градецкая рукопись, 79^a, 223), т. е. „не хотел это обнаружить“; Potom poczie piti zadati / kazachu iemu oczta ſ złuczy dati. / Auwech, gich hubeny hrziesſe / Ze gemu i yeden wody nepodadiesſe (Там же, 92^b, 252) — „никто не хотел подать ему воды“.

Гебауэр считал, что в примерах вроде только что приведенного форма имперфекта появляется исключительно в силу влияния отрицания; в соответствующем положительном предложении мы имели бы, по мнению Гебауэра, аорист: nekto poda vodu¹. Ср. еще: I počechu ... jako k ciliu ſípy k němu střieleti. / Ále toho i jeden nevidieſe, / že svatý Jan...

¹ См. J. Gebauer, Archiv für slavische Philologie, т. 25, стр. 348.

knězě zaslánieše: / v svatého Jana húni šípi tčiechu, / kniežeciecho těla
nedotkniechu [вариант — nedotčiechu] (Dal. J., 34, 70)¹; keř, jenž někdy
hořieše a vešken plamenit bieše, své krásy nic **nepotratiesě**, ale ve všej
zelenosti stojieše (Гебауэр, 348; без отрицания, по словам Гебауэра,
был бы аорист: potratí).

Сюда же относит Гебауэр приведенный выше пример из Оломоуцкой библии (Exodus, 33, 8): doňadž nevejdieše do stanu, считая, что при отсутствии отрицания был бы аорист vnde, и ряд других примеров.

Повидимому, следовательно, мы должны выделить в древнечешском языке особую рубрику — имперфект совершенных глаголов при отрицании. Генетически эту рубрику, может быть, надо объяснить как позднейшую и вторичную, как результат аналогического распространения интересующей нас формы в отрицательных предложениях в связи с частым употреблением в них имперфекта глаголов совершенного вида в значении отрицаемой возможности или готовности (желания) совершил действие².

Значение отрицаемой возможности отмечается у интересующих нас форм и в старославянском языке, а именно в Супрасльской рукописи: *ни^кдноже бѣ отъ него. сътворено дѣло. юже нѣсть дѣло* [вм. зѣло] *оуспѣшно. ни^кдно юже не въпѣша истинъ. ни^кдино юже не къ небесъноуому прилатио подвиги^шаше оумъ* (346, 12). И Ягич, и Ульянов усматривали здесь значение невозможности: „которое не поднимало бы, не было бы в состоянии поднять“³, „которое не могло бы побудить“⁴. Правда, не исключено и понимание в плане видовой нendifференцированности (см. ниже), как, впрочем, и в некоторых аналогичных примерах в древнерусском и старочешском языках. В двух других примерах из Супрасльской рукописи обращает на себя внимание даже лексическое тождество или близкое лексическое сходство с русскими и чешскими примерами, приводимыми выше. Речь идет о формах имперфекта от глаголов *прѣстati* и *остati* с.а.: *и тлькнївъши въ дѣри молаши въвести* тж. *оному же не хоташтоу... прѣбѣвааше бѣ стоуда тлькжти. и съ многою молитвою моласти приати* тж... *многоу же часоу минжвъшоу. и ноши оуже прѣполовавши с.а. не прѣстанѣште тлькжти и великомъ гласомъ въпѣжти* (515, 18), т. е. „не хотела перестать“⁵; *слма же и сице не останѣахъ с.а сты-*

¹ Правда, этот пример Гебауэр рассматривает в ук. статье в составе другой рубрики: он находит здесь особый случай итеративности — действие, выполненное несколькими субъектами подряд („выпущенные стрелы, одна за другой, оставляли нетронутым тело князя“ — ук. соч., стр. 345). Однако такое толкование представляется нам (как и по отношению к некоторым другим приводимым Гебауэром примерам) несколько искусственным.

² Иначе объяснял употребление имперфекта при отрицании Гебауэр. Он сопоставлял его (ук. соч., стр. 348) с употреблением при отрицании формы несовершенного вида в таких случаях, как *nevstávěj* — при совершенном *vstáj* без отрицания, *neříkey* — при *řekn̄i* и т. д. (то же и в других формах, ср. русск. *Сказал ты ему?* — *Нет, не говорил*). Нам кажется все же, что данная аналогия носит очень внешний характер и никак не объясняет, почему же в случаях с имперфектом как раз вид глагола — совершенный вид — сохраняется при отрицании без изменения.

³ И. В. Ягич. Мариинское евангелие, стр. 458.

⁴ Г. Ульянов. Ук. соч., т. II, стр. 228.

⁵ Так толковал приведенную форму и Ульянов („не захотела перестать“, ук. соч., т. II, стр. 228). В противоположность этому Сарау и, вслед за ним, ван-Вейк говорили, что не видят никакого различия в значении формы *не прѣстанѣште* и формы *не прѣстааше*, несовершеннего вида, следующей несколькими строками ниже: *тѣшаще ж теплостиж ржкы своѧ. и прѣкрыштали ж чмсто по прысемъ не прѣстааше* (516, 16), — см. Сарау. Ук. соч., стр. 156. Ван-Вейк поэтому считал, что интересующая нас форма *не прѣстанѣште* употреблена неправильно, в результате „притупления чувства языка“ („Abstumpfung des Sprachgeföhls“), — см. Ван-Вейк. Ук. соч.,

дости. воле~~ж~~ самъ са прѣда-к-динъ (413, 18) — „не хотели отстать, отступиться“ (ср. там же в форме прямой речи: нь ѫлма же вѣ не рачите, нь ѫдначе прѣбываѣте вѣ свої зълоби. се азъ самъ са прѣда~~ж~~ — строка 24—25, где нежелание передано лексически: не рачите).

Несколько другой, хотя по существу близкий тип модального употребления имперфекта глаголов совершенного вида был отмечен Гебауэром для старочешского языка. Гебауэр говорил о „Conditionalis der Vergangenheit“, т. е. об „условном наклонении прошедшего времени“. Это правильно, но несколько общо, более точно значение соответствующих примеров можно было бы охарактеризовать как значение чутъ было не осуществившейся возможности. Из примеров Гебауэра только один приходится на прозаический текст, а именно: Gedno ze zakon twoy myʃlenye me gejt, tehdi ſnad zhnyech [Гебауэр предполагает ошибку вм. zhyniech] v pokorzie Mey (Виттенб. пс., 118, 92, в изд. 1880 г., стр. 176) = nisi quod lex tua meditatio mea est, tunc forte periſsem in humilitate mea. Интересно, что для этого случая имеем совершенно другую „замену“, чем для имперфекта совершенных глаголов в кратно-перфективном значении: в соответствующем месте Подебрадской псалтыри (1396 г.) и Капитульной псалтыри (вторая половина XIV в.) употреблено обыкновенное сослагательное наклонение — tehdy ſnad zahynul [Капит.: prziejſel] bych byl¹.

Остальные примеры приходятся на стихотворный текст: Božejov syn do lesa běžieše, / a juž ovšem utecieše, / ale sukně jej črvená prosočí (Dal. J., 56, 116), т. е. „и уж совсем было убежал (или: и совсем убежал бы), но красная куртка его выдала“; Tu pan Jan z Stražě po neprrieteliech udatně jedieše, / aovšem po nich v hrad vendieše, / by byl s ním most u přiekop nelet'á[/вариант — neletě] (Там же, 104, 220), т. е. „и, преследуя их, ворвался бы в город, если бы мост под ним не рухнул бы в ров“; W ten czas bez myęsta budyſye / By ſye lepe nedomnyely / A ſ kralem przymyerzye wzely (Александрида, 52); Takez wtyeze onoho / Potka ſaraczenſtwia mnoho / W ten czas budyſye bez nyeho / By nebylo otcze geho (Там же, 40).

Как видим, в этих примерах речь идет о ситуациях безусловно однократных, имевших место только один раз. Интересующие нас формы имперфекта, выражющие чуть было не осуществившуюся возможность (притом — „разовую“), не содержат здесь ни малейшего намека на многократность, что резко отделяет эти примеры от случаев кратно-перфективного значения, рассмотренных выше. Иным является и контекст формы: вместо имперфекта совершенного или несовершенного глагола или цепи таких имперфектов здесь в рамках данного сложного предложения выступает или условное наклонение (в обоих примерах из Александриды и во втором из Хроники Далимила), или аорист в сочетании с противительным союзом (в первом примере из Хроники Далимила), обозначающий то событие, которое именно и помешало

стр. 102—103. Весь контекст, однако, показывает, что обе глагольные формы не вполне равнозначны: не прѣстаще (516, 16) представляет только констатацию факта без подчеркивания желательности действия для его субъекта; наоборот, мы узнаем, что отшельник неохотно впустил в дом стучавшуюся женщину и по необходимости принял ее лечить; в противоположность этому форма не прѣстанѣшие именно означает „не хотела перестать“; в строках, предшествующих этой форме и следующих за ней, подробно рассказывается, как настойчиво и долго добивалась женщина, чтобы отшельник впустил ее в свою келью, как упорно она не хотела оставить свой замысел.

¹ Аналогично и впольской Флорианской псалтыри: tegdy snadz zghynal bych. Ср. Psalterii Florianensis partem polonicam ad fidem codicis recensuit... Wl. Nehring. Posnaniæ, 1883, стр. 130.

осуществиться действию, выраженному формой имперфекта. Несколько иной характер имеет только первый пример — из Виттенбергской псалтыри: если в остальных случаях речь идет о конкретной нереализованной возможности в прошлом, так сказать, на линии эпического повествования, то здесь форма имперфекта обозначает абстрактную, вневременную нереализованную возможность (ср. наст. вр. *gest* в первой части сложного предложения).

Интересно отметить, что это модальное значение чуть было не осуществившейся возможности может быть выражено не только имперфектом совершенного глагола, но и имперфектом *bieše* в сочетании с причастием страдательного залога глагола совершенного вида, а также в сочетании со специфическим предложным оборотом отглагольного существительного: *Když sě hrabí brániti bieše, / čím by sě brání, nejmieše; / neb všecky tětivy zetlely biechu, / a z čeho by jiné učinili, nejmiechu. / Juž hrad na ztraceniu biese* [вариант — *Již právě hrad ztracen bieše*], / *by se byla ciesařovna nedomysliša spěše / na zábradlech státi / a takto voleti...* (Dal. J., 39, 81); *Vítek Ojieřovic... juž právě jat bieše, / by sě neopravil spieše* (Там же, 104, 220).

* * *

Другой характер носит модальное употребление имперфекта совершенных глаголов в современном болгарском языке.

Во-первых, оно получило здесь очень широкое распространение: речь идет не о каких-то изолированных примерах, насчитываемых единицами, а о массовом явлении. При этом интересно отметить, что употребление это распространено не только в контексте повествования, но и в разговорном языке и что поэтому оно, в частности, нередко встречается в прямой речи действующих лиц в литературных произведениях.

Во-вторых, в современном болгарском языке мы чаще всего имеем дело с другим модальным значением и с другими типами контекстов, чем в рассмотренных сейчас примерах. Интересующие нас формы имперфекта употребляются здесь по большей части в условных предложениях и выражают гипотетическое условие какого-либо другого действия, выраженного в главном предложении.

В-третьих, значение прошедшего времени, действия в прошлом, никак не является в этих случаях обязательным: интересующая нас форма может обозначать условие, мыслимое не только в плане прошедшего, но и в плане настоящего и будущего или в плане „вневременном“ (условие, относящееся ко всякому времени).

Наконец, в-четвертых, рассматриваемое условное значение имперфекта совершенных глаголов по своему характеру ничем не отличается от условного значения имперфекта несовершенных глаголов и от условного значения плюсквамперфекта (см. выше, стр. 72—73). С точки зрения модальности мы имеем здесь дело с одним единым явлением, — но тем отчетливее выступают непосредственно видовые различия в значении одного и другого имперфекта.

В главном предложении, к которому относится придаточное с имперфектом в значении условного наклонения, обычно бывает употреблено либо сложное условное с *бих*, либо простое условное (так называемое наклонение пассивной готовности, или *eventualis*), либо формы будущего или (чаще) „будущего в прошедшем“ в модальном значении, либо конструкция с *да* (так называемый конъюнктив). Момент соотносительности между действием главного и действием придаточного предложения

характерен для этого типа употребления не в меньшей мере, чем для кратно-соотносительных типов. В зависимости от характера действия придаточного предложения и характера временного соотношения между ним и действием главного предложения определяется вид глагола, стоящего в форме имперфекта. В тех случаях, когда действие придаточного предложения должно быть совершено, должно стать „готовым фактом“, чтобы могло иметь место действие главного предложения, имперфект будет образован от глагола совершенного вида.

Рассмотрим примеры:

С формой сложного условного в главном и союзом *ако* в придаточном предложении: *Само ако се обърнеше никак си вятърът и почнеше да духа насреща ѹ, той би могъл да надникне и в тая пазва* (Гнездо, 138) — „Только если бы ветер как-нибудь изменил свое направление и начал бы дуть ей навстречу, он мог бы проникнуть ей за пазуху“. Сложное условное в главном предложении четко указывает на модальное значение интересующей нас формы в придаточном. Если бы в главном был употреблен имперфект, придаточное значило бы „Если ветер, бывало, изменит направление и начнет дуть ей навстречу“, т. е. мы имели бы дело с кратно-парным типом.

Аналогично: *Някой от вас там, ако никак си случайно попаднеше в нашия партиен кръг тук, сигурно много работи биха го накарали да се посмее сърдечно, но в същност нищо комично няма тук* (КВ, 88) — пример из письма, т. е. своего рода прямой речи, и не относится к плану прошедшего; *Ако човек го погледнеше от страни, би си помислил, че той не се интересува и не знае, какво става в тази къща* (Снаха, 48).

С союзом *да*: *Да му дадеха време една четвърт век да мисли, пак не би могъл да разгадае тая тайна.* (МиД, 157); *Пораснал си ти, станал си съвсем друг. Да те срещнеше никакъде другаде, бог знае дали те бих познал* (КВ, 5) — пример из прямой речи, не относится к плану прошедшего: „Если бы я встретил тебя в другом месте, бог знает, узнал ли бы я тебя“.

Примеры с „будущим в прошедшем“ в главном предложении:

Нито тоя гъстак не би могъл да го укрие, защото, ако той заблуднеше гонителите, то псетата щяха да го намерят. (ПИ, III, II, 389); *Той [инвалид Игнат, брошенный полицейскими в тюрьму] разбра, че всичко тутка беше бесполезно, че върши глупости [пытаясь открыть дверь]. — Къде?.. Дори и да се отворежа сега всичките врати по никакво чудо пред него, ами навън нали стоеше часовият, ами с този крак [с деревянной ногой] къде щеше да върви?* (КВ, 78) — „Он понял, что все здесь бесполезно, что он делает глупости. Куда?.. Даже если бы каким-нибудь чудом перед ним открылись все двери, но ведь снаружи стоял часовой, да и куда он пошел бы с этой ногой?“ Снова условие мыслится не в плане прошедшего: если бы сейчас в данную минуту открылись двери. *И десет пъти да сложеха софата, нямаше да каже: стига, не съм гладна* (Татул, 167). В последнем примере действие придаточного предложения мыслится как многократное; в большинстве других примеров выступает, как мы видели, значение однократности.

Пример с будущим (в модальном употреблении) в главном предложении: *Клетата Рада, как ще е щастлива, ако узнаеше това!* (ПИ, III, XIV, 433) — „Бедная Рада, как бы она была счастлива, если бы узнала это!“ Здесь главное предложение имело бы при другой форме глагола в придаточном (например: *ако узнае това*) другое значение: „как она будет счастлива“ („если узнает“ — „реальное“ условие).

Пример с конъюнктивом в главном предложении: *Скоро и троицата се прехвърлиха през зида с опасност да бъдат изпушкани от войнствения игумен, ако случайно ги зърнеше от прозореца си* (Там же, I, III, 27) — „Скоро все трое перемахнули через ограду, рискуя быть подстрелянными воинственным игуменом, если бы он случайно увидел их из своего окна“.

Примеры с простым условным (эвентуалисом) в главном предложении представляют, может быть, наиболее трудный случай в том смысле, что прошедшее время эвентуалиса формально совпадает в большинстве случаев с имперфектом изъявительного наклонения и потому лишь более широкий контекст позволяет установить гипотетический характер всей ситуации.

Рассмотрим следующее место из Кр. Велкова, в котором автор передает ход мыслей одного из действующих лиц романа, Нако (кулака, обнаружившего появление революционных настроений среди эксплуатируемых им крестьян): *Трябващ да се гаси, и то навреме... Не трябващ да се допушта. Дигнеха ли глави селяните, пропадаше той!..* (КВ, 70) — „Нужно было гасить и притом — своевременно... Нельзя было допускать. Если бы только крестьяне подняли голову, он бы пропал!“ Ясно, что здесь невозможно понимание „если (бывало) поднимут голову, он пропадал“; из всего предшествующего контекста мы знаем, что крестьяне села Борова еще ни разу не поднимали головы против Нако, и он ни разу „не пропадал“. То, о чем Нако думает, в тот момент, когда он об этом думает, относится еще к будущему и притом — лишь предполагаемому. *Дигнеха ли глави* выражает гипотетическое условие действия, обозначенного в главном предложении формой эвентуалиса *пропадаше*.

Сходным образом определяется значение интересующей нас формы в следующем примере из Ив. Вазова: *И той [болгарский народ в канун апрельского восстания 1876 г.] слушаше, и той гълташе жадно животворната реч [агитаторов-революционеров], като пресъхнало гърло кристалната струя. Кажеха ли му [глагол *кажа* в болгарском языке совершенного вида]: бъди готов, трябва да мреш!* — черквата даваше попа си, школото даскала си, полето орача си, майката сина си. *Идеята със стихийна сила проникваше всъду, обхващаще всичко...* (ПИ, II, XVI, 299). При понимании в смысле кратно-парного типа мы получили бы: „когда ему говорили (как только ему, бывало, скажут): будь готов, нужно умереть! — церковь давала своего священника, школа — своего учителя, поле — своего пахаря, мать — своего сына“. Более естественным, однако, является другое понимание: „если бы ему сказали: будь готов, нужно умереть! — церковь дала бы [готова была бы дать — эвентуалис] своего священника, школа — своего учителя“ и т. д.

Наоборот, в следующем примере более естественным представляется понимание в смысле кратно-парного типа: *Илия лъжеше безгрешно, както го бяха научили. Той се обиждаше, ако някой се усъмниеше в качеството на това мяко* (КК, 22) — „Он обиждался, если кто-нибудь сомневался, если кто-либо, бывало, усомнится“. Не исключено, однако, и понимание формы *обиждаше* как эвентуалиса и, следовательно, всего предложения как „он готов был обидеться, если бы кто-нибудь усомнился“.

Наконец, пример параллельного употребления в главном предложении будущего в прошедшем (в модальном значении) и эвентуалиса: *Тинята, която беше излял Нако върху неговата любов, беше тъй гъста и дълбока, че Ванко се видя безсилен да я извади от нея.*

Стъпеше ли по-решително в нея, щеше да потъне и той, рухваха [эвентуалис: „готовы были“ или „должны были рухнуть“, отсюда — параллелизм с *щеше да потъне* — „потонул бы, должен был бы потонуть“] **всичките му надежди за охолно и златно бъдеще на приемник на Нако** (КВ, 52).

Условные предложения с имперфектом совершенного глагола в модальном значении встречаются и вне рассмотренных сейчас типов контекста. Ср., например: *Ако пламиеше навсякъде, тогава друго. Но кой ще го увери, че така ще бъде?* (ПИ, II, XIV, 288) — „Если бы [восстание] вспыхнуло повсюду, тогда — другое дело. Но кто его заверит, что это будет так?“; *В един миг през ума ѝ минаха хиляди опасности за чедото ѹ, ако тръгнеше за Бяла Черква* (Там же, II, XXXI, 358) — „...если бы оно отправилось в Бялу Черкву“.

Отметим, что если имперфект в таких примерах может, как мы видели, не относиться к плану прошедшего, то при совместном употреблении имперфекта и плюсквамперфекта между обеими этими формами устанавливается некоторая перспектива во времени: плюсквамперфект обозначает более раннее, предшествующее действие, предварительное условие, а имперфект — более позднее, нередко мыслимое как потенциально современное моменту речи. Таково, например, соотношение этих форм в следующих контекстах: *Ако не бяха ѹ [богине Фемиде] вързали очите, та видеше* [в болгарском языке совершенного вида] *това, що се върши по съдилищата, тя щеше, макар и на хартия написана, да се изчерви...* (Разкумил, 199) — „Потому что если бы ей не завязали глаза и она увидела бы, что творится в судах, она, — хотя она и нарисована на бумаге, покраснела бы“; *У него се създаде такава представа за тебе, едва ли не за никакъв легендарен юнак, че ако ти беше дошъл в Борово и те видеше, сигурно би се разочаровал от дребния ти ръст и смачканите ти одежди* (КВ, 86).

Переходя к вопросу о возможных „заменах“ имперфекта совершенных глаголов в рассматриваемом сейчас употреблении, мы обращаем внимание на то, что здесь мы, повидимому, не найдем привычной нам по кратно-соотносительным типам „замены“ посредством „обычного“ имперфекта несовершенных глаголов. Выступая в значении условного наклонения, форма имперфекта глагола совершенного вида, кажется, вовсе не могла бы быть заменена в современном болгарском языке формой имперфекта глагола несовершенного. Если все же в некоторых случаях подобная „замена“ и могла бы иметь место, то она сопровождалась бы существенным изменением смысла. Так, в примере из „Под игото“ III, XIV, 433 (см. выше, стр. 117) *ако узнаеше* значит „если бы узнала“, *ако знаеше* значило бы „если бы знала“ (ср. *ако добитъците знаха да говорят*, стр. 72), форма же *узнаваше* была бы здесь, повидимому, вовсе невозможна. Происходит это, очевидно, потому, что при модальном употреблении имперфекта в значении условного наклонения видовые значения совершенности и несовершенности противопоставлены друг другу гораздо более резко, чем при кратно-соотносительном употреблении. Там, как мы видели, и для болгарского и для других славянских языков в „замене“ имперфекта совершенного глагола имперфектом глагола несовершенного нет ничего необычного; подобная „замена“ бывает там связана лишь с некоторым ослаблением наглядности, красочности выражения, но не сопровождается существенным изменением смысла всей ситуации.

С другой стороны, „замена“ имперфекта совершенного глагола в значении условного наклонения настоящим временем совершенного глагола представляется в принципе возможной без существенного изме-

нения смысла, а, может быть, лишь с легким изменением эмоциональной окраски, по крайней мере такая замена вполне возможна во всех тех случаях, когда речь идет не о плане прошедшего. Ср., в частности, следующие примеры: *Но каква стойност би имала тая добродетел, ако виновното лице почне да разправя публично пред приятели и познати за нея?* (ЕП, 78) — „Но какую ценность имела бы эта добродетель, если бы виновное лицо начало рассказывать о ней публично перед друзьями и знакомыми?“; *Ако ний всичките почнем да мислим като тебе за „недопустимостта“ на това и на онова, светът сигурно би слязъл един кръг по-долу в ада* (КВ, 30). В подобных случаях вся ситуация относится к плану настоящего или будущего или к „вневременному“ плану общих истин, что, однако, как мы видели, вовсе не исключается и при использовании имперфекта. Ср. далее параллельное употребление настоящего времени и имперфекта в следующем примере из Йовкова: *На масата пред кърсердарина са сложени две кърпи: бяла и червена. Това са условните знаци за сейменините, скрити в пусия. Ако беят развеен от прозореца бялата кърпа, това значеше милост; ако развеене червената, значеше смърт* (Ст. л., 9). Повествование движется в историческом настоящем. Условие вполне реально: если бей взмахнет белым платком, стражники, скрытые в засаде, не должны стрелять в героя, прибытие которого ожидается, если взмахнет красным платком, — они должны убить героя. Какое-либо различие в значении форм *развеен* и *развеене* может быть связано лишь с разной эмоциональной окраской одного и другого предположения. Автор сочувствует герою и как бы не хочет верить, что тот будет вероломно убит; поэтому предположение, что бей взмахнет белым платком, изображается как более реальное (*ако развеен* — „если взмахнет“), а предположение, что он взмахнет красным платком, — как менее реальное (*ако развеене* — „если бы взмахнул“).

* * *

Рассмотренное сейчас модальное значение имперфекта совершенных глаголов — значение условного наклонения — является наиболее типичным, но не единственным модальным значением интересующей нас формы в современном болгарском языке. Наряду с ним существует группа случаев, в которых имперфект совершенных глаголов, будучи употреблен вне рамок условного придаточного предложения, всегда в сочетании с той или иной модальной частицей (обычно частицей *да*, иногда *нека* и др.), а иногда еще и в сочетании с *може би*, *трябва* и т. д., выражает другие модальные значения, например, оптативное (желательное), значение предположения, долженствования и нек. др.

Так, ср. оптативное значение: *Огнянов изслуша с таен трепет финала на тая песен. — Ето, тоя Стоян, — помисли си той, — е типът на легендарния български хайдутин: с мрачно-спокойния поглед на смъртта. Ни една дума на съжаление, на разкайване, на надежда. Иска само да умре хубавец... Де да минеше тоя геройски фатализъм в днешния българин... Ох, тогава съм спокоен за исхода на борбата... Да знаеш да умираш — ето разковничето на победата...* (ПИ, I, XXXI, 185).

В сочетании с *нека* — „пускай, пусть“ встречаем пример своеобразного оптативно-ирреального значения (желание, направленное на прошлое): *И защо му трябваше да гони момчето — нека си набереше царевица, нека цялата нива съмъкнеше у дома си, да се не види*

и нивата ѝ и намерата ѝ (Снаха, 43) — „И зачем ему понадобилось гнаться за мальчиком — пусть бы себе набрал кукурузы“ и т. д.

Гипотетическое значение (в сочетании с *може би да*): *А* кой знае, може би в тоя същи миг момчето стигаше до Бойча през друг път и той тръгваше, без да подозира примката. Може би то да заминеше край самия Колча, да се засене [настоящее время совершенного вида] до лакътя му и Колча да не усетеше (ПИ, I, XXV, 153); *А* може би и да го изтръгнеше от ноктите на смъртта... и да го запази [настоящее время совершенного вида] за себе си и за отечеството (Там же, II, XXXVI, 374). В обоих примерах показательно вполне синонимическое употребление интересующих нас форм имперфекта и форм настоящего времени глаголов совершенного вида.

Значение *должествования* (в соседстве с *тръгваще* и с зависящей от него формой настоящего времени глагола совершенного вида и в сочетании с *да*): *В* правописния закон на министра Ст. Омарчевски имаше някои грешки, които тръгваще да се поправят, *та по този начин тъй нареченият правопис на г. Омарчевски, да станеше наистина правопис* (Ст. Младенов. Етимологически и право писен речник, стр. XIV). Здесь интересующая нас форма стоит в рамках придаточного предложения, но это никак не связано с ее сущностью. Конструкция не изменилась бы и в главном: *Грешките тръгваще да се поправят и правописът на г. Омарчевски да станеше наистина правопис*.

Наконец, может быть выделен еще один случай модального употребления имперфекта совершенного глагола. Это случай, когда в силу законов „согласования времен“ в претеритальном контексте имперфект совершенного глагола появляется в тех типах предложений, в которых вне претеритального контекста (например, в прямой речи) должно было бы стоять в том или ином модальном значении настоящее время глаголов совершенного вида. Например: *Къде се изгуби свекърът?* — *питаше се тя. Защо нямаше писмо от Алекси?* *Защо и Стойко не се обадеше поне с една пощенска картичка?*... (Снаха, 187). Здесь мы имеем дело с своеобразной передачей прямой речи (точнее — мыслей героини), с тем, что в стилистике иногда называется термином *style indirecte libre*. Поскольку все повествование идет в прошедшем времени (*ср. питаше се тя*), глаголы, выражющие содержание мысли, также должны быть употреблены в прошедшем времени. Соответственно в „прямой речи“ было бы так: *Къде се изгуби свекърът?* *Защо няма писмо от Алекси?* *Защо и Стойко не се обади* [настоящее время глагола совершенного вида] *поне с една пощенска картичка?* — Как и по-русски: *Что ж он не напишет, не даст о себе знать хоть открыткой?* Ср.: *Но защо не се преоблечеш, така ли ще ходиш?* (АГ, 65).

* * *

Аналогию к рассмотренным сейчас фактам современного болгарского языка находим, с одной стороны, в хорватском, с другой — в одном явлении серболужицких языков.

Для хорватского мы располагаем, правда, всего лишь двумя, но очень яркими, примерами из дубровницких текстов. Один из них — из комедии Марина Држича „Dundo Maroje“ (сер. XVI в.) — приведен Ягичем¹: *Još da bugjah* [т. е. *budjah*] š njim ter *da ubodijaše signora*

¹ В послесловии к Марииинскому евангелию, стр. 458.

Mara (St. pisci, VII, 287) — в интерпретации Ягича: „если бы случилось, чтоб я был с ним, и если бы так случилось, чтобы он проколол“. Второй пример из поэзии Шишка Менчетича (конец XV — начало XVI в.): za č ne bih sad hodil u ovih nevoljah,/da bih se još rodil kamenkom, ja voljah/Makar ja da zginih po način neredan, / kad najpri procinih, što je noć što li dan,/ vid ne bih osudjen živiti plakaje, / ni bih bil utrudjen skončan’ja čekaje (St. pisci, II, 129). Обращает на себя внимание то, что и в том и в другом случае перед формой имперфекта стоит *da* (во втором примере — *makar da*), как в последней группе рассмотренных выше болгарских примеров.

Что касается серболужицких языков, здесь необходимо указать на следующее. Как в верхне-, так и в нижнелужицком языке есть сложная форма условного наклонения (в номенклатуре Е. Муки „*Condicionalis der Vergangenheit Form I*“)¹, образованная сочетанием причастия на **-A (-I)** со вспомогательным глаголом н.-л. *bužach*, в.-л. *budžech* (1 л. ед. ч.), соответственно *bužašo* и *budžeše* (2 и 3 л. ед. ч.), *bužachmy* и *budžechmy* (1 л. мн. ч.) и т. д., например: *bužach pytał* „ich hätte gesucht“, *bužach násł* „ich hätte getragen“.

Несколько литературных примеров из числа приводимых Мукой: *Ga žascho Martha k Jesuſu: Kněžo, bužascho ty tudy był, moj bratsch nebył humrel* (Иоанна, 11, 21, перевод Фабрициуса, цитирую по изд. библии 1868 г.) = *аште би съде бълъ, не би братъ мои оумрѣлъ* (Мар. ев); *njebužachu-li lubo měli, by se myslili* (Tešnař) „wenn sie nicht lieb gehabt hätten, würden sie denken“. Ср. также *bužach* без причастия на **-I** в сочетании с причастием страдательного залога: *bužach zgubjony* (Chojnan) „ich wäre verloren gewesen“, *bužach rožony* (Stempel) „ich wäre geboren worden“².

Очевидно, что формы *bužach*, *bužašo* и т. д. суть не что иное, как имперфект от глагола *budu* — глагола совершенного вида. Правда, современные серболужицкие языки вообще не знают форм имперфекта, образованных от глаголов совершенного вида (если не считать отдельных случаев, говорящих о смешении аориста и имперфекта, о чем будет речь ниже). Но глагол *budu*, противополагаясь глаголу н.-л. *som*, в.-л. *sym*, выступает как глагол совершенного вида, что подтверждается и данными других славянских языков (ср. упоминавшееся выше др.-р. *будяше* в кратно-перфективном значении и т. д.). Таким образом, мы имеем здесь старую, в современном языке — изолированную форму имперфекта совершенного глагола, выступающую в модальном значении условного наклонения, как это мы видели и в приведенных выше болгарских примерах. Особенно близки к ним те случаи, когда в главном предложении бывает употреблено общеславянское условное с н.-л. *by*, в.-л. *bych* (ср. выше *by se myslili*). В других случаях форму с *bužach* и т. д. встречаем и в придаточном, и в главном предложениях, ср.: *Gaby wón se njebyžašo pušćił, byžašo był zdžaržany* (Casnik, 1852) „wenn er sich nicht losgelassen hätte, wäre er gerettet worden“³ или только в главном при общеславянской форме условного наклонения в придаточном: в.-л. *hdy by ty tudy był, moj bratr njebudžeše wumrjeł* (Мука, стр. 611).

¹ Этот же термин принят в новейших, написанных по-немецки грамматиках, ср., например, *Bogumił Śwela. Grammatik der Niedersorbischen Sprache. 2-te Aufl., bearbeitet und herausgegeben von D-r Frido Mętsk. Domovina-Verlag. Bautzen, 1952.*

² Три последних примера цитирую по книге Муки (E. Mucke) „Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-schwedischen) Sprache“. Лейпциг, 1891, стр. 611.

³ Цитирую по книге Муки, там же; вокализм корня в формах *byžašo* Мука объясняет аналогией формы *by*.

Параллелизм с болгарским усугубляется тем, что и форма, тождественная болгарскому плюсквамперфекту, *běch* + причастие на -*т* оказывается, правда, только в верхнелужицком, и притом, по словам Муки, редко способной к аналогичному употреблению, например: *Hdy bě Hadam njezhrěšíł, njebě smjerć do swěta přišla.* Мука называет эту форму „Conditionalis der Vergangenheit, Form II“¹.

VI. МНИМЫЕ СЛУЧАИ

Кроме подлинных случаев имперфекта совершенных глаголов, рассмотренных в четырех предыдущих главах, имеются также мнимые случаи, которые могут быть разбиты на две группы: а) случаи, в которых глагол в действительности не является глаголом совершенного вида, хотя и кажется таковым с точки зрения нашего языкового чувства, и б) случаи, в которых „имперфект“ не является в действительности имперфектом, а представляет собою „гибридное“ образование — аорист, уподобившийся имперфекту своими личными окончаниями и строением основы.

Тип „а“ генетически так или иначе связан с колебаниями видового значения некоторых основ и прямо или косвенно отражает позднее происхождение совершенного и несовершенного видов в славянских языках. Тип „б“ отражает процесс разрушения старой системы прошедших времен с ее аористом и имперфектом и встречается там и постольку, где и поскольку имеет место этот процесс.

Рассмотрим последовательно один и другой тип.

Тип „а“

Рассмотрение этого типа начнем с наиболее ясных примеров, т. е. с таких, в которых глагольная основа вне всякого сомнения не является основой совершенного вида. Такими наиболее ясными случаями оказываются те, в которых мы имеем дело с глаголом, хорошо известным нам — на основании других данных — как глагол с двойственным видовым значением.

Например, в современном болгарском языке глагол *видя* обычно функционирует как глагол совершенного вида, но, наряду с этим, встречается (хотя и значительно реже) в несовершенном видовом значении. Ср., с одной стороны: *Бъне въздъхна отчаяно. Погледна нивата... погледна гората... погледна Белчо... погледна слънцето... и видя, че е самичък в тоя валог, че от никъде няма помощ* (ЕП, На браздата) — „Посмотрел на ниву, посмотрел на лес и т. д. и увидел, что он один“, или *Трябваше нашата партия да осъзнае това, да види в светлината на своя собствен революционен опит отличието на теснячеството от большевизма* (Г. Димитров. Доклад перед V Конгрес на Българската Работническа Партия (коммунисти). М., 1951, стр. 22) — „Нужно было, чтобы наша партия осознала это, чтобы она увидела в свете своего собственного революционного опыта отличие теснячества от большевизма“; и, с другой стороны, такие примеры: *Та не видиш ли, накъде е тръгнал народа, бре слепчо?* (Сеитба, 133) — „Не видишь ли?“ или *Знаете ли, какво видя сега?* (ПИ, I, XIV, 89) и т. п. Форма имперфекта глагола *видя* не раз встречалась нам выше в кратно-перфективном и в модальном значениях, как это свойственно

¹ Е. Мюске. Ук. соч., стр. 610, схема.

имперфекту совершенных глаголов. Но наряду с этим в языке Вазова имперфект *видеше* может быть употреблен и без какого-либо оттенка значения совершенного вида, т. е. в качестве имперфекта несовершенного глагола, что доказывается следующим примером: *Очите ѹ се бяха втренчили в черното сукнено пардесю на слепеца...* *Тя не видеше вече никого от ония, които тя срещаще* (ПИ, II, VI, 249) — „Она не видела, не замечала никого из встречных“. Ясно, что это *видеше*, употребленное здесь без какого-либо специального оттенка, в контексте, в котором естественное было бы ожидать форму *виждаше* (от *виждам*, несовершенного вида), не следует рассматривать как какой-то „особый случай употребления имперфекта совершенного глагола“. Это вообще не есть имперфект совершенного глагола. Строго говоря, подобные примеры даже не относятся к непосредственной теме нашей работы. Если мы и рассматриваем их здесь, то прежде всего с целью ограничения подлинных случаев имперфекта совершенных глаголов от подобных мнимых, кажущихся случаев, да еще потому, что в более широком плане, в связи с вопросами происхождения глагольного вида, подобные примеры в древнем языке представляют несомненный интерес.

Поскольку речь идет о живом современном языке, двойственность видового значения той или иной глагольной основы всегда может быть четко установлена с помощью целого ряда ясных морфологических и синтаксических критериев. Сложнее обстоит дело, когда речь идет о древнем языке, когда вовсе исключена возможность „эксперимента“, а количество известных нам контекстов интересующей нас формы ограничено тем, что случайно сохранилось в письменных памятниках. Но сложность исследовательской задачи не меняет дела в принципе. И для древнего языка необходимо строгое разграничение подлинных случаев, рассмотренных в предшествующих главах, от случаев мнимых, аналогичных только что приведенному.

Подавляющее большинство глаголов, встречающихся в древнейших письменных памятниках славянских языков, выступает уже со вполне определившимся видовым значением либо совершенного, либо несовершенного вида. Это их видовое значение, как грамматическое значение, присущее данной глагольной основе, сохраняется и в формах имперфекта, образованных от этой основы, в силу чего мы вправе говорить, как это мы и делали до сих пор, об имперфекте глаголов совершенного (и соответственно — несовершенного) вида. Но если даже в современных славянских языках имеются глагольные основы, обнаруживающие двойственность видового значения как в болгарском глаголе *видя* (и в ряде других) или в русских глаголах *родить*, *казнить*, *женить*, *ранить*, и т. д., то еще больше подобных случаев мы можем ожидать, обращаясь к древним периодам их истории. Можно думать, что в древних славянских языках несколько иным был самый характер подобных случаев. Это были не просто „видовые омонимы“, какими являются соответствующие глагольные основы современных славянских языков¹. В древних славянских языках это были постепенно отмиравшие, но в то время еще не отмершие окончательно элементы старого качества, старой системы видовых отношений, господствовавшей до появления совершенного и несовершенного видов. Выступая и в других глагольных

¹ Ср. у А. А. Потебни: „случай... омонимии глаголов совершенных и... несовершенных должны быть понимаемы так, как и всякая омонимия. Рожу, каждый раз как употребляется, есть или глагол несовершенный с настоящим или совершенный с будущим. В современном языке [выделение наше.—Ю. М.] он ни тем, ни другим — безразличием того и другого — быть не может“ (Ук. соч., т. IV, стр. 98).

Формах, двойственность видового значения ряда основ могла обнаруживаться, в частности, и в формах имперфекта.

Весьма показательной иллюстрацией былой двойственности видового значения может служить основа **да-** || **дад-** ст.-сл. глагола *дамъ*.

В современных славянских языках эта основа обычно выступает только с совершенным видовым значением. Правда, в сербо-хорватском она встречается и в значении несовершенного вида, но только в сочетании с отрицанием при выражении запрещения; отсюда — *не дадијаше* у Вука Караджича в переводе евангелия (Марка, 11, 16 и Луки, 4, 41). Подобное ее употребление имелось и в старославянском, ср. в Мариинском евангелии: *И въшедъ исъ въ црквъ начатъ изгонити продајши таѧ. и коупоу~~ж~~тица... и дъскы тръжникъ... испроверже. и не дадваше никому же мимо нести съсѣдъ сквозь црквъ* (Марка, 11, 16); в Зографском евангелии: *исхождаахъ же и бѣси отъ мъногъ въпилжите и глижите. въко тъы еси хъ снъ бжии. и запрѣштаѧ не дадваше* [в Мар. ев. *не давше*] *имъ глати* (Луки, 4, 41).

Можно, однако, думать, что в древности колебания видового значения были свойственны основе **да-** || **дад-** не только в указанных пределах, но и шире. Так, ср. в древнерусском языке причастие настоящего времени этого глагола, например: *и тако прѣбывааше не дадыи себѣ покоя бѣдниемъ и мѣтвами* (Ж. Ф., 24⁶) = современному *не давая*; сочетание инфинитива *дати* с глаголом „фазовости процесса“, например: *или холопъ ударить свободна мужа а бѣжть в хоромъ, а господинъ начнетъ не дати его* (Русская Правда в краткой редакции, 17) и ряд других примеров, из числа собранных Потебней¹. Ясно, что и в форме имперфекта эта основа могла встретиться не только в своем новом значении — значении совершенного вида, как это мы видели, в частности, в примерах Ил. 6622, 278 (см. стр. 83), ПВЛЛ, вводн. ч., 12 (см. стр. 86), Супр. 207, 15 (стр. 100) и в некоторых других², но иногда и в старом значении предельного действия, еще не переосмысленном в подлинную совершенность. Может быть, именно так и надо понимать некоторые древнерусские примеры имперфекта этого глагола с отрицанием, вроде *Печенѣзи... придоша и сташа около Бѣлагорода, и не дадяху выльсти из города* (ПВЛЛ, 6505, 127, в РА *не даяху*); ...и быс(ты) *страхъ на всѣхъ. И оттолѣ не дадяху клятися с(вя)тою б(огороди)цею никому же* (КПП, л. 20). Если в этих примерах имелся оттенок модального значения, как в рассмотренных выше (стр. 112—114) древнерусских, древнечешских и старославянских примерах, то, скорее всего, уже как вторичное явление, как своего рода переосмысленные формы, еще употреблявшейся, но уже становившейся непонятной.

В один ряд с приведенными сейчас древнерусскими примерами становятся такие старочешские, как: *ty pány Horníci s měščany jednoho dne jechu / a životy jím otjeti inhed chtiechu. / Toho učiniti někteří nedadiechu, / však je tvrdě schovachu* (Dal. J., 102, 215), т. е. „не давали“; так — в Венском списке конца XIV в.; в других, более поздних списках читается *nedachu*, т. е. употреблен аорист (= „не дали“). Ср. еще: *že jemu nedadiechu vsiesti na kuori* (Troj., 114^a) и с аористом *múdrější toho učiniti nedachu* (Dal. J., 47, 96)³.

Кроме подобных примеров, имеется два древнерусских примера без отрицания, с менее обычным для имперфекта этого глагола оформлением

¹ Ук. соч., т. IV, стр. 48—50.

² В современном болгарском ср. пример Мид 157 (у нас стр. 117).

³ Ср. Gebauer. Archiv für slavische Philologie, т. 25, стр. 351.

основы: *Посла к Радимичемъ. ръка камо дань даете. они же рѣша Козаромъ. и ре(ч) им Олегъ не даите* [так в Л., в ИТ: не даваите] *Козаромъ. но мнѣ даите* [так в Л., в ИТРА: даваите] *и вѣдаша* [РА: *даша*] *Ольгови по щълягу, якоже Козаромъ да ху* [так только в Л., в ИТРА: *даяху*] (ПВЛЛ, 6393, 24) — „как (раньше, до того) давали хазарам“; *Ярославу сущу в Новѣгородѣ и урокомъ дающю 2000 гривенъ. о[т] годъ до годъ. Кыеву, а тысячию Новѣгородѣ гривень раздаваху. и тако да ху вси посадници Новыгородьстии* (ПВЛИ, 6522, 114 — в Л: *даяху*, в А: *даваху*, в Р: *давахутъ*).

Очевидно, значение интересующей нас формы *даху* в обоих примерах полностью и без остатка покрывается значением простой кратности (без момента перфективности и специфической соотносительности с другим действием), т. е. полностью соответствует одному из значений „обыкновенного“ имперфекта несовершенных глаголов. Замена настоящим временем глагола совершенного вида была бы здесь, конечно, невозможна. Форма *даху* настолько не имеет ничего общего со значением совершенного вида, что напрашивается мысль о случайной описке вместо правильного *даяху* или *даваху* других списков, тем более что и основа выступает здесь в непривычном для имперфекта оформлении — без конечного *-д-*. И все же нет достаточных оснований видеть здесь описку. Что касается основы, то подобное ее оформление, совпадающее с оформлением основы инфинитива — аориста, нельзя считать просто неправильным, — в принципе оно было допустимо и для имперфекта, который, повидимому, сначала вообще образовывался именно от инфинитивной основы (ср. параллелизм *зъвааше* || *зовъаше* в старославянском, при наличии признаков, говорящих о большей древности формы *зъвааше*)¹. Думается, что и в древнерусском *даху* надо видеть старую архаическую форму имперфекта, сохранившую старое „довидовое“ значение простой предельности (и, соответственно, простой кратности) — предельности, еще не перешедшей в перфективность, в значение совершенного вида.

Так же, повидимому, объясняется и имперфект от древнерусского *молвити*: *И о то{мъ} бы(с) м[еж]ю или ненависть. Ярополку на Ольга. и моляще всегда. Ярополку Свѣналдъ. поди на братъ свои* (ПВЛЛ, 6483, 74). Хотя в современном русском языке *молвить* — глагол совершенного вида, в древнерусском он может выступать и с несовершенным видовым значением или проявлять „нейтральность“ в отношении к виду в современном смысле слова, — ср. *нача ей молвити* (ИЛ, 6770, 859—860); *Двѣ же ... нача молвити на Василка* (ПВЛЛ, 6605, 257) и т. п. В современном польском языке глагол *mówić* несовершенного вида.

Среди приставочных, сложных глаголов, выступающих в современном языке в качестве совершенных, также встречаются в древнем языке яркие примеры сохранения былого „довидового“ значения простой предельности действия, в частности — и в формах имперфекта.

Разумеется, рассматривая эти формы имперфекта, мы оставим в стороне примеры вроде ст.-сл. *сълежааше* (Марка, 2, 4), так как эти примеры находят себе полную параллель в современных глаголах несовершенного вида типа русских литературных *подлежать*, *принадлежать*, *состоять*, *зависеть*, *содержать* и пр., в которых приставка также не перфектирует глагольную основу. Во всех этих случаях речь идет

¹ Ср. несомненный имперфект *дашеть* в Ипатьевской летописи 6622, 278 (у нас на стр. 83).

о глаголах статического состояния с суффиксом **-e-** в основе инфинитива и с основой на **-i-** в настоящем времени. Из этого обстоятельства, однако, не следует, чтобы все глаголы с таким же соотношением основ сохраняли несовершенный вид в сложении с приставками. Не говоря уже о глаголе **видѣти**, отражающемся в современном болгарском как простой глагол совершенного вида (см. выше), т. е. имеющем совершенное видовое значение и вне соединения с приставками (нередко так и в старославянском), есть много других глаголов этого же морфологического класса, которые, соединяясь с приставкой, нормальным образом переходят в совершенный вид не только в современных, но и в древних славянских языках.

Так, нормально относятся к совершенному виду приставочные образования от ст.-сл. **зърѣти** — **зърѣх** (*оузърѣти*, *прозърѣти* и т. д.). Но тем интереснее случаи отклонений, с которыми мы встречаемся в **на-зърѣти** и **зазърѣти**, в частности, в следующих примерах: **бѣ члвѣкъ тоу и рѣка деснаа емоу бѣ соуха. і назърѣахъ и кънижъници и фарисѣи аште въ соботѣ исѹслилѣ-и** (Мар. ев., Луки, 6, 7). Зографский, Остромиров и Ассеманиев кодексы имеют **назираахъ**, что нормально соответствует греческому имперфекту *παρετίθον*. В парадельном месте (Марка, 3, 2) все кодексы имеют форму **назираахъ**. Таким образом, именно **назирати** является нормальным образованием несовершенного вида для данного лексического значения¹. Форму **назърѣахъ** Мариинского евангелия можно понять только как пережиток той поры, когда еще не было производного глагола **назирати** и не было даже нужды в нем, поскольку глагол **назърѣти** не стал еще глаголом совершенного вида, а был „безвидовым“ недифференцированным в смысле совершенности и несовершенности. Так же надо понимать и следующее место: **і видѣвъше едины отъ оученикъ его. нечистама рѣкама. си рѣчъ не оумъвенама єдїшта хлѣбы зазърѣахъ** (Мар. ев., Марка, 7, 2). В греческом тексте *ἐμέμφατο*, т. е. аорист „осудили“; но славянская форма не может иметь здесь такого значения, она обозначает „осуждали“, „поридали“, представляя собой по своему значению „обычный“ имперфект несовершенного глагола. Таким образом, глагол **зазърѣти** выступает здесь как несовершенный или „безвидовый“.

Переходя к другим типам основ, прежде всего следует остановиться на старославянском глаголе **послушати**, несовершенное видовое значение которого в древнем языке было уже не раз отмечено в литературе². Это значение ясно выступает и вне форм имперфекта, например, в форме настоящего времени в таком контексте, как: **глѧахъ же мъноси от нихъ. бѣсъ иматъ. і неистовоъ есть. что его послушаате** (Мар. ев., Иоанна, 10, 20) — „что вы его слышите?“; в форме причастия настоящего времени³ **люде бо въси дръжаахъ са его послушаїште** (Там же,

¹ Ср. также **бѣахъ назираїште** (Луки, 14, 1).

² Впрочем, Мейе (Общеславянский язык, 239), полагал, что причина несовершенного видового значения глагола **послушати** заключается именно в его суффиксе **-e-**, как это имеет место у глаголов типа **сълежати** (см. выше), хотя глагол **послушати** и принадлежит к другому морфологическому классу.

³ Что касается причастий настоящего времени в старославянском и других древних славянских языках, то нам представляется не совсем правильным стремление Эллен Гермелин (*Über den Gebrauch der Präsenspartizipien von perfektiven Verben im Altkirchenslavischen*. Упсала, 1935) найти в каждом засвидетельствованном старославянском примере какой-либо специфический оттенок значения, вызывающий употребление совершенного вида. В ряде случаев ее толкования интересны и убедительны, но в других случаях звучат явной натяжкой, и именно потому, что она совершенно не учитывает возможности пережиточного сохранения былой „безвидности“ ряда глагольных основ. Впрочем, сама Гермелин признает, что ей был недо-

Луки, 19, 48); аналогично в древнерусском: *пребываите мирно послушающе бра(т) брата* (ПВЛЛ, 6562, 161). Естественно, что и в формах имперфекта этот глагол может выступать с несовершенным видовым значением, например, в Мар. ев.: *и родъ бо бѣша сѧ иоана. вѣдѣ и мѣжа праведъна и ста. и хранѣаше и. и послушаша его мѣнного творѣше и въ сласть его послушааше* (Мар. ев., Марка, 6, 20 — в Зографском без приставки: *слушааше*); *и мѣнози народи послушаахъ его въ сласть* (Там же, 12, 37 — в Ассеманиевом и Никольском *многъ народъ слушааше*); *не бѣша же оу него разлѣченъя богатоуомуоу и оуб(о)гоуомуоу. ни послушааше коли вельможъ* (Супр., 557, 12). Аналогично в древнерусском языке: *Володимеръ же слушаше ихъ. бѣ бо самъ любя жены. и блуженіе многое. послушаше сладко* (ПВЛЛ, 6494, 85); *а святый Глѣбъ послушаше его, сѣдя и не отлучащеся отъ блаженаго Бориса, но с нимъ день и ноць послушаше его* (Чт. о Борисе и Глѣбе, 93—93⁰); *имяше его, яко единого о(т) прывыихъ стыхъ оцъ, и вельми послушаше его, и творяше вся повелѣная ему отъ. . оца.* . Федосия (Ж. Ф., 13).

С другой стороны, глагол *послушаши* как будто может выступать в старославянском языке и в значении совершенного вида. Ср., в Марииинском евангелии: *и не послушаша ихъ овѣца* (Иоанна, 10, 8 — в других кодексах так же) — „но не послушались их овцы“.

В Саввиной книге мы встречаемся с отсутствием значения совершенного вида в форме имперфекта глагола *проити*, а именно в следующем примере: *и проидѣше іс грады всѧ и всѧ оуча въ съничищахъ. и проповѣдала еꙗ. црствию. и цѣла всакъ неджъ. и всакж азж въ людяхъ* (л. 38 об., в изд. Щепкина, стр. 19 = Матф., 9, 35). В прочих кодексах стоит *проходжаши*. В связи с формой *проидѣше* восточноболгарского памятника — Саввиной книги — возможно, так же надо понимать и *сънидѣша* другого восточноболгарского памятника — Супрасльской рукописи (496, 10) — в примере, который выше (на стр. 100) был приведен как единственный случай кратно-цепного типа в старославянском языке.

В Супрасльской рукописи есть еще и другие примеры отсутствия значения совершенного вида в формах имперфекта (и в некоторых других формах, особенно в причастиях), образованных от глагольных основ, нормально выступающих (в позднейшем языке, в прочих памятниках старославянского, да и в самой Супрасльской рукописи в других случаях) в совершенном видовом значении. Так, например: *рѣкож* [т. е. *рѣкои*] же *плѣть дрѣжаахъ. а доушж* [т. е. *доушет*] *ба поразоумѣахъ. и вънѣждѣ обраштаахъ чоудесно. а жтрѣждѣ страшно* (511, 20 и 22), ср. параллелизм *дрѣжаахъ — поразоумѣахъ — обраштаахъ*.

... *бѣстъ мѣжъ пророкъ сильнъ дѣломъ и словомъ. мороу прѣтиаше и оутишааше сѧ. сильнъ дѣломъ и словомъ съ проказы съвлѣче* *тако же съ ризы. сильнъ дѣлы. повелѣвааше вѣтромъ. и оустѣпаахъ сильнъ словомъ. касааше сѧ жъгомътимъ огнемъ. и хладни бывааахъ. сильнъ дѣлы. глаголааше адови. и єзношааше тѣлѣнныѧ. сильнъ словомъ. възъмъ патъ хлѣбъ прѣкрыми множество. сильнъ дѣлы. слово слова разорилъ. и тлѣпы бѣсъ въ свиниа посыглааше. сильнъ словомъ касааше сѧ соусъ рѣце. и тѣгда жде на слѣжѣ отъсылааше. сильнъ*

ступен капитальный труд Г. Ульянова, которого „кажется, нет ни в одной из скандинавских библиотек“ (ук. соч., стр. 14), не говоря уже о IV томе „Из записок“ А. А. Потебни, опубликованном лишь в 1941 г.

дѣломъ. проклинаше смоквницж и ѹсъхнѣаше... (476, 24). Повидимому, было бы неправильно приписывать форме *їсъхнѣаше* значение кратности — речь идет об одном эпизоде, и по смыслу уместнее всего здесь был бы аорист; но патетическое описание „чудес“ Христа в целом дано в эпически-монументальных имперфектах, — хотя это и не выдержано последовательно (ср. аористы *съвлѣче*, *прѣкрыми* и перфект *разориль*). Повидимому, именно значение „обычного“ имперфекта, имперфекта несовершенного глагола, имеет здесь и интересующая нас форма.

... *дивиша сѧ недомъслиша сѧ въкоупѣ и въстреметаша и овъ ихъ зѣа стояше. овъ же колѣнома лице покрѣвааше. а дроугъи ницъ задѣхнѣаше сѧ. и инъ тако мрѣтвъ оцѣпааше. а дроугъи оужасомъ дрѣжимъ бѣ. и облѣдѣвъ лежааше. а дроугъи въ жѣрѣниихъ прибѣжиштихъ иштазааше* (466, 13). Отметим, что простые глаголы, соответствующие сложным *исъхнѣти* и *задѣхнѣти* сѧ, неравноценны по своему видовому значению в современных славянских языках: ср. русск. *сохнуть*, *сах*, болг. *съхна* — несовершенного вида, но русск. *дохнуть*, болг. *дѣхна* — совершенного вида (рядом с русск. *дѣхнуть*, *дох* — несовершенного вида).

Как известно, именно в Супрасльской рукописи отмечен ряд фактов, говорящих о пережиточном сохранении некоторыми глаголами архаической двойственности видового значения (большое число причастий настоящего времени от основ, ставших позже исключительно совершенными, и некоторые другие факты), и, таким образом, приведенные сейчас формы имперфекта могут считаться вполне естественными для языка этого памятника.

В некоторых случаях и в старочешском языке можно отметить пережитки былой недифференцированности совершенного и несовершенного видов в имперфектах, образованных от приставочных основ, являющихся с точки зрения современного чешского языка исключительно основами совершенного вида. Вероятно, именно так надо понимать следующие примеры: *král káza naň střeleti*, *v tu dobu každá střela jeho neduojdúc u povětří ostanieše* (Pass., 363); *když pocítil smrt, že sě k němu přiblížieše*, *povolav k sebě syna svého a jej mnohým ctnostem učíl* (Пулк. хрон., цит. по Гебауэр, ук. соч., стр. 345). Также в стихотворных текстах: *kdyz [богач] ſobie tak zle tuſſieſſe / Obozie nycz netbagieſſe. / Šſbozym ſye wezdy wadieſſe. / anemocz ſie prziblizieſſe. / T(eh)dy on chtieſſe ſye tulati.* (Градецкая рукопись, 142^a, 425); *krew po meczych wnadra teczyeſſe / a w nadryzech gym zmrznyeſſe* (Dal. C., 126^a, в рукоп. Z. stydnieſſe, а в других — как в С., см. Dal. J., 158).

Первые три из этих старочешских примеров Гебауэр толкует в плане своего очень расширенного понимания итеративности („первая, вторая, третья ... выпущенная стрела оставалась висеть в воздухе“; „формой имперфекта... приближение смерти обозначено как происходящее шаг за шагом“ — als ein schrittweises, там же)¹. Думается, что такое толкование искусственно и в нем нет нужды, поскольку еще Ульянов и Потебня указали на возможность в древних славянских языках двойственного видового значения приставочных основ, выступающих в современных славянских языках исключительно в значении совершенного вида. В соответствии с этим мы имеем здесь дело с мнимыми „имперфектами совершенных глаголов“, т. е. с имперфектами глаголов, совершенных в современном чешском, но не являвшихся исключительно совершенными в языке древнем.

¹ Четвертого примера Гебауэр не приводит.

Тип „6“

Рассмотрим теперь мнимые случаи, говорящие об упадке старой нормы употребления аориста и имперфекта. В этих случаях форма с окончаниями имперфекта, будучи образована от основы совершенного вида, функционирует в значении обыкновенного аориста или в значении того „прошедшего совершенного“, которое призвано его заменить.

Так, в древнерусской летописи, в Повести временных лет: *Угри же погнаша по них(ъ), яко бѣжаще минуша Боняка и Бонякъ погнаше* [явно вместо аориста *погна*] *сѣка в тылъ, а Алтунопа възвратиша* [явно вместо аориста *възврати ся*] *вспять...* (ПВЛЛ, 6605, 271). Таких примеров еще мало в более древних текстах, позже их становится больше. Естественно, что при начавшемся смешении форм аориста и имперфекта сохраняется, соответственно живому языковому чувству писца, именно вид глагольной формы. Иными словами, форма аориста совершенного глагола может быть свободно заменена формой с окончанием имперфекта, так как различие окончаний становится несущественным, но вид глагола должен быть сохранен, форма обязательно должна быть образована от глагольной основы того же совершенного вида.

Это ведет — чисто внешне — как бы к „возрождению“ имперфекта совершенных глаголов, но „возрождение“ здесь мнимое — формы эти наполнены совсем другим содержанием и генетически не имеют ничего общего со старым употреблением.

Отдельные примеры употребления форм совершенных глаголов с окончаниями имперфекта вместо правильных форм аориста этих глаголов наблюдаются и в древнечешских текстах. Такие примеры встречаются, начиная со второй половины XIV в., а в стихотворных текстах, в рифме, может быть, и несколько раньше. В более поздних памятниках количество подобных случаев увеличивается.

К числу наиболее ранних примеров относятся, повидимому, следующие, взятые из Градецкой рукописи: *Kdyz Marja syn(a) porody. / tat ſye giey radoſt przhody. / przigiedu przied ny trzie krali. / po hviezdy z we-like dali. / a kdyz przied ny przigiediechu, / wſichny zagedno kleknuechu, / dietatko bohem nazwachu/a ſſwe gemu dary wzdachu* (121^b, 360); *plat weczye ieden kros iemu. / I prowrrze ten kros k nemu. / I ſſady druhý nan ſpiesſe. / Ten kros opiet prowrrzieſſe. / Oſm wrhov weſdy poſpolu. / ztrati ſwecz u toho ſtolu* (126^b, 372). Гебауэр и эти случаи стремится истолковать как содержащие своеобразно понимаемую итеративность („пришел и стал на колени первый король, второй король, третий король“, ук. соч., стр. 346; портной „проиграл второй грош, сделав несколько последовательных бросков“, а именно — восемь бросков, там же, стр. 345). Думается, что и здесь нет нужды прибегать к такому, слишком искусенному объяснению. Гораздо правильнее будет считать, что во всех этих случаях имперфект употреблен вместо аориста в эпоху, когда в живом языке разница между этими двумя формами уже начинает стираться. Отметим, что, употребив аористы *přijedechu, kleknuchu* и *provrže*, мы не получили бы здесь рифмы¹.

Со второй половины XIV в. подобные примеры начинают попадаться, как сказано, и в прозе, например: *když učinieſe bičik, všeckny vyhna z chrámu* (Венское ев., Иоанна, 2, 15 = cum fecisset, eiecit) — вместо правильного *učini*; *oheň s nebes přida mnoho lidí ſpaleſſe* (Pass. Klem., 70^b) —

¹ Об ошибочном употреблении имперфекта вместо аориста в примере 121^b говорит Ягич, Мар. ев., стр. 459.

вместо правильного *spali*¹; *když vstáše* s modlitby a přijide k učenníkům svým, nalezl je spíce (Олом. ев., Луки, 22, 45 = cum surrexisset et venisset, invenit) — вместо правильного *vsta*; *Marta když uslyšíše*, že Ježíš přišel, vyběže protiv ňemu (Там же, Иоанна, 11, 19 = ut audivit, occurrit) — вместо правильного *uslyše*.

Как и в аналогичных древнерусских примерах, мы имеем здесь дело не с „возрождением“ имперфекта совершенных глаголов, а со смешением аориста и имперфекта, свидетельствующим об утрате их в живом языке того времени. Живой, активной категорией в сознании пишущего является вид, и в выборе вида пишущий не делает ошибки. Ошибается он только в выборе окончания, и это потому, что в живой устной речи он уже не употребляет ни аористных, ни имперфектных окончаний, а пользуется „перфектом“, прошедшим на **-I**. Так и получается, что к основе совершенного вида он может присоединить иной раз — вместо более „естественных“ для нее аористных окончаний — окончания имперфекта.

Примеры аориста совершенных глаголов, оформленного по типу имперфекта, встречаются, и, по свидетельству Муки, нередко², также в серболужицкой языковой области. Ср., в частности, в нижнелужицкой библии: *A won žascho k'nim, nutsch pschiduzy: zo wy sogolischo a pła-zoscho?* Та goliza nejo samrēla, ale wona spi. *A woni hūbmejachu* Be-jomu (Марка, 5, 39, перевод Фабрициуса, цит. по изд. 1868 г.) — „И он говорил им, войдя внутрь: что вы горюете и плачете? Девочка не умерла, а спит. И они высмеяли его“. У Лютера: *Und sie verlachten ihn*. Правильной формой был бы аорист *husmjachu se* или имперфект несовершенного глагола *smějachu se* („смеялись над ним“, как в Мар. ев.: *ržgaaxh emouy*). Аналогично: *A Lot... wosta na tej goře se bwojima hobyma žowkoma; pscheto won be bojasche Zoare wostasch; a wostascho togodla we jadnej jame se bwojima hobyma žowkoma* (1 книга Моисея, 19, 30, перевод Fryce) — „И Лот... остался (правильная форма аориста) на горе со своими обеими дочерьми; потому что он боялся остаться в Зоаре; и остался (форма с личным окончанием имперфекта) потому в пещере со своими обеими дочерьми“. У Лютера оба раза *bließ*. Кроме этих двух примеров, Мука указывает и на ряд других — *pš žešo* вместо *pšíše*, *zachopišo* вместо *zachopi*, *hoslěpjach* вместо *hoslěpich*, *zgasnjašo*, *wzešo*, *skócyšo*, *hoblacešo*, *zeblacešo* и т. д. у нижнелужицких поэтов и прозаиков, а также в народных песнях³.

Как видим, в одних случаях речь идет только о присоединении личного окончания имперфекта к основе, оформленной как основа аориста (*zachopišo*, *skócyšo*, *scinišo*), в других — также и об оформлении конца основы по типу основы имперфекта (*hoslěpjach*, *zgasnjašo*, *husmjachu se*). Тем не менее и в этой последней группе случаев мы не вправе говорить об имперфекте совершенных глаголов, перед нами мнимые случаи, именно, как правильно говорит Мука, „falsche Aoriste mit

¹ Травничек (ук. соч., стр. 305) и, вслед за ним, Гавранек (ук. соч., стр. 227) видели в этом примере одно из доказательств того, что имперфекту совершенных глаголов будто бы вообще было присуще значение однократности. Конечно, имперфект обозначает здесь разовое, однократное действие, как и во всех других примерах этой рубрики, но это именно потому, что имперфект здесь „мнимый“, что это, собственно, не имперфект, а неживая форма с окончаниями имперфекта вместо окончаний аориста. Подлинный имперфект совершенных глаголов мог выступать в однократном значении, но в совсем иных случаях (см. выше, стр. 115).

² По крайней мере у глаголов первого спряжения в нижнелужицком, относительно которых Мука прямо говорит: „Falsche Aoriste mit Imperfectform sind nicht selten“ (ук. соч., стр. 549, примеч. 2).

³ См. ук. соч., стр. 525, 549, 587—588.

Imperfectform". Появление подобных мнимых случаев вполне закономерно, — в живом языке сербов-лужичан идет процесс утраты аориста и имперфекта, что не может не отражаться и на литературном употреблении. В восточнолужицком мужаковском говоре, исследованном в 1907—1908 и в 1913 гг. Л. В. Щербой, уже вовсе не сохранилось к тому времени никаких форм старого аориста и имперфекта, кроме формы „*бё*“ = ст.-слав. *бѣ*, которая перестала изменяться по лицам и числам¹. Правда, в текстах, приложенных Л. В. Щербой к его исследованию, один раз встречается еще имперфект *с'агахи* („проходили“), но в тексте, сочиненном по специальному заказу, лицом, обладавшим „некоторым знанием письменного языка“².

Понятно, что в обстановке (полной или частичной) утраты аориста и имперфекта в живых народных говорах отмеченные сейчас мнимые случаи „имперфекта совершенных глаголов“ оказываются в серболужицкой области вполне аналогичными рассмотренным фактам древнерусского и старочешского языков.

Заключение

В предыдущих главах мы рассмотрели употребление имперфекта совершенных глаголов в кратно-перфективном и модальном значениях, а также две группы мнимых случаев на материале ряда славянских языков. Задачи настоящей, заключительной главы сводятся к тому, чтобы, во-первых, в виде краткой сводки представить данные об употреблении имперфекта совершенных глаголов по отдельным языкам; во-вторых, попытаться сделать определенные исторические выводы, т. е. предпринять посильную реконструкцию того хода развития, который можно предполагать для эпохи, предшествующей письменным памятникам.

* * *

Старославянский язык характеризуется, как мы видели, слабым развитием кратно-перфективного (см. стр. 99—100) и модального (см. стр. 114) употребления имперфекта совершенных глаголов. Зато здесь довольно высок процент мнимых случаев типа „*а*“, т. е. случаев, связанных с пережиточным сохранением архаической недифференцированности видовых значений „совершенности“ и „несовершенности“ (см. стр. 125, 127 и сл.). Мнимых случаев типа „*б*“ классический старославянский, кажется, не знает вовсе, и это естественно, так как имперфект и аорист полностью сохраняют в нем свою жизненную силу.

Древнерусский литературный язык отличается, по крайней мере в привлеченных памятниках повествовательного жанра, высоким развитием кратно-перфективного употребления имперфекта совершенных

¹ См. Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие. Том I, П., 1915. На стр. 133 в примечании к § 247 здесь говорится о самостоятельном употреблении этой формы, а на стр. 135 в § 251 рассматривается ее употребление в качестве частицы „желательного наклонения“ в сочетании с формой на „-и- || -и-“, т. е. со старым причастием прошедшего времени действительного залога. В последнем случае мы имеем, таким образом, дело с модальной категорией, возникшей из общеславянского плюсквамперфекта, что представляет собою еще одну параллель к фактам, рассмотренным выше, на стр. 72—73 и 123.

² См. ук. соч., Приложение, стр. 22 и стр. 4. В сноске Л. В. Щерба прямо указывает: „Форма теперь вовсе не употребляемая и даже иному непонятная“.

глаголов (см. стр. 81 и сл.). Сопоставление в этом вопросе материалов древнерусского и старославянского языков лишний раз подтверждает необходимость пересмотреть традиционную точку зрения, согласно которой в древнерусских памятниках эпического жанра имперфект употреблялся будто бы исключительно под влиянием церковнославянского языка, а живой разговорный язык древнерусской поры будто бы вовсе не знал форм имперфекта, как не знает их официально-канцелярский язык древнерусских грамот.

Уже одна только формальная сторона древнерусского имперфекта, обнаруживающая ряд отличий от старославянского, ясно говорит о том, что общеславянский имперфект сохранялся и существовал на русской почве независимо от старославянского влияния. Именно в связи с этим обстоятельством ряд ученых высказывает предположение, что древнерусские писатели употребляли формы имперфекта „не потому только, что выучивались им из церковных книг, а потому, что черпали из непрекращенного еще родника живой речи“¹. Анализ синтаксического употребления имперфекта совершенных глаголов решительно подтверждает эти предположения. Именно имперфект совершенных глаголов, получивший развитие в памятниках древнерусского литературного языка, почти отсутствует, как мы видели, в старославянских памятниках. Таким образом, старославянский не мог послужить в данном случае образцом для древнерусских писателей. Очевидно, следует сделать вывод, что имперфект совершенных глаголов и имперфект вообще представляют собой самостоятельное явление в русском общенародном языке древнейшей поры, явление, особенно развившееся в некоторых литературных жанрах этого общенародного языка. И это становится понятным в свете общего положения советского языкоznания о малой проницаемости морфологической системы языка, о конкретно-историческом, национальном своеобразии этой системы как важнейшего элемента грамматического строя, составляющего вместе с основным словарным фондом „основу языка, сущность его специфики“².

То, что имперфект совершенных глаголов в кратно-перфективном значении не был в древнерусском языке явлением, занесенным извне, разумеется, еще не обеспечивало его устойчивости. Общая тенденция к отмиранию имперфекта и аориста действовала в языке, и интересующая нас форма подвергалась заменам — с одной стороны, более распространенным имперфектом несовершенных глаголов, а затем вытеснившим его перфектом, а с другой — и это, как мы видим, не случайно, — настоящим временем глаголов совершенного вида.

Что касается второго типа употребления интересующей нас формы, ее употреблений в модальных значениях, то этот тип не получил сколько-нибудь полного развития в древнерусском языке. Относящиеся сюда случаи (стр. 112—113 и сл.) по большей части допускают и иные tolkovания, как и соответствующие примеры старославянского языка. Мнимые случаи обоих рассмотренных выше типов имеются в древнерусских памятниках, причем тип „а“ встречается чаще в памятниках более раннего периода (см. стр. 125 и сл.), а тип „б“ — главным образом в более поздних текстах (см. стр. 130).

В древнечешском языке, как и в русском, мы встречаемся с высоким развитием кратно-перфективного употребления (см. стр. 92 и сл.). Оба языка — древнечешский и древнерусский — обнаруживают

¹ И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка, СПб., 1889, стр. 132.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкоznания. Госполитиздат, 1953, стр. 26.

поразительное сходство в этом вопросе, вплоть до деталей. Все же это сходство вряд ли можно объяснить культурно-историческим взаимодействием. Не отрицая того, что взаимная связь между древнечешской и древнерусской культурой и литературными языками одного и другого народа, очевидно, имела место, — хотя вопрос о характере этой связи содержит много неясного¹, — мы не думаем, однако, что связь эта могла проявляться и в одинаковости употребления таких грамматических форм, как имперфект совершенных глаголов. Гораздо вернее будет предположить, что в обоих языках отмеченное сходство явилось не плодом каких-либо влияний и заимствований, а отражением общности отправных материалов и сходства во внутренних законах развития этих языков. В этом убеждают нас и материалы других привлеченных славянских языков — старохорватского и современного болгарского.

Модальные значения имперфекта совершенных глаголов представлены в древнечешском языке (см. стр. 113—116) несколько шире, чем в древнерусском.

В области замен для кратно-перфективного имперфекта мы наблюдали выше существенное различие между русским и чешским языками, заключающееся в том, что в качестве замены, связанной с сохранением видового оттенка, в чешском выступает не настоящее время глаголов совершенного вида, а перфект этих глаголов, что отвечает интересной особенности в синтаксисе вида в современном чешском языке — способности прошедшего на -I совершенных глаголов в широких масштабах выражать многократное действие (см. стр. 96). В качестве замены для некоторых модальных типов используется условное наклонение с *bych* (см. стр. 115).

Мнимые случаи также имеются в древнечешском, особенно — мнимые случаи типа „б“ в более поздних памятниках (см. 130—131).

В значительной мере иную картину показывает нам современный болгарский язык. В области кратно-перфективного значения имперфекта совершенных глаголов (см. стр. 104 и сл.) отличие от древнего употребления является здесь относительно меньшим, но все же оно явно бросается в глаза: при сопоставлении с аналогичными фактами древних славянских языков мы обнаруживаем в современном болгарском языке отчетливую тенденцию к „упорядочиванию“ правил употребления интересующей нас формы, к более строгой нормализации и типизации ее употребления, в частности — к ограничению ее употребления рамками придаточного предложения. В соответствии с тенденцией ограничить употребление имперфекта совершенных глаголов рамками придаточного предложения мы отмечаем, что в современном болгарском языке слабо представлен кратно-цепной тип. Однако кратно-парный и кратно-пределный типы не обнаруживают здесь — в рамках придаточного предложения — каких-либо признаков „одряхления“, хотя рядом существуют и „замены“ имперфекта совершенных глаголов в тех же конструкциях, причем — именно те „замены“, которые получили развитие в древнерусском языке, т. е. „обычный“, несовершенный имперфект и настоящее время глаголов совершенного вида (см. стр. 107—108).

Наиболее специфической чертой по сравнению с положением дел в древних славянских языках является широкое и очень живое упо-

¹ Ср., в частности, справедливые возражения Д. С. Лихачева (например, в книге „Возникновение русской литературы“. М.—Л., 1952, стр. 168—169) против точки зрения, выдвинутой акад. Н. К. Никольским („Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры“. Вып. I, Л., 1930, стр. 47 и сл.) и предполагающей одностороннюю зависимость начальной русской летописи от западнославянской хронографии.

требление в современном болгарском языке имперфекта глаголов совершенного вида (как и имперфекта несовершенных глаголов и плюсквамперфекта) в значении условного наклонения (см. стр. 116 и сл.). Это — новая черта, очевидно, получившая распространение в более поздний период истории языка. Встречаются в современном болгарском языке и некоторые другие случаи модального употребления интересующей нас формы (см. стр. 120 и сл.).

Что касается мнимых случаев, то их по существу нет и не может быть в современном болгарском языке. Нечто похожее на мнимые случаи типа „а“ можно встретить лишь у глаголов с двойственным видовым значением (см. стр. 123—124). Но эти случаи принципиально отличаются от внешне сходных случаев в языках древних. В современном языке речь идет лишь о видовой омонимии¹, в древнем языке — о пережиточном сохранении былой „безвидовости“, по крайней мере — в наиболее ясных и, так сказать, „классических“ случаях. Мнимых случаев типа „б“ в болгарском языке не может быть, так как аорист и имперфект здесь не смешиваются.

Материал других привлеченных славянских языков, значительно меньший по объему, играл для нас в некотором роде подсобную роль.

Мы видели, что на сербо-хорватской почве в прошлом, когда имперфект совершенных глаголов еще употреблялся, его основным значением, как и в других языках, было кратно-перфективное значение (см. стр. 101 и сл.) с тремя синтаксическими разновидностями — кратнопарным, кратно-цепным и кратно-пределным типами. Встречалось здесь и модальное значение, по крайней мере — в сочетании с союзом *да* (см. стр. 121—122), что, как и факты употребления в некоторых современных говорах имперфекта (несовершенных глаголов) и плюсквамперфекта в значении условного наклонения (см. стр. 72 и 73), до некоторой степени сближает сербо-хорватский язык с болгарским.

Очевидно, кратно-перфективное значение или, по крайней мере, значение многократности, имелось у интересующей нас формы и в словенском (см. стр. 103), а модальное значение условного наклонения — в верхне- и нижнелужицком (см. стр. 122—123).

Собственно, лишь один польский язык остается здесь в стороне, но объясняется это тем, что древнейшие письменные памятники польского языка отразили лишь самую последнюю фазу процесса смешения и утраты старых простых прошедших времен, так, что у нас нет никаких фактических данных для суждения о том, был ли в польском языке имперфект глаголов совершенного вида и если был, то как именно он употреблялся.

* * *

Теперь, заканчивая нашу работу, попытаемся сделать определенные исторические выводы, поставить рассмотренные здесь факты в некоторую историческую связь между собою.

Общеизвестно, что именно в вопросах синтаксиса, употребления грамматических форм, сравнительно-историческое исследование наталкивается на особенно серьезные трудности. В этих вопросах бывает подчас невозможно отличить унаследованное от параллельно развившегося. Но это не значит, что мы не должны пытаться провести такое разграничение в каждом отдельном случае. Как же обстоит дело в отношении интересующих нас форм имперфекта?

¹ Ср. сноску на стр. 124.

Повидимому, мнимые случаи типа „а“, т. е. случаи, связанные с пережитками более старых отношений в области глагольного вида, составляют наиболее древнее, наиболее архаическое явление из числа рассмотренных на протяжении этой работы. Этот тип, как мы видели, существует лишь в остатках в древнерусском и древнечешском языках и, в относительно больших размерах, представлен в старославянском, в том числе и в языке евангелия. Этот тип мы смело можем считать праславянским, существовавшим еще в общеславянском „языке-основе“.

Конечно, формы имперфекта возникли раньше, чем началось развитие совершенного и несовершенного видов, они возникли в эпоху лексических „способов действия“ и выделявшегося из них противоположения предельных и непредельных глаголов (см. стр. 69 и сл.). Очевидно, формы имперфекта первоначально свободно образуются как от непредельных, так и от предельных основ. Можно думать, что собственным значением имперфекта в эту пору было значение простой (некратной) длительности действия в прошлом и что длительность и предельность действия не противоречили друг другу, так как действие предельное (ограниченное в перспективе некоторым пределом) могло мыслиться и как длительное, протяженное во времени¹. Ведь именно так обстоит дело в тех неславянских индоевропейских языках (например, германских, кажется, и в литовском), где „полувидовая“ категория предельности не превратилась в перфективность и где, потому, например, настоящее время терминативных (предельных) глаголов может употребляться в функции конкретного настоящего. Ср. в готской библии Вульфили: *ja h̄ gawandjands sik du thizai qinon qath du Seimonan: gasaihwis tho qinon?* (Луки, 7, 44) — „и обернувшись к той женщине, сказал Симону: видишь ли эту женщину?“ — пример, где терминативный глагол *gasaihwian* употреблен в форме настоящего времени в значении конкретного настоящего „видишь“ (женщина, о которой говорят, находится в момент речи перед глазами говорящего и слушающего, в греческом тексте настоящее время *βλέπεις ταῦτη τὴν γυνήν*, в Мар. ев. *видиши ли сих женъ*).

Поскольку длительность и предельность могли сочетаться друг с другом и имперфекты могли свободно возникать и употребляться и от предельных основ, следует допустить, что позже, в эпоху, когда возникают и получают широкое распространение „вторичные несовершенные основы“ и большая часть предельных основ постепенно превращается в основы совершенного вида, в языке оказывается уже существующей готовая форма имперфекта совершенных глаголов.

Каким же могло быть значение этой формы?

Пока имперфект образовывался от предельной основы, он мог сохранять свое старое значение простой длительности; с тех пор, как вместо предельной основы является основа совершенного вида, значение простой длительности исключается, вместо длительности в собственном смысле, простой длительности (одного) действия, мы получаем длительность ряда действий, каждое из которых может быть и недлительным. Короче говоря, вместо длительного (дуративного) значения

¹ Ср. выводы, к которым приходит Е. В. Чешко, исследуя глаголы движения в Зографском кодексе, в частности, например, следующее положение: „конкретное действие, выраженное определенной основой [автор имеет в виду прежде всего определенно-моторные основы, но также, очевидно, и все другие типы „определенных“, т. е. по нашей терминологии, предельных основ, ср. выше, стр. 69—70] может быть представлено длительным и недлительным, в зависимости от чего образуются формы имперфекта и аориста“ (Е. В. Чешко. Ук. соч., стр. 342).

мы получаем многократное (итеративное). При употреблении формы имперфекта, образованной от основы совершенного вида, как раз и имеется в виду, что отдельные акты данного ряда носят характер завершенных действий, готовых фактов, что каждый такой акт не только в перспективе ограничен пределом, но и на деле его достигает. Иными словами, мы и получаем то самое кратно-перфективное значение, которое было рассмотрено выше на материале ряда славянских языков.

Когда же происходит этот переход от имперфекта предельного глагола к имперфекту совершенного глагола?

На основании выдвинутых сейчас общих соображений можно было бы думать, что переход происходит сразу же с возникновением совершенного и несовершенного видов, так как готовая форма для интересующей нас категории уже была в языке, иными словами, можно было бы думать, что имперфект совершенных глаголов возникает в поздний общеславянский период, когда начинает складываться современная система вида. Но рассмотренный фактический материал в одном пункте несколько противоречит такому предположению и заставляет внести в него некоторую поправку. Дело в том, что, как мы видели, согласованные показания древнерусского, древнечешского, старохорватского и современного болгарского языков противостоят отсутствию кратно-перфективного значения и вообще подлинных случаев имперфекта совершенных глаголов в старославянском переводе евангелия и слабому развитию этой категории в других старославянских текстах. Учитывая это положение вещей, мы, вероятно, должны будем допустить некоторую задержку, некоторый разрыв во времени между возникновением совершенного вида и возникновением имперфекта совершенных глаголов.

Может быть, прав проф. Т. П. Ломтев, который считает, что, благодаря особому видовому оттенку в значении имперфекта, дифференциация собственно видовых значений проходит в этой форме несколько позже, чем в некоторых других формах глагола, в частности в формах настоящего времени¹. Можно думать, что эта дифференциация происходит после обособления отдельных славянских языков, хотя в основном она предшествует возникновению письменных памятников на этих языках. В условиях такой дифференциации бывшие предельные основы, став совершенными, могли почти перестать употребляться в формах имперфекта, как это случилось в старославянском, либо, если они употреблялись, они получали в этих формах новую функцию — функцию кратно-перфективную, как это было сейчас изложено. Иными словами, мы скорее готовы склониться к мысли, что кратно-перфективное значение развивается в каждом из славянских языков в основном уже в период их обособленного существования. Сходство между ними в этом вопросе, касающееся и многих частностей, может служить ярким примером грамматического сходства, обусловленного сходством внутренних законов развития близкородственных языков.

Повидимому, еще позже, чем развитие кратно-перфективного значения, происходит развитие модальных значений интересующей нас

¹ См. выше, стр. 76. — Соглашаясь в этом вопросе с Т. П. Ломтевым, сделаем все же одну важную оговорку. У проф. Ломтева получилось так, что в формах имперфекта видовая дифференциация протекает в основном уже в период после возникновения первых письменных памятников на древних славянских языках, в силу чего не мог получить, с точки зрения его концепции, правильного освещения имперфект глаголов совершенного вида, который огульно рассматривался проф. Ломтевым как пережиток „довидового“ состояния. Мы полагаем, что в формах имперфекта видовая дифференциация произошла если и позже, чем в формах настоящего времени, то в основном все же в дописьменный период.

формы. Старославянский и древнерусский языки обнаруживают лишь зачатки такого развития, древнечешский идет несколько дальше, в современном болгарском модальное значение становится по своей роли в языке на один уровень с кратно-перфективным. Развитие модальных значений имперфекта совершенных глаголов было вполне закономерным, так как оно органически вытекало из общей способности славянского имперфекта выражать модальные значения и, особенно, значение условного наклонения (см. выше, стр. 72). Степень единобразия между отдельными славянскими языками в области модальных значений интересующей нас формы является, как неоднократно было отмечено, значительно меньшей, чем в области кратно-перфективного значения. Но все же и здесь наблюдаются поразительные совпадения, в том числе и между такими славянскими языками, которые не имели непосредственного географического или культурно-исторического контакта (ср. факты болгарского и серболужицких языков).

В порядке параллельного развития возникают в разных славянских языках и замены рассмотренных нами типов (ср. древнечешскую замену с помощью перфекта совершенных глаголов, отсутствующую в древнерусском). При этом, однако, основные возможности таких „замен“, в частности, „замены“ с помощью настоящего времени глаголов совершенного вида, возникают также на базе сходства внутренних законов развития славянских языков.

Старая сравнительная грамматика сосредоточивала все свое внимание на реконструкции исходного прайзыкового состояния и, соответственно, на изучении того общего, что унаследовано родственными языками от их общего источника — прайзыка. То, что не было унаследовано, а развилося как общее, либо вовсе не учитывалось ею, либо также рассматривалось (только на том основании, что оно общее) как унаследованное от прайзыка. Между тем, родство языков обнаруживается не только в общности исходных унаследованных материалов, но и в сходстве некоторых позднее развившихся явлений, отражающих сходство внутренних законов развития этих родственных языков. Именно на эту важную сторону дела обращают сейчас внимание советские языковеды-компаративисты. Напомним, что, говоря о необходимости изучения языкового родства, в частности языкового родства славянских наций, И. В. Сталин подчеркнул именно то важнейшее обстоятельство, что „изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкоzнанию большую пользу в деле изучения законов развития языка“¹, изучение же законов развития языка, внутренних законов его развития и составляет главную задачу языкоzнания. Это значит, что исследование должно проводиться не только с целью реконструкции тех или иных прайформ, не только с целью гипотетического восстановления каких-то фактов древнейшей истории родственных языков (эта задача, стоявшая в центре внимания старого сравнительного языкоzнания, разумеется, не снимается), но — и это самое важное — с целью выяснения общих исторических закономерностей развития этих языков и шире — законов развития языка вообще.

В разрезе этой большой задачи, стоящей сейчас перед советским языкоzнанием, существенное значение приобретает изучение явлений, хотя и не „прайзыковых“, не унаследованных от эпохи „языка-основы“, но общих родственным языкам в порядке параллельного развития.

¹ И. С та л и н. Марксизм и вопросы языкоzнания, стр. 34.